

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1914.

№ 18.

СЕНТЯБРЬ—книжка вторая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Согласованіе евангельскихъ сказаній о воскресеніи Христо-
вомъ. **А. Антонія.** 717—723
- Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ аполо-
гетическомъ освѣщеніи. (Продолж.). **Пр. Н. Стеллецкаго.** 724—736
- Вѣра и вѣрованія. (Окончаніе). **Свящ. Іоанна Дми-
тревскаго** 737—747
- Миссіонерская самозащита. (Окончаніе). **Николая Вар-
жанскаго** 748—764
- Молитва и образъ ея совершенія по ученію Слова Божія
и святыхъ отцовъ и учителей Православной Церкви. **Прот. Вас.
Добровольскаго** 765—797
- При какихъ условіяхъ армія не только считается, но и
бываетъ „побѣдоносной“? **Свящ. Д. Ромашикова.** 798—802
- Проф. философіи Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ. **Свящ.
Александра Ходяицкаго.** 803—830

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Предложеніе Его Высокопреосвященства духовенству.—Отъ
Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Рапортъ Харьковскаго
Епархіальнаго миссіонера, протоіерея Константина Селивановскаго.—
Епархіальныя извѣщенія.—II. Какъ должна составлять описаніе хра-
мовъ. **Свящ. Павла Лобковскаго.**—Епархіальная хроника.—Иноепар-
хіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—
(Стр. 831—852).—Отчетъ о дѣятельности Харьковскаго Религіозно-
Просвѣтительнаго Епархіальнаго Братства. (Приложеніе).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1914.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ дастъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ копторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1913 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно воля Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

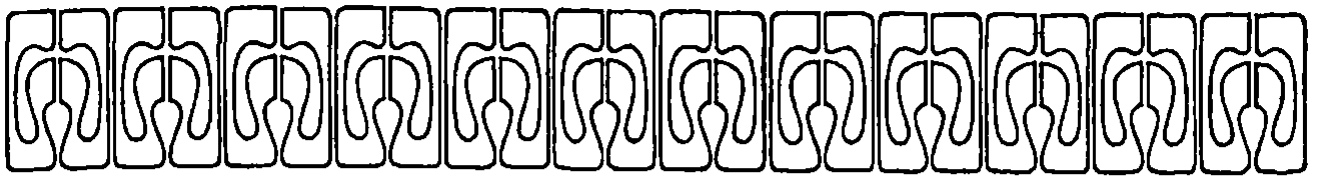
Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 30 Сентября 1914 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Толминъ.

Согласованіе евангельскихъ сказаній о воскресеніи Христовомъ.

Намъ приходилось читать различныя попытки выяснить взаимное согласіе евангелистовъ касательно явленія воскресшаго Господа Своимъ ученикамъ и ученицамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ, напр. доктора Пясковскаго (въ 90-хъ годахъ Христ. Чтенія), почти удовлетворяли насъ, но тѣмъ досаднѣе было замѣчать въ нихъ отсутствіе того главнаго положенія, которое быстро осваиваетъ читателя св. Библия съ согласованностью событій, изложенныхъ въ четырехъ евангеліяхъ; это-то положеніе или тезисъ давно просится у насъ изъ подъ пера, но полное отсутствіе досуга препятствовало намъ предложить до сего дня свои соображенія по данному предмету.

Однако прежде, чѣмъ предложить послѣднія, скажемъ, что самымъ неправдоподобнымъ приѣмомъ согласованія является наиболѣе принятый, въ силу котораго выходитъ, будто св. Марія Магдалина, послѣ того, какъ ее съ другою Маріей встрѣтилъ воскресшій Господь и со словомъ: радуйтесь, дозволилъ обнять свои стопы,—потомъ опять является плачущею у гроба и не узнаетъ явившагося Христа, принимая Его за виноградаря, а потомъ, когда узнаетъ Его, то получаетъ воспрещеніе къ Нему прикасаться.

Такое расположеніе событій уже ни съ чѣмъ не сообразно и попытки усвоить его читателямъ сводятся къ жалкимъ натяжкамъ и сложнымъ, но совсѣмъ не убѣдительнымъ вымысламъ.

Явленія Господа мироносицамъ во всѣхъ четырехъ евангеліяхъ описываются не одинаково, т. е. берутся разные моменты этихъ (неоднократныхъ) явленій. Но то, что всего болѣе затрудняетъ толкователей, это согласованіе

вышеприведенныхъ повѣствованій Маттея и Іоанна. Ясно, что Господь явился Маріи Магдалинѣ дважды, однажды наединѣ, а другой разъ вмѣстѣ съ другою Маріей, но какъ одно явленіе относится къ другому, вотъ что затрудняетъ толкователей.

Положеніе (тезисъ), которымъ мы обѣщали разрѣшить этотъ вопросъ, выражается, или, какъ говорятъ въ академіяхъ, формулируется,—такъ: Евангелистъ Матеей говоритъ объ исшествіи двухъ Марій ко гробу Господню, *уже знавшихъ, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ*. То, что описываетъ этотъ евангелистъ, произошло уже послѣ описаннаго св. Іоанномъ явленія Господа Маріи Магдалинѣ, принявшей было Его за виноградаря; она затѣмъ сообщила о семъ Апостоламъ „яко видѣ Господа и сія рече ей“, сообщила конечно о томъ же и другой Маріи, и вотъ обѣ Маріи идутъ ко гробу—зачѣмъ? не для помазанія Господня тѣла (ибо знаютъ, что оно воскресло), не съ ароматами, а идутъ, чтобы „посмотрѣть гробъ“, зная, что онъ уже—пустой, но что въ немъ хранятся погребальныя пелены Господа. Навѣрно не онѣ однѣ и не два Апостола только пошли удостовѣриться въ томъ, что повѣдала Марія Магдалина, а потомъ и другія мирносицы, но и всѣ Христовы послѣдователи, узнавшіе о событіи („одиннадцать и всѣ прочіе“ Лук. 24, 9 ср. 24, 24); евангелистъ же сообщаетъ о двухъ Маріяхъ потому, что онѣ удостоились новаго явленія Ангела, а затѣмъ и самого Господа.

Чѣмъ же, кромѣ выраженія: „посмотрѣть гробъ“, можно подтвердить нашу увѣренность въ томъ, что Матеей повѣствуетъ о томъ, что произошло уже послѣ явленія Христа Маріи Магдалинѣ, сообщеннаго у Іоанна?

Во первыхъ, или точнѣе—во вторыхъ тѣмъ, что Іоаннъ повѣствуетъ о происшедшемъ, „еще сущей тѣмъ“, а Матеей о томъ, что было „на разсвѣтѣ перваго дня недѣли“¹⁾.

¹⁾ Нѣсколько лѣтъ мнѣ пришлось читать, не помню чью статью по сему предмету, гдѣ авторъ настаиваетъ на томъ, будто выраженіе слав. текста „свитаючи во едину отъ субботъ“ означаетъ не разсвѣтъ, а только приближеніе перваго дня послѣ субботы, т. е. что Господь воскресъ и даже двумъ Маріямъ явился въ субботу вечеромъ, вопреки прямому свидѣтельству Марка „воскресъ Іисусъ зѣтра въ первую субботу“. Авторъ сноситъ этотъ стихъ Лук. 23, 54 „*бы же пятокъ и суббота свиташе*“. Правда, въ обоихъ случаяхъ употреб-

Въ третьихъ, обратимъ вниманіе на отношеніе мироносицъ къ словамъ Ангела и самого Спасителя. У Іоанна Марія является настолько неподготовленной къ сознательному усвоенію событія, что принимаетъ Христа за виноградаря, у Марка слова Ангела приводятъ мироносицъ въ такой ужасъ, что онѣ „никому же ничтоже рѣша, бояхубося“; Лука пишетъ о томъ же: „и когда онѣ были въ страхѣ и наклонили лица къ землѣ“.

Напротивъ, явленіе Ангела, описанное св. Матеемъ, встрѣчаетъ мироносицъ уже болѣе подготовленными къ видѣнію, ибо хотя небожитель и ободряетъ ихъ словами: „не бойтесь“, но онѣ настолько владѣютъ собою, что онѣ говорятъ имъ далѣе: „подойдите, посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь“, т. е. предлагаетъ имъ исполнить то, зачѣмъ онѣ пришли („видѣти гробъ“). У Марка мироносицы (не эти двѣ, а другія) „никому же ничтоже рѣша, бояхубося“, а Матеей повѣствуетъ о двухъ Маріяхъ, что онѣ „со страхомъ (конечно страхъ неизбеженъ при всякомъ чудесномъ видѣніи) и радостию великою побѣждали возвѣстити ученикамъ Его“. Магдалина, выполняя это повелѣніе, уже вторично (впервые она получила его отъ самого Господа по четвертому евангелію), а также и другая Марія, знавшая отъ первой о бывшемъ ей явленіи Воскресшаго, теперь уже вполне сознательно относятся ко второму явленію Спасителя. Откуда это видно?

Отвѣтъ на такой вопросъ является четвертымъ доводомъ

ляется тотъ же греч. глаголъ ἐπέφωσκεν, но ясно, что онъ употребляется не въ одинаковомъ смыслѣ. Вѣдь Лука говоритъ о погребеніи тѣла Господня, совершившемся въ пятницу до наступленія субботняго покоя (ср. Іоан. 19, 42. Лук. 23, 56), а между тѣмъ авторъ едва ли рѣшится утверждать, что двѣ Маріи пошли на гробъ до календарнаго наступленія воскреснаго дня, т. е. до окончанія субботняго покоя. Ясно, что это слово—свиташе (ἐπέφωσκεν) у Луки означало не атмосферическое, не свѣтовое состояніе дня (разсвѣта),—какъ у Матеея, а праздничное (субъективное) ожиданіе—предчувствовалась, предвкушалась суббота, но не субботній разсвѣтъ, а приближеніе праздничныхъ субботнихъ сутокъ, которыя начинаются съ захода, а не съ восхода солнца, около 6 часовъ вечера. Такъ, у насъ въ началѣ великаго поста поютъ, что сіяетъ заря Воскресенія, разумѣется не какъ атмосферическое явленіе, не какъ признакъ скорого восхода солнца, а какъ радостное чувство, предваряющее святую ночь Воскресенія за 48 сутокъ.

въ пользу нашего заявленія о томъ, что обѣ жены пошли смотрѣть гробъ, уже зная о воскресеніи Христовомъ, а равно и объясненіемъ тому, почему Господь тогда не допустилъ Марію Магдалину прикоснуться къ Себѣ, а теперь разрѣшилъ сіе обѣимъ Маріямъ.

О первомъ событіи Октоихъ говоритъ такъ: „но яко жена немощная еще земная мудрствуетъ, тѣмъ же отсылается не прикасаться Христу“ (9 ев. стихира). Что это значитъ? Конечно тутъ не можетъ быть рѣчи о попыткѣ какого либо страстнаго прикосновенія, нѣтъ!—Просто совершенная неожиданность видѣть оплаканнаго Учителя живымъ охватила душу Маріи такою непосредственною радостію, что она раньше чѣмъ подумать о таинственномъ воскресеніи, о Божествѣ Его, просто предалась восторженной радости, какъ о дорогомъ человѣкѣ, избѣгшемъ смертной опасности, и забывъ, что она женщина, хотѣла обнять Учителя и облобызать Того, Кого почитала мертвымъ и украденнымъ въ предшествующія мгновенія. Господь напоминаетъ ей о неумѣстности такого выраженія, хотя бы и совершенно чистой любви, предлагая затѣмъ въ тотъ же вечеръ своимъ, еще сомнѣвавшимся, ученикамъ мужескаго пола осязать Его раны.—Иное было отношеніе Господа къ поклоненію той-же Маріи Магдалины и другой Маріи чрезъ часъ или два послѣ Своего перваго явленія. Здѣсь обѣ Маріи уже знали, что Господь является вѣрующимъ, какъ побѣдитель смерти и ада, какъ восходящій къ Небесному Отцу въ вѣчное царство и властно посылающій апостоловъ на проповѣдь и на побѣдоносную борьбу съ міромъ. Теперь обѣ жены, встрѣтивъ Его, говорящаго имъ: „радуйтесь“, уже не „земная мудрствуютъ“, а поклоняются Ему, какъ живой святынѣ, какъ Сыну Божію и потому Онъ не препятствуетъ сдѣлать то, что онѣ сдѣлали: „онѣ же ястеса за нозѣ Его и поклонистеса Ему (Мате. 28, 9).—Ты согласилъ Маттея съ Іоанномъ, скажетъ пожалуй читатель, но какъ ты согласишь ихъ съ двумя прочими евангелистами? Куда помѣстишь пришествіе Магдалины на гробъ съ ароматами, въ сопровожденіи другихъ женъ мирносецъ, поименованныхъ у Марка и Луки?

Главная мысль нашего отвѣта будетъ такая. Марія Магдалина съ ароматами вовсе и не приходила на гробъ Господень, а приходили съ ароматами другія жены, послѣ

перваго явленія Христа Маріи, а можетъ быть даже послѣ второго, но не знавшія еще о Воскресеніи Христовомъ. Повѣствованіе Іоанна говоритъ о томъ, что было „еще сущей тьмѣ“, а повѣствованіе Матѳея отмѣчаетъ событіе о бывшемъ „весьма рано при восходѣ солнца“ (возсіявшу солнцу—такъ и въ греческомъ), а Лука—о томъ, что было „очень рано“.—Эти два выраженія не настолько опредѣленные, чтобы ставить ихъ ранѣе или позже времени, обозначеннаго въ первомъ евангеліи, но во всякомъ случаѣ здѣсь рѣчь идетъ о женахъ, явившихся на гробъ совершенно неподготовленными къ проповѣди воскресенія, и нѣтъ никакой нужды настаивать на томъ, что среди нихъ была Марія Магдалина: напротивъ, эти два евангелиста даютъ полную возможность принять противоположную мысль, а именно ту, что Магдалины среди нихъ не было. Оба евангелиста раздѣляютъ три событія: а) покупку (Маркъ) или же предварительную заготовку (Лука) ароматовъ, б) пришествіе женъ ко гробу и бесѣду съ Ангеломъ (Маркъ) или Ангелами (Лука) и в) возвѣщеніе апостоламъ. Начнемъ съ послѣдняго момента. Не нужно думать, будто по Марку испуганныя женщины такъ и вовсе не повѣдали о видѣніи Ангела и не исполняли его порученія къ апостоламъ; Маркъ только отмѣчаетъ, что онѣ не могли этого сразу сдѣлать и что Апостолы узнали о семъ прежде всего отъ Маріи Магдалины, которой Господь „явился сперва“. Видите, Маркъ самъ выдѣляетъ ее изъ ряда прочихъ мирнолицъ и слѣдовательно упоминаетъ о событіи, не связанномъ съ принесеніемъ ароматовъ. Но вѣдь Марія Магдалина по Марку участвовала и въ этомъ принесеніи? Во все нѣтъ. Онъ говоритъ только объ ея участіи въ покупке мира (16, 1) и перечисляетъ по именамъ участницъ покупки, которыя происходили по прошествіи субботы, т. е. по нашему европейскому счету—въ субботу вечеромъ, послѣ шести часовъ, а ушла Магдалина на гробъ еще сущей тьмѣ безъ ароматовъ, прочія же женщины понесли ароматы „при восходѣ солнца“. Господь же явился не всѣмъ, а только „Маріи Магдалинѣ“, которая, слѣдовательно, и по Марку была не вмѣстѣ съ ними (16, 9).

Если Маркъ, опредѣленно поименовавъ тѣхъ женъ, которыя взирали на погребеніе Господне и тѣхъ, которыя покупали ароматы, не повторяетъ именованій, говоря о при-

несеніи мирноносицами ароматовъ ко гробу: то Лука не называетъ именъ ни заготовщицъ ароматовъ, ни принесшихъ оныя на гробъ Господень, но упоминаетъ, что составъ тѣхъ и другихъ былъ не одинаковъ („вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя другія“). Очевидно, нѣкоторыя изъ нихъ обращались съ ароматами еще въ пятокъ послѣ смерти Спасителя и въ субботу остались въ покоѣ по заповѣди“ (Лука), а другія покупали ароматы уже по прошествіи субботняго покоя (Маркъ 16, 1). Итакъ Лука не именуетъ женъ, принесшихъ ароматы, но выражается такъ: „и возвратившись отъ гроба, возвѣстили все это одиннадцати и всѣмъ прочимъ. То были Марія Магдалина, и Іоанна, и Марія Іаковлева, которыя сказали о семъ апостоламъ“. Замѣтьте эту прибавку: „которыя сказали апостоламъ“; не говоритъ—которыя носили ароматы, видѣли Ангеловъ, но „которыя сказали одиннадцати и всѣмъ прочимъ“ (Лук.). Въ этомъ возвѣщеніи участвовала Марія, точнѣе—она и начала его, какъ свидѣлствуютъ Іоаннъ и Маркъ, а объ участіи ея въ принесеніи на гробъ ароматовъ не говоритъ слѣдовательно ни одинъ евангелистъ.

Само собою разумѣется, что слова евангелиста Луки: „возвѣстили одиннадцати и всѣмъ прочимъ“ нельзя понимать, какъ единичный актъ, ибо все это немалочисленное общество не могло быть постоянно вмѣстѣ,—а въ томъ смыслѣ, что свидѣтельницы воскресенія ходили изъ дома въ домъ съ радостною вѣстью, т. е. двѣ Маріи, видѣвшія Господа, и прочія мирноносицы, бесѣдовавшія съ ангелами. Къ первому свидѣтельству должно отнести слова третьяго евангелія: „Петръ же возставъ, тече ко гробу и притекъ видѣ ризы едины лежаща“, совпадающія со словами Іоанна „изыде же Симонъ Петръ и другій ученикъ и идяста ко гробу“ (20, 3).

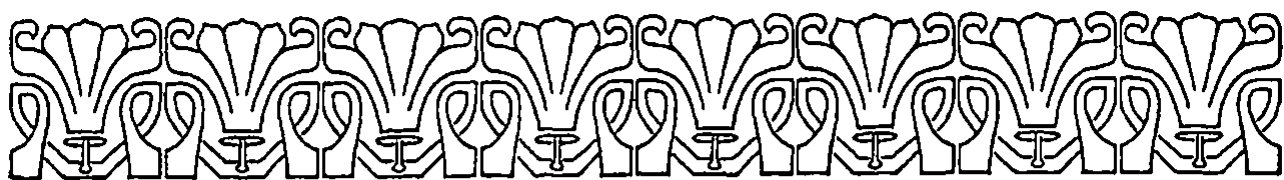
Отсюда видимъ, что евангелисты не только не противорѣчатъ другъ другу, описывая событія перваго дня по воскресеніи Христовомъ, но, говоря о различныхъ моментахъ этого дня, каждый изъ четырехъ какъ бы нарочно оставляетъ мѣсто для включенія тѣхъ моментовъ, о которыхъ повѣствуютъ три прочіе.

Соединяя четыре повѣствованія, получаемъ такую послѣдовательность событій. Оди́нъ изъ ученицъ Христовыхъ въ пятницу предъ вечеромъ (Лука), другія, и между ними Марія Магдалина, въ субботу вечеромъ (Маркъ) приобрѣтаютъ аро-

маты, чтобы идти съ ними и помазать тѣло Господне. Однако Марія Магдалина покидаетъ подругъ и еще ночью подь воскресный день бѣжитъ одна ко гробу, не обрѣтаетъ Погребеннаго (Іоан.), зоветъ Петра (Лук. и Іоан.) и Іоанна (Іоан.), стоитъ внѣ гробной пещеры съ плачемъ, говоритъ съ Ангеломъ и съ Господомъ Іисусомъ, не узнаетъ Его, а узнавши, бросается къ Нему, но не допускается до прикосновенія, и согласно повелѣнію Его идетъ возвѣститъ апостоламъ (Іоан., Марк.) и прочимъ ученикамъ (Лук.). Не зная о семъ, приходятъ на гробъ другія мироносицы, принимаютъ повелѣніе отъ Ангеловъ (Марк., Лук.) и вернувшись, сначала отъ ужаса молчатъ (Марк.), а потомъ, вслѣдъ за Магдалиной, и сами повѣствуютъ всѣмъ о видѣніи (Лук.). Марія Магдалина и другая Марія, уже увѣренныя въ воскресеніи Христовомъ, идутъ посмотрѣть гробъ и пелены Господни, видѣнныя Петромъ (Лук. и Іоан.) и Іоанномъ (Іоан.), но не досмотрѣнныя Маріей, когда впервые явились ей Ангелы (Іоан.). Придя ко гробу, обѣ Маріи видятъ снова Ангела, который дозволяетъ имъ войти внутрь и посмотрѣть мѣсто, гдѣ лежалъ Господь (Матѣ.) и гдѣ остался Его погребальный уборъ. При этомъ Ангелъ повелѣваетъ имъ подтвердить ученикамъ о воскресеніи и вознесеніи, что уже приказалъ исполнить Магдалинѣ явившійся Господь (Іоан.). Вполнѣ освоившись съ радостными событіями, обѣ Маріи спѣшатъ снова къ апостоламъ; ихъ на пути встрѣчаетъ Господь и уже не препятствуетъ имъ воздать Ему поклоненіе и благоговѣйное прикосновеніе къ Его ногамъ (Матѣ.). Къ вечеру того же дня все это стало извѣстнымъ не только одиннадцати, но и семидесяти ученикамъ (Лук.), а жалкая выдумка фари́сеевъ и воиновъ о покражѣ тѣла Христова, когда они спали (какъ могли бы это узнать спящіе?), не смутила учениковъ Христовыхъ, ибо Онъ многократными явленіями увѣрялъ ихъ въ Своемъ воскресеніи, давалъ Себя осязать, принималъ при нихъ пищу и наконецъ, на глазахъ всѣхъ учениковъ вознесся на небо въ сороковой день по воскресеніи (Марк., Лук. и Дѣянія).

Все это становится яснымъ, если согласованіе евангелій основать именно на томъ положеніи, что двѣ Маріи перваго евангелія пошли видѣть гробъ, уже зная о воскресеніи Господа.

А. Антоній.

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

XL.

Клятва.

Клятва есть благоговѣйное призываніе всевѣдущаго и святого Бога, какъ Свидѣтеля истины и Карателя лжи, въ удостовѣреніе истинности своего показанія, будетъ ли это простое подтвержденіе—*да* (*Iuramentum assertorium*), или обѣщаніе (*Iuramentum promissorium*). Когда же клятва дается по требованію правительственной (церковной или государственной) власти и при томъ по извѣстной, опредѣленной формѣ, она получаетъ названіе въ частности *присяги*. Клятва или присяга по справедливости считается однимъ изъ видовъ Богопочтенія; потому что и дающій ее и принимающій свидѣлствуютъ о своемъ уваженіи и благоговѣніи къ Божественному имени, которымъ утверждается взаимное довѣріе людей другъ къ другу¹⁾. Изъ глубины души призывать Бога въ свидѣтели и судіи нашихъ подтвержденій и обѣщаній можетъ, конечно, только тотъ, кто благоговѣйно вѣруетъ, что Богъ „есть истиненъ“ (Іоан. 8. 26), что Онъ—„больше сердца нашего и знаетъ все“ (1 Іоан. 3, 20). Клятва, поэтому, есть нѣкоторое исповѣданіе Бога, какъ высшей правды, и при-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17 за 1914 г.

¹⁾ „Святое соблюденіе клятвы относится къ богопочтенію, какъ естественный и постоянный спутникъ благочестія, такъ какъ клятва служитъ основою самаго божественнаго закона и сохраненія устроеннаго имъ мірового порядка“ („Золотые стихи Пифагорейцевъ“ съ комментариемъ Гіерокла философа. Проф. Г. В. Малеванскаго. „Вѣра и Разумъ“ 1897 г., № 16, стр. 146).

знаніе верховенства этой правды надъ неправдою человѣческою. Присяга или клятва имѣетъ нѣкоторое сходство съ самой молитвой, насколько присягающій, подобно молящемуся, отрѣшается отъ всѣхъ земныхъ отношеній и становится предъ лицомъ Бога. Потому-то для принесенія клятвы люди собирались (3 Цар. 8, 31) и собираются обыкновенно въ томъ самомъ мѣстѣ, въ какомъ собираются и для молитвы—въ храмъ Божіемъ; если же клятва приносится иногда и внѣ храма, то все-таки клянутся при извѣстной церковной обстановкѣ. Но при этомъ сходствѣ есть и громадное различіе. Молитва проистекаетъ изъ потребности любви и живого общенія съ Богомъ; клятва же происходитъ изъ сознанія недостатка взаимнаго довѣрія людей другъ къ другу.

Говоря вообще, клятва имѣетъ *цѣлю* утвержденіе, открытіе и распространеніе истины, отсюда разсѣяніе тьмы невѣдѣнія, лукавства, злобы и проч. и распространіе свѣта правды, довѣрія, любви и проч. Такимъ образомъ она имѣетъ общею *цѣлю* своею утвержденіе и распространеніе царства Божія на землѣ, которое есть „праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ“ (Рим. 14, 17). Въ частности, *цѣль* клятвы можетъ быть разсматриваема какъ по отношенію къ самому клянущемуся, такъ и по отношенію къ ближнимъ его.

Человѣкъ часто забываетъ о Богѣ и живетъ внѣ внутренняго общенія съ Нимъ. „Хожденіе предъ Богомъ“ и являющаяся слѣдствіемъ его „непорочность“ (Быт. 17, 1) для него обычно только *идеаль*. И вотъ дозволяя грѣховному человѣку въ особыхъ или исключительныхъ случаяхъ свидѣтельствоваться Самимъ Собою, какъ всевѣдущимъ и всеправеднымъ Судіею человѣческихъ словъ и дѣйствій, Господь чрезъ это, само собою разумѣется, внушаетъ ему, чтобы онъ и вообще ходилъ предъ Нимъ всегда, т. е. никогда не забывалъ бы лежащаго на немъ долга творить Его благоую и святую волю во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Въ этомъ смыслѣ и заповѣдуетъ Всевышній избранному народу Своему: „Господа Бога твоего бойся, Ему одному служи, къ Нему *прилтись* и Его именемъ клянись“ (Втор. 6, 13).

По отношенію къ *ближнимъ*—*цѣль* клятвы состоитъ въ слѣдующемъ: дозволяя призывать Себя во свидѣтели истины и правды и каратели лжи и обмана, Господь этимъ

самымъ, конечно, даетъ человѣку для его-же собственнаго блага средство и возможность сообщать своимъ подтвержденіямъ и обѣщаніямъ наибольшую степень достовѣрности въ глазахъ другихъ людей, чтобы такимъ путемъ наилучше открывалась истина и правда въ дѣлахъ, возбуждающихъ споры и сомнѣнія. Въ этомъ смыслѣ и говоритъ ап. Павелъ: „люди клянутся высшимъ, и клятва *въ удостовѣреніе* оканчивается всякій споръ“ (Евр. 6, 16). По такой своей цѣли клятва, употреблявшаяся среди евреевъ еще со временъ патріархальныхъ (Быт. 24, 2—4, 37—41; 50, 5, 25), узаконена была Моисеемъ въ дѣлахъ судебныхъ (Исх. 22, 7—11; Чис. 5, 12—22; Втор. 6, 13), равно какъ въ тѣхъ важныхъ случаяхъ, когда, напр., нужно было подкрѣпить обѣщаніе вѣрноподданнической преданности верховной власти (2 Цар. 15, 18—22), обезпечить исполненіе народомъ царскихъ порученій и распоряженій (4 Цар. 11, 1—4), заключить договоры и союзы съ иноземными народами (Ис. Нав. 9, 15) и т. п. Съ тою же цѣлю употреблялъ клятву и Самъ Господь Богъ (Быт. 22, 16—18; Пс. 88, 4). Конечно, въ этомъ употребленіи клятвы Господомъ нельзя не видѣть снисхожденія Божія къ духовнымъ немощамъ человѣка: „невозможно Богу солгать“ (Евр. 6, 18), и „обѣтованія Божія“ не были „да и нѣтъ“, но всегда—были „да и аминь“ (2 Кор. 1, 19—20). Но такъ какъ „люди клянутся *высшимъ*“ для большаго „удосто-вѣренія“ истинности своихъ показаній и обѣщаній, то и Господь, по словамъ ап. Павла, „желая *преимущественнѣе* показать наслѣдникамъ обѣтованія *непреложность* Своей воли, употребилъ въ посредство *клятву*“ (Евр. 6, 17), и какъ не могъ никѣмъ высшимъ клясться, ибо выше Его никого нѣтъ во вселенной, клялся Самимъ Собою (ст. 13). Свидѣтельствуясь Самимъ Собою, Господь этимъ указывалъ основаніе непреложности Своихъ обѣтованій въ Божественныхъ свойствахъ собственнаго-же существа Своего, т. е. въ Своемъ всевѣдѣніи, святости, всеправедности и проч. Въ виду такой благодетельной цѣли клятвы, Богъ чрезъ Своихъ пророковъ предсказалъ, что и въ благодатномъ царствѣ Іисуса Христа употребленіе ея не будетъ отвергнуто (Ис. 65, 16; Іерем. 12 16). Ветхозавѣтныя пророчества этого рода исполнились, прежде всего, на Самомъ Спасителѣ. Въ удостовѣреніе истинности Своей проповѣди и Своего посланничества, воплотившійся

Сынъ Божій неоднократно призывалъ имя Бога—Отца, какъ верховнаго и непререкаемаго Свидѣтеля правдивости Своихъ словъ и Своихъ дѣйствій (Іоан. 5, 30—32; 11, 41—41. Ср. ст. 19). Можно сказать, Господь І. Христосъ даже утвердилъ клятву собственнымъ примѣромъ, когда во время суда надъ Нимъ Самимъ, на слова первосвященника: „*заклинаю Тебя, скажи намъ: Ты ли Христосъ, Сынъ Божій*“? *отвѣчалъ*: „ты сказалъ“ (Мѡ. 26, 59—64), т. е. такъ, это правда, другими словами,—формально принялъ обычную у тогдашнихъ іудеевъ *присягу* (Чис. 5, 20—22) и подъ *присягой* показалъ, что Онъ дѣйствительно *есть* Мессія Сынъ Божій. Также и ап. Павелъ часто въ своихъ посланіяхъ употребляетъ такіе обороты рѣчи, которые сродны съ клятвою: „Бога призываю во свидѣтеля на душу мою“, (2 Кор. 1, 23); „свидѣтель мнѣ Богъ“ (Рим. 1, 9. Ср. 2 Кор. 1, 20, 23; Гал. 1, 20; Филип. 1, 8; 1 Тим. 5, 21; 2 Тим. 4, 1; Апок. 10, 5—9). Впрочемъ, эти выраженія не входятъ собственно въ форму присяги и скорѣе могутъ быть сопоставлены съ часто повторяющимся въ устахъ Господа изреченіемъ: „истинно, истинно говорю вамъ!“.

Важныя цѣли клятвы не только показываютъ *умѣстность*, но и обязательность употребленія ея въ христіанскомъ обществѣ въ потребныхъ случаяхъ. Если же нѣкоторые сектанты (въ древности—монтанисты, евхиты, богомилы¹⁾, вальденсы, въ новое время—анабаптисты, меннониты, квакеры, піэтисты; у насъ—духоборы, молокане, штундисты и проч.), гр. Л. Н. Толстой, этотъ, по выраженію одной свѣтской писательницы (Е. Некрасовой), „неисправимый сектантъ“²⁾, проф. Вагнеръ и др. безусловно отвергали и отвергаютъ клятву, то это связывается у нихъ или съ фари́сейскимъ признаніемъ всѣхъ членовъ своей секты святыми (между которыми не можетъ быть взаимнаго недовѣрія) и потому ненуждающимися въ клятвѣ (Ср. 1 Іоан. 1, 8), или съ пред-

¹⁾ См. нашу статью: „Болгарская ересь богомиловъ и вліяніе ея на возникновеніе русскихъ религіозныхъ сектъ“. „Мисс. Обзорѣніе“ 1901 г. апрѣль и октябрь.

²⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“ 1889 г. Съ „исторіей“ возрѣній на клятву можно познакомиться по сочиненіямъ: *Robert Kúbel*-я „*Christliche Ethik*“, Theil II, München, 1896, s. 184—187; проф. А. Ѳ. Гусева „О клятвѣ и присягѣ. Противъ совр. отрицателей ея“. Казань. 1891 г., стр. 3—10 и др.

взятыми ихъ религіозными и нравственно-соціальными воззрѣніями, какъ это особенно наблюдается въ толстовствѣ. Извѣстно, что Л. Толстой не признавалъ бытія личнаго Бога и отвергалъ всякій государственно-общественный строй ¹⁾. Спрашивается: о какой же клятвѣ и присягѣ можетъ быть рѣчь съ его точки зрѣнія?

Въ оправданіе своего рѣшительно-отрицательнаго отношенія къ клятвѣ Толстой съ единомышленниками своими обыкновенно ссылаются на извѣстныя слова о ней Іисуса Христа (Мѡ. 5, 34—37) и на слова ап. Іакова (5, 12) ²⁾. Разсмотримъ эти слова, превратно истолковываемыя ими для своихъ цѣлей, съ возможною здѣсь обстоятельностью.

Въ Евангеліи, по взгляду сектантовъ, безусловно запрещается всякая клятва, когда Господь говоритъ: „не клянитесь *вовсе* (ὅλως, omnino)..., но да будетъ слово (ὁ λόγος) ваше: да, да, нѣтъ, нѣтъ, а что сверхъ этого, то *отъ лукаваго*“ (ἐκ τοῦ πονηροῦ) (Мѡ. 5, 34. 37). Но чтобы правильно понять это запрещеніе, необходимо вникнуть въ смыслъ всей рѣчи Спасителя о клятвѣ. Сказавши: „не клянись *вовсе*“, Онъ продолжаетъ: „ни небомъ, потому что оно престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ Его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ городъ великаго Царя. Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ или чернымъ. Но да будетъ слово ваше“ и проч. (ст. 34—37). Очевидно, здѣсь слово: ὅλως нельзя понимать въ буквальномъ значеніи *вовсе*, т. е. *совершенно, никакъ*, а должно быть переводимо словомъ: *всячески* (по славянски: *всяко*) или *какъ ни пришлось*, и относимо къ словамъ, выражающимъ іудейскіе виды клятвы, иногда мелочныя и безнравственныя. Такъ, іудеи, напр., думали, что клясться храмомъ и небомъ значило менѣе, нежели золотомъ; потому что золото принадлежало имъ и цѣну его надобно было возвышать, а храмъ принадлежалъ Богу, Ему-же принадлежало и возвышеніе его (Мѡ. 23, 16—22). Подобнаго рода клятвы они изобрѣтали одну за другой въ замѣнъ той, о которой Самъ Богъ говорилъ имъ: „не клянитесь именемъ Моимъ *во лжи* и не безчести имени Бога твоего“ (Лев. 19, 12). Позволять себѣ клясться

¹⁾ См. его „Краткое изложеніе Евангелія“, стр. 142—143 и 153.

²⁾ Гр. Л. Н. Толстой. „Worin besteht mein Glaube?“ s, 99—104. Leipzig, 1885.

именемъ Божіимъ *во лжи* значить довольствоваться однимъ чисто-внѣшнимъ упоминаніемъ имени Божія, стараясь избѣгать при этомъ требуемаго существеннѣйшею цѣлью клятвы внутренняго благочестиваго поставленія себя предъ лицомъ всевѣдущаго и праведнаго Господа во всѣхъ своихъ дѣлахъ, словахъ и помышленіяхъ. Такъ клясться значить хулить, *безчестить* имя Божіе. Поэтому іудеи, чтобы избѣжать подобной *ложной* клятвы, стали придумывать такія клятвенныя формулы, которыя давали бы имъ возможность уклоняться отъ этого, требуемаго истинною клятвою, внутренняго и живого общенія съ Богомъ. Отсюда, они стали, не произнося имени Божія, фарисейски—уклончиво клясться разными предметами, имѣющими какое-либо отношеніе къ Богу, какъ-то: небомъ—престоломъ Божіимъ, землею—подножіемъ Его, Іерусалимомъ—городомъ великаго Царя (Ср. Пс. 134, 21), своею головою—жизнію, всецѣло находящеюся въ рукахъ Божіихъ,—*ложно* полагая, что такого рода клятва, хотя бы она и не была искреннею и не исполнялась точно, не подвергала такой строгой отвѣтственности клянущагося, какъ клятва именемъ Божіимъ. Ложность этого убѣжденія іудеевъ слѣдуетъ изъ того, что въ основѣ своей всякая подобная клятва (небомъ, землею и т. д.) есть клятва Господомъ Богомъ, потому что при этомъ мысль необходимо *восходитъ* къ Богу. „Клянущійся небомъ“,—говоритъ Іисусъ Христосъ,—„клянется престоломъ Божіимъ и Сидящимъ на немъ“ (Мѡ. 23, 22).

Пришедши не нарушить, но исполнить ветхозавѣтное ученіе о клятвѣ, какъ и о другихъ различныхъ установленіяхъ Ветхаго Завѣта (М. 5, 17), Іисусъ Христосъ требуетъ отъ членовъ благодатнаго царства Своего, царства тѣснѣйшаго общенія человѣка съ Богомъ, чтобы они, вопреки іудеямъ, непрестанно ходили предъ Богомъ, а въ особенности тогда, когда имъ приходится свидѣтельствовать истину предъ ближними или давать имъ какое-нибудь обѣщаніе. Коль скоро-же истинные послѣдователи Христовы будутъ находиться въ такомъ непрестанномъ живомъ общеніи со вся испытующимъ Богомъ, тогда и каждое ихъ слово: *да* или *нѣтъ* будетъ имѣть значеніе истинной клятвы, хотя бы *наружно* они и не призывали Бога во свидѣтели. Впрочемъ, не этотъ одинъ логическій ходъ рѣчи Спасителя о клятвѣ заставляеть видѣть въ словахъ Его: *да* или *нѣтъ* именно клятвенное

выраженіе, но и чисто филологическія соображенія. Опредѣляющій членъ *ὁ*, стоящій здѣсь предъ словомъ: *λογος*—показываетъ, конечно, только то, что слово: *да, да; нѣтъ, нѣтъ*—такое слово, о которомъ уже рѣчь была, *известное* слово, иначе:—это слово не иное что, какъ *клятвенное* слово или, что тоже, *клятва*, единственно умѣстная, по мысли Спасителя, для истинныхъ христіанъ; внутренно никогда не прерывающихъ, при благодатномъ содѣйствіи, своего живого общенія съ Богомъ. Поэтому данное мѣсто съ греческаго языка можно бы для большей ясности перевести такъ: да будетъ *клятвенное* слово ваше: да или нѣтъ¹⁾.

Въ указанномъ-же смыслѣ должно понимать и слова ап. Іакова о клятвѣ, на которыя тоже ссылаются рѣшительные отрицатели ея: „не клянитесь ни небомъ, ни землею, ни никакою другою клятвою: но да будетъ у васъ да, да и нѣтъ, нѣтъ“ (Іак. 5 12) Какъ по ученію Іисуса Христа, такъ и по ученію ап. Іакова, среди тѣхъ людей, которые находятся въ постоянномъ внутреннемъ общеніи съ Богомъ, всякое *да* и всякое *нѣтъ* имѣетъ смыслъ и силу клятвы. Повторяя заповѣдь Христову—*не клясться* ветхозавѣтными клятвенными формулами, ап. Іаковъ чрезъ это предостерегаетъ христіанъ отъ іудейскаго *лицемѣрія* въ дѣлѣ клятвы: „да не въ *лицемѣріе* впадете“ (ст. 12). Съ славянскимъ переводомъ этого мѣста (въ русскомъ—оно читается нѣсколько иначе: „дабы вамъ не подпасть *осужденію*“) согласенъ и латинскій, употребляющій выраженіе: *in simulatione*; да и греческое слово: *ὑπόκρισις*, стоящее здѣсь, значить скорѣе *лицемѣріе*, нежели *осужденіе*.

Но осуждая беспорядочныя и лицемѣрныя клятвы, измышленныя іудеями, и вмѣсто нихъ предлагая истиннымъ Своимъ послѣдователямъ клятвенное слово: да или нѣтъ, Господь Іисусъ Христосъ этимъ не воспрещаетъ въ необходимыхъ случаяхъ и *формальной* клятвы, соединенной съ внѣшнимъ, слышимымъ всѣми, призываніемъ имени Божія. По мнѣнію Л. Толстого и его единомышленниковъ, такая клятва будто совершенно запрещается словами Спасителя: „а что сверхъ (т. е. сверхъ *да* или *нѣтъ*), то *отъ лукаваго*“. На самомъ же дѣлѣ эти-то слова и говорятъ

¹⁾ Проф. А. Гусевъ. „О клятвѣ и присягѣ“, стр. 39—40.

въ пользу дозволительности формальнаго, очевиднаго для всѣхъ, призыванія людьми Самого Бога во свидѣтели истины и въ каратели лжи и обмана. Словъ: *отъ лукаваго* (ἐκ τοῦ πονηροῦ) нельзя переводить выраженіемъ: *для зла*, какъ ихъ переводитъ Толстой. Предлогъ: ἐκ въ соединеніи съ родительнымъ падежомъ значить *отъ, изъ, съ, по причинѣ*, но отнюдь не *для*. Слово же: πονηρός значить не только *злой, дурной*, но и *лукавый* (Ср. Лук. 11, 4). Потому разсматриваемыя слова по славянски переведены: *отъ непріязни*, по русски: *отъ лукаваго*, по латыни: *a malo*. То обстоятельство, что предъ словомъ: πονηροῦ стоитъ членъ τοῦ, указываетъ, что подъ лукавымъ нужно разумѣть здѣсь *ложь, обманъ, недо- вѣріе, подозрительность* и вообще все то нравственное зло въ мірѣ, которое заставляетъ даже истинно—благочестивыхъ людей прибѣгать къ формальному, несомнѣнному для всѣхъ, призыванію Самого Бога во свидѣтели истинности своихъ подтвержденій и обѣтованій. Имѣя въ виду все это, мы можемъ передать разсматриваемыя слова Іисуса Христа такъ: не клянись, какъ ни попало, но да будетъ клятвенное слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; все-же, чѣмъ сверхъ этого клянутся люди, происходитъ уже отъ существующихъ въ мірѣ лжи и взаимнаго недо- вѣрія ¹⁾).

Само собою разумѣется, что если клятва вызывается существующимъ среди людей зломъ, то она чрезъ это не только не превращается сама по себѣ во зло, какъ это выходитъ по гр. Толстому, но, напротивъ, является однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ со зломъ, требуя отъ людей вмѣстѣ съ тѣмъ возможной святости и честности ²⁾. Клятва дѣйствительно излишня была бы въ такихъ обществахъ человѣческихъ, въ которыхъ господствовала бы совершенная святость, равно какъ она была бы бесполезна и даже преступна тамъ, гдѣ нѣтъ никакого благоговѣнія предъ именемъ Божиимъ. Но гдѣ нѣтъ владычества полной правды, и не совсѣмъ еще ослабѣло благочестіе, тамъ въ необходимыхъ случаяхъ она составляетъ дѣйствительнѣйшее средство къ открытію истины и сохраненію взаимнаго до- вѣрія.

¹⁾ Проф. А. Гусевъ. „Основные религіозныя начала графа Л. Толстого“. Казань, 1893 г., стр. 185—188.

²⁾ См. объ этомъ подробнѣе у П. Левитова, „Изъ курса христ. нравственнаго богословія“. Ч. II. Екатеринославъ, 1913 г., стр. 134—136.

Ап. Павелъ пишетъ: „люди клянутся высшимъ, и клятва въ удостовѣреніе оканчиваетъ всякій споръ ихъ“ (Евр. 6, 13). Какъ видно изъ контекста рѣчи, здѣсь говорится не просто о естественности и позволительности клятвы, но и ея необходимости въ извѣстныхъ случаяхъ.

Что клятва, сама по себѣ, не есть дѣло преступное, противохристіанское, какъ преступно, напр., воровство или убійство,—это подтверждается и церковнымъ преданіемъ, свидѣтельствующимъ объ всегдашнемъ употребленіи ея въ Церкви. Такъ, *св. Варнава*, одинъ изъ мужей апостольскихъ, хорошо знавшихъ подлинное ученіе Спасителя о клятвѣ, въ одномъ мѣстѣ своего посланія предостерегаетъ христіанъ не отъ клятвы вообще, а отъ клятвы *ложной*¹⁾, а въ другомъ мѣстѣ убѣждаетъ ихъ „не употреблять понапрасну имени Господня“²⁾. *Св. Василій Великій* запрещеніе клятвы понималъ въ смыслѣ ея ограниченія. „Нужно учить,—писалъ св. Отецъ,—„да не клянутся поспѣшно. Клятва и вообще возбранена: кольми паче даваемую на зло подабаешь осуждать“³⁾. А *св. Ефремъ Сиринъ* въ своемъ предсмертномъ завѣщаніи употребилъ нѣсколько клятвенныхъ формулъ, чтобы придать большую силу своимъ словамъ. Если же нѣкоторые церковные писатели внушали избѣгать клятвы⁴⁾, то изъ ихъ внушеній, на которыя любятъ ссылаться отрицатели ея, еще нельзя заключать, будто клятвенное призваніе имени истиннаго Бога неумѣстно въ обстоятельствахъ особенной возможности. Они, подобно *св. Василію Великому*, частію возставали противъ злоупотребленій клятвою и притомъ, въ случаяхъ самыхъ обыкновенныхъ и пустыхъ, частію противъ допущенія *недостойныхъ христіанина* клятвъ. На это послѣднее есть ясное указаніе въ слѣдующихъ словахъ *Тертуллиана*: „мы“—говоритъ онъ о христіанахъ,—„не клянемся геніемъ императоровъ и не божимся демонами, чтобы не воздать имъ чести, подобающей единому Богу“⁵⁾. Зна-

1) Писанія мужей Апостольскихъ, т. I, стр. 35—36 въ русск. переводѣ *П. Преображенскаго*. Москва, 1862 г.

2) Тамъ же, стр. 73.

3) *Вас. В. Канонич. прав.* 20. Въ „книгѣ правилъ“.

4) *Св. Григорій Богословъ*: „и давать клятву и требовать ея“ значить „оскорбять правду“ (Твор., ч. IV: М., 1844 г.). Ср. твор. *св. I. Златоуста*, т. I, стр. 134; т. II, стр. 157, 158, 165; т. IX, стр. 123 и мн. др.

5) *Apologeticus*, с. 32.

читъ, Тертуллианъ только находить страннымъ требованіе языческой клятвы отъ христіанъ, но онъ отнюдь не отрицаетъ клятвы именемъ Божиимъ въ уважительныхъ случаяхъ. Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова мученика *Аполлонія* (II вѣка), бывшаго римскаго сенатора, сказанныя имъ на судѣ римскаго сената. Когда ему предложили поклясться, онъ отвѣчалъ: „лучше всего не клясться совсѣмъ, но всегда жить въ мирѣ и истинѣ; ибо истина есть великая клятва и посему худо и нечестиво клясться Христомъ. Но такъ какъ изъ-за лжи существуетъ невѣріе, а изъ-за невѣрія существуетъ клятва, то я свободно поклянусь въ истиннѣ истиннымъ Богомъ“¹⁾.

Итакъ, мы не только можемъ, но и должны приносить клятву, когда требуетъ ея отъ насъ особенная важность обстоятельствъ, и наша клятва будетъ не только не противна Богу, но и угодна Ему, какъ своего рода исповѣданіе вѣры, если только она приносится, какъ должно.

Условія достойнаго принесенія клятвы опредѣляются ея существеннѣйшею цѣлю. Клятва, какъ извѣстно, имѣетъ такую свою цѣлю открытіе истины для утвержденія и распространенія царства Божія,—царства любви и правды. Поэтому и лице, требующее отъ другого клятвы, и лице, приносящее клятву, и самый предметъ клятвы должны быть проникнуты этой цѣлью; всякая другая клятва есть дѣло незаконное. Такъ какъ клятва находить свое оправданіе только въ грѣховномъ состояніи человѣческаго общества, именно въ грѣхѣ взаимнаго недовѣрія людей другъ къ другу, то и принуждать къ ней другого можно только тамъ, гдѣ есть дѣйствительная нужда, въ случаяхъ чрезвычайной важности. Принуждать къ присягѣ другихъ при самыхъ незначительныхъ поводахъ, когда есть полная возможность обойтись и безъ нея, довольствуясь простыми „да“ и „нѣтъ“,—это значитъ грубо и соблазнительно злоупотреблять столь высокимъ религіознымъ актомъ (Сир. 23, 8—11; Исх. 20, 7; Лев. 19, 12; Втор. 5, 11). Слишкомъ часто требуемая отъ другихъ присяга понижается въ своемъ значеніи, и въ народѣ чрезъ это тупѣетъ чувство правды. Легкомысленное, т. е. въ самыхъ обыкновенныхъ и маловажныхъ случаяхъ требова-

¹⁾ См. апологію *Аполлонія* у проф. А. П. *Долухина*. „Русскій сенаторъ-апологетъ“. „Христ. Чт.“ 1896 г. ноябрь—декабрь, стр. 499.

ніе присяги вызываетъ легкомысленное принятіе ея и клятво-преступленіе. Вотъ почему *св. Василій Великій* сильно убѣждалъ въ свое время сборщиковъ общественныхъ податей, чтобы они, при взысканіи податей, не принуждали поселянъ къ клятвамъ, а придумали другіе какіе-нибудь способы взысканія¹⁾. Самъ клянуційся долженъ свидѣтельствовать по чистой совѣсти одну лишь истину въ спорномъ дѣлѣ, которое долженъ знать сполна. Клясться именемъ Божиимъ въ томъ, что намъ или не довольно извѣстно, или извѣстно не въ томъ видѣ, въ какомъ требуютъ подтвержденія, значило бы Самого Бога дѣлать участникомъ въ нашей лжи. „И будешь клясться: живъ Господь! въ истинѣ, судѣ и правдѣ“—говорится въ словѣ Божіемъ (Иерем. 4, 2). Что касается предмета клятвы, то необходимо, чтобы онъ былъ и физически возможенъ, и въ нравственномъ отношеніи позволителенъ. Кто обѣщаетъ подъ клятвою что-нибудь явно невозможное въ физическомъ отношеніи, тотъ злоупотребляетъ святостію клятвы; кто же обѣщаетъ хотя и возможное, но нравственно непозволительное, тотъ, кромѣ того, еще прилагаетъ беззаконіе къ беззаконію. Таково, напр. легкомысленное клятвенное обѣщаніе Ирода—дать дочери Иродіады, угодившей ему своею пляскою, „чего она ни попроситъ“ (Мѡ. 14, 7; Мрк. 6, 22—29),—обѣщаніе, благодаря которому онъ къ одному грѣху прибавилъ другой, еще большій; таковъ же клятвенный фанатическій умыселъ изувѣрныхъ іудеевъ—„не ѣсть и не пить, пока не убьютъ Павла“ (Дѣян. 23, 21).

Отсюда уже открывается, что истинной клятвѣ противоположны: *божба* или легкомысленное употребленіе клятвы въ обыкновенныхъ дѣлахъ, безъ всякой нужды; *клятвопреступленіе*, или злонамѣренное нарушеніе справедливой и

¹⁾ См. его 81 письмо о томъ, что не должно клясться. Творенія. Изд. 3. ч. VI. Серг. Поб. 1892 г., стр. 186—187.—„Самый лучший способъ соблюдать святость клятвы—это прибѣгать къ клятвѣ и не часто и не легкомысленно, и не во всякаго рода дѣлахъ и обстоятельствахъ, и не для восполненія рѣчи, и не для подтвержденія вѣрности рассказываемаго, но приберегать ея употребленіе для тѣхъ случаевъ особенной необходимости и важности, въ которыхъ оказывается невозможнымъ никакой другой способъ спасенія, кромѣ завѣренія истины клятвою“ („Золотые стихи Пинеагорейцевъ“. „Вѣра и Разумъ“ 1897 г., № 16, стр. 145).

законной клятвы; и *ложная клятва*, или утверждение клятвою неправды, того, чего не было и нѣтъ. Тяжесть этихъ *грѣховъ противъ клятвы*, очевидно, можетъ быть не одинакова, что зависитъ уже отъ многихъ обстоятельствъ; но во всякомъ случаѣ она весьма велика. Если, по словамъ Свящ. Писанія, „Господь не оставитъ безъ наказанія того, кто проносить имя Его *напрасно*“, т. е. легкомысленно, безъ нужды (Исх. 20, 7; Втор. 5, 11); то чего должны ожидать себѣ клятвопреступникъ и клянущійся ложно, которые оказываютъ полнѣйшее неуваженіе къ Существому Высочайшему и подрываютъ послѣднее основаніе взаимнаго довѣрія людей между собою; они силятся разрушить царство Божіе и распространить царство тьмы. Нарушить злонамѣренно клятву, данную вполнѣ сознательно и свободно, значитъ совершить гнусное и отвратительное вѣроломство не только противъ людей, но и противъ Бога и своей собственной совѣсти. По своему происхожденію клятвопреступленіе подобно сознательной лжи ребенка со ссылкой на присутствующаго здѣсь отца. Ап. Павелъ указываетъ на клятвопреступниковъ въ числѣ великихъ грѣшниковъ (1 Тим. 1, 10). Апостольскія правила (25-е) тоже строго судятъ грѣхъ клятвопреступленія¹⁾. По 64-му правилу св. *Василія Великаго*, клятвопреступникъ на 10 лѣтъ отлучается отъ св. причащенія²⁾. По словамъ св. *І. Златоуста*, „кто нарушаетъ клятвы, тотъ не можетъ спастись“³⁾. Но еще преступнѣе и отвратительнѣе ложная клятва; клятвопреступникъ по крайней мѣрѣ въ моментъ произнесенія клятвеннаго обѣщанія могъ имѣть намѣреніе исполнить обѣщанное, клянущійся же ложно смѣется надъ истиной и вѣрностію отъ начала до конца. Не потому ли такъ строго была наказана ложь предъ лицомъ Божіимъ, допущенная Ананіей и Салфирой, что она была именно *клятвенною* ложью (Дѣян. 5, 1—10. Ср. Пс. 5, 7)?

Какую важность и обязательность заключаетъ въ себѣ христіанская клятва, исключаящую всякую возможность ея нарушенія и ложнаго произнесенія, это показываетъ самый образъ произнесенія торжественныхъ клятвъ и присягъ въ нашей православной Церкви: крестъ и Евангеліе предъ при-

¹⁾ См. изд. *Общ. люб. дух. просв. М.*, 1901 г., стр. 44.

²⁾ Творенія, ч. VII. Серг. Пос., 1892 г., стр. 102, 106; ср. стр. 14.

³⁾ Творенія, т. IX, кн. 1. СПб. 1903 г., стр. 123.

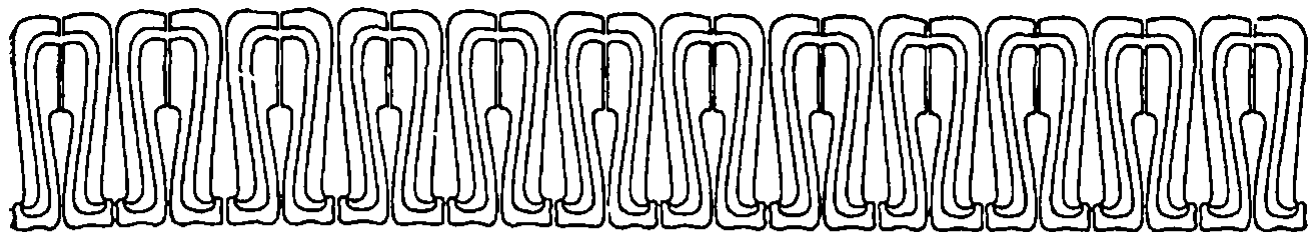
сягающимъ и поднятіе имъ правой руки кверху, въ направленіи къ небу, къ престолу Божію (Ср. Быт. 14, 21—23; Исх. 6, 8), означаютъ, что онъ говоритъ предъ Богомъ, въ Котораго вѣруеть по Евангелію, и Котораго, какъ пострадавшаго и умершаго на крестѣ за истину, призываетъ во Свидѣтели своей истины и въ Каратели лжи и измѣны, и что, въ случаѣ невѣрности или нарушенія приносимой присяги, онъ подвергаетъ себя всей строгости правосудія Божія и лишенію участія въ самомъ вѣчномъ своемъ спасеніи, на крестѣ совершившемся и возвѣщенномъ въ Евангеліи ¹⁾).

Прот.-проф. Н. Стеллецкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ По вопросу о клятвѣ, кромѣ вышеуказанныхъ изданій проф. А. Ѡ. Гусева, можно читать: архим. (впослѣд. митр. москов.) Сергія, „О клятвѣ“. „Прибавл. къ твор. св. отцевъ“ 1853 г. XII; проф.-прот. Т. И. Буткевича, „Клятва и новѣйшее государство по Гартлицбу“. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г., кн. I, ч. 2; проф. А. А. Бронова, „Сущность христіанскаго ученія объ отношеніяхъ человѣка къ Богу“. „Христ. Чт.“ 1898 г. декабрь, стр. 774—782; его же „Клятва“. „Богословская энциклопедія“, т. XI, стр. 290—302; свящ. С. В. Страхова, „Христ. ученіе о клятвѣ“, „Вѣра и Церковь“. 1899 г., кн. 2, стр. 255—277; F. A. Hopfer'a, „Der Eid“, Mainz, 1883; N. Hizzel'a, „Der Eid“, Leipzig 1902; I. Kostlin'a, „Christliche Ethik“, Berlin, 1899, s. 567—571; A. Koch'a, „Lehrbuch der Moratheologie“. Freiburg im Breisgau, 2. Aufl. 1907 s. 392—402 и др.

Вѣра и Вѣрованія.

(Окончаніе).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

**Пресвятая Троица, какъ заповѣдь и образецъ жизни для
человѣчества.**

(Догматъ о Тріединомъ Богѣ).

„Я Господь Богъ твой и пусть не будетъ у тебя другихъ боговъ, кромѣ Меня“.—Это первая заповѣдь Ветхаго Завѣта. „Идите и учите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Это первая заповѣдь Новаго Завѣта. Тамъ (по немощи народа) Единство; здѣсь Тріединство; тамъ Единство отвлеченное, математическое; здѣсь Тріединство, т. е. единство конкретное, жизненное,—„три—едино суть“. Но тамъ и здѣсь это не ученіе только, но и *заповѣдь жизни* и дано оно не для того, чтобы удовлетворить человѣческой любознательности, а для того, чтобы исправить жизнь людей. Христосъ ничему не училъ только лишь для разсказа, для памяти, а всегда училъ для того, чтобы такъ поступали. Для этого-же Онъ научилъ насъ и тому, что Богъ, единый по существу, троиченъ въ лицахъ. Между ученіемъ и дѣйствіемъ не должно быть раздѣленія; его и не знала древность. Тогда „научить“ означало—„показать на дѣлѣ“, а не разсказать только на словахъ.

Обратное мы видимъ въ наше время, и въ этомъ великое несчастье нашего времени во всѣхъ отношеніяхъ. Мы анатомировали человѣческую природу и противоестественно заставляемъ ее жить не въ цѣлости, какъ единую, а по частямъ, такъ, чтобы одна часть не имѣла связи съ другой. Такъ, мы отдѣлили умъ, высоко поставили его на пьедесталъ поклоненія и создали холодную, безжизненную и по-

тому немощную, бессильную науку. По виду, формѣ, по красотѣ построения, такъ сказать, по оперенію, она хороша и увлекательна, но бѣда въ томъ, что она разбита параличемъ и лишь какъ звонкая словесность беспомощно летаетъ надъ стонущей подъ игомъ проклятiя землею. Что толку въ томъ, что эта наука высока, если она бессильна въ преобразованіи міра, въ устроеніи царства Божiя на землѣ?! Анатомированное чувство вылилось въ потокъ безумной чувственности; совсѣмъ заброшенная воля караетъ чело-вѣка отсутствіемъ устойчивости, опредѣленности, общей распу-щенностию и неприспособленностию къ борьбѣ съ суровой дѣйствительностию. И возстаетъ природа противъ своего самозваннаго царя, который хочетъ только пользоваться ею, а не *воздѣлывать ее и управлять ею*, какъ то повелѣлъ Богъ, и караетъ его и сокращеніемъ жизни и пониженіемъ общаго пульса жизни (самоубійства) и болѣзнями и всевозможными стихійными бѣдствіями.

Не трудно видѣть какими тяжелыми послѣдствіями господствующей въ мірѣ принципъ *раздѣленiя*, дробленiя, сопровождается въ приложеніи къ христіанству: вѣра здѣсь обособилась въ особое русло, а жизнь потекла другимъ русломъ. вмѣсто того, чтобы быть *путемъ, жизнью*, вѣра обособилась въ вѣроученіе и видимо стала проявлять себя большею частію лишь только какъ *богословіе* (слово о Богѣ), диспутъ, споръ о Богѣ; т. е. и Самъ Единный Богъ сталъ среди людей служить, какъ-бы, поводомъ къ спорамъ, ссорамъ, раздѣленіямъ! Богословіе сдѣлалось предметомъ спеціализаціи особаго сословія, *вѣдомства*, и на этомъ основаніи стало считаться необязательнымъ для всѣхъ, а *Богослуженіе*, литургія (*λητος ἔργον*—*общее дѣло*) превратилась только въ храмовую службу, въ собраніе только для молитвы и на этомъ основаніи перестала считаться долгомъ постояннаго, а не храмового только осуществленiя, дѣла Божьяго на землѣ,—(Отче нашъ!—да придетъ царствіе Твое“). А когда вѣра отдѣлилась отъ жизни, тогда и вѣроученіе отдѣлилось отъ нравоученiя и послѣднее вмѣсто того, чтобы быть той-же вѣрой въ жизни, превратилось только въ нравственное *приложеніе*. То обстоятельство, что догматы вѣры святы, возвышенны и въ существѣ недостижимы, блудный умъ чело-вѣчскій (да и какъ ему не быть блуднымъ, когда люди

насилъно отдѣляютъ его отъ всей души?) истолковалъ, какъ поводъ трактовать ихъ въ смыслѣ недостижимыхъ идеаловъ, а чего нельзя достигнуть, подсказала услужливая логика, къ тому нечего и итти. И догматика осталась особо, замкнулась въ книги, создала себѣ разныя кафедры, превратившись въ метафизику вѣры, а жизнь пошла особо по естественному (а не по благодатному—указанному Христомъ), животному закону эволюціи, борьбы, вражды, обмана, войны и т. п. Какъ будто, Христосъ и не приходилъ въ міръ!

Не то здѣсь печально, что Евангеліе донинѣ не осуществлено въ жизни;—дѣло Божіе не должно быть скоропѣлымъ, слово Божіе есть сѣмя и нуждается въ опредѣленной полнотѣ времени, чтобы принести полный плодъ.—Нѣтъ, печально то, что яко-бы на законномъ основаніи, это слово Божіе, какъ недостижимый идеалъ, откладывается въ сторону, откладывается принципиально, какъ очень хорошее, но къ жизни *неподходящее*, а жизнь идетъ и устрояется на старыхъ языческихъ началахъ. Не то плохо, что сѣмя медленно растетъ, а то, что люди, какъ-бы сговорились его не поливать, не способствуютъ его росту и чрезъ это оно, конечно, совсѣмъ остановится въ ростѣ, ибо по волѣ Божіей, оно должно расти только въ людяхъ и чрезъ людей, а не помимо нихъ.

И все это—результатъ искусственнаго отдѣленія знанія отъ дѣла, вѣры отъ жизни, христіанства, какъ виѣшняго только культа отъ *воскресшаго*, т. е. живаго Христа Спасителя! Итти въ сторону безконечно далекаго, это не то же, что стоять неподвижно, или повернуть въ обратную сторону. Пусть оно очень и очень далеко, но съ каждымъ шагомъ вы все приближаетесь къ нему; пусть христіанскій идеалъ неосуществимъ пока во всей полнотѣ ни для кого, осуществляйте его постольку, поскольку можно и *это будетъ совершенное осуществленіе его для вашего времени*, т. е. все то, что отъ васъ требуется.

Кто, глядя въ безбрежную даль, апатично складываетъ руки и лѣниво говоритъ:—туда далеко, значить, туда и не слѣдуетъ стремиться,—тотъ отрекается отъ своего человѣческаго достоинства и проповѣдуетъ образецъ животной жизни, т. е. *жизни только настоящимъ*. Нѣтъ, только въ дали небо сходится съ землею и оттого даль такъ заманчива, такъ вле-

четь къ себѣ; только въ идеальной перспективѣ будущаго царство Божіе соединяется съ царствомъ земнымъ и становится царствомъ Бога, который является „всѣмъ во всѣхъ“, и задача человечества именно въ томъ, чтобы *итти* туда. Не стремиться только, платонически мечтать, т. е. философствовать, а именно *итти*, т. е. *трудиться, трудомъ и разумомъ* препобѣждать препятствія, *непрестанно укрѣпляя себя молитвою*, т. е. внутреннимъ общеніемъ, интуитивнымъ ощущеніемъ Бога, сходящаго къ человѣку и ставшаго въ лицѣ Иисуса Христа Богочеловѣкомъ.

Итакъ не теоретическое только Бого—*словіе*, какъ философія вѣры, и не молитва только, какъ постоянная просьба, подай, помилуй, или благодареніе за полученіе просимаго, но и *трудъ*, непремѣнный неустанный трудъ осуществленія дѣла Божія на землѣ. Не отдѣльно, а все вмѣстѣ: и ученіе вѣры, и молитва, и трудъ; другими словами: вѣра, надежда и любовь. Вотъ что написано на знамени христіанскомъ, Христовомъ. Крайность нашего времени, какъ дань принципу раздѣленія, *въ духъ протестантизма*¹⁾, т. е. въ сосредоточеніи *всего* вниманія на ученіи только—вѣроученіи. Отъ этого и о молитвѣ мы болѣе *учимъ*, чѣмъ молимся (слова безъ дѣла), и о любви (дѣлѣ жизни) болѣе проповѣдуемъ, чѣмъ осуществляемъ это дѣло. На насъ почти оправдались слова Апостола;—мы высоко подняли знамя вѣры, мы изучили всѣ языки человѣческіе (мудрость міра,—культура, просвѣщеніе) и даже стремимся постигнуть языки Ангельскіе (попытки раскрытія тайнъ загробнаго міра), но мы „любве не имамы“—нѣтъ у насъ въ жизни любви, т. е. дѣла Божіяго и отъ этого мы „ничто-же“, т. е. вся наша мудрость ни къ чему: и вѣра только раздѣляетъ (вмѣсто объединенія) и надежда (молитва) часто надмѣваетъ и плохо согрѣваетъ. И въ результатѣ получается странное явленіе: болѣе всего дорожа вѣрою, люди тѣмъ самымъ только разрушаютъ вѣру, дѣлаютъ ее бессильною, бесплодною въ жизни, такъ какъ односторонне трактуютъ ее только, какъ вѣроученіе; благо-

¹⁾ Этимъ-же духомъ въ сущности зараженъ и католицизмъ, который, подчеркивая *дѣла* въ ученіи, на дѣлѣ хочетъ пробавляться только *однимъ дѣломъ Христовымъ* (благодатью искупленія). И находя въ немъ *принципальное* оправданіе своему бездѣлію, на дѣлѣ только *торгуетъ* благодатью Христовой.

говѣйно охраняя догматы церкви, прячуть ихъ, какъ сокровище, такъ далеко, что они совсѣмъ не вліяютъ на жизнь и изъ путей жизни для человечества превращаются въ отвлеченныя формулы школьнаго изученія. Отъ этого жизнь существенно теряетъ въ томъ, что идетъ не по догматамъ вѣры, а догматы въ томъ, что становятся все болѣе и болѣе непонятными.

Наша задача въ данномъ случаѣ раскрыть жизненный смыслъ перваго догмата христіанства—о Пресвятой, Единосущной, Животворящей, Нераздѣльной Троицѣ.

Не напрасно въ этихъ терминахъ на языкѣ церковномъ ¹⁾ выражается этотъ догматъ и не случаенъ подборъ этихъ словъ: Пресвятой, Единосущной, Животворящей, Нераздѣльной Троицы. Здѣсь связь неразрывная, глубочайшая, здѣсь мысль неисчерпаемая по богатству своего содержанія. Древность лучше насъ понимала эту тайну и дала для нея совершенное словесное выраженіе.

Въ чемъ-же мысль, какое здѣсь ученіе вѣры и какая заповѣдь для жизни?

Пресвятая Троица—это Богъ Отецъ, Богъ Сынъ и Богъ Духъ Святой. Вотъ эта, въ наше время мало говорящая уму, сердцу и волѣ, великая икона.—Отецъ—въ видѣ убѣленнаго сѣдинами старца. У Него въ рукѣ—держава и скипетръ. Сынъ Божій—въ историческомъ видѣ Христа Богочеловѣка. У Него—большой крестъ. Духъ Святой—въ видѣ голубя, окруженнаго сіяніемъ.

Всякому извѣстно, что это только человѣкообразное, т. е. приспособленное къ немощи нашего естества, символическое изображеніе тайны Божества. Но какова-же тайна и о чемъ говорить не глазу только, но уму, волѣ и чувству эта таинственная икона?

Кратко — это *царство Божіе*, царство *силы и славы*, царство *вѣчное*. (Яко твое есть царство, сила и слава Отца и Сына и Святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ). Это царство небесное, о наступленіи котораго *на землю* научилъ насъ молиться Христосъ Спаситель: „Отче нашъ, да придетъ царствіе Твое!“ Но отчего-же это царство силы и славы, а не безсилія, борьбы, раздѣленія, царство вѣчное, а не разрушающееся, временное?

¹⁾ Начальный возгласъ всенощной.

Оттого, что это царство *Трїединого Бога*,—Единого въ Троицѣ и Троичнаго въ Единствѣ.

Итакъ, это царство *должно быть и на землѣ* (если только человѣчество окажется достойнымъ своего человѣческаго призванія—*быть образомъ и подобіемъ Божиимъ*). Въ этомъ—*заповѣдь жизни*, великая задача, къ осуществленію которой должны быть направлены всѣ силы человѣчества. Первымъ-же условіемъ этого осуществленія должно быть стремленіе къ всеобщему единенію. Троичность Лицъ въ Богѣ не исключаетъ единства—Трїединства, и множественность людей *сама по себѣ* не исключаетъ *многоединства*. Въ Богѣ это единство есть, а въ людяхъ *должно быть*.

Итакъ, всякаго рода обособленіе, отдѣленіе есть зло въ самомъ своемъ принципѣ и злу служить все то, что такъ или иначе рождаетъ духъ раздѣленія. Единеніе есть самое первое, и все остальное—только средства къ его осуществленію. Поэтому занять ли ты наукой, искусствомъ,—не обособляйся, не отгораживайся; ты—звено въ общей цѣпи, и что-бы ты ни дѣлалъ, ты будешь дѣйствительно полезенъ только тогда, когда будешь въ связи съ другими звеньями. Специализироваться значить только—усиленно работать надъ чѣмъ-либо, а не порывать связь со всѣмъ, кромѣ предмета спеціальности. Ты дѣлатель практической,—земледѣлецъ, техникъ, купецъ, чиновникъ, воинъ,—помни, что всюду только въ единеніи сила. Мы сильны только Богомъ, (а не по природѣ) т. е. только тогда, когда Ему уподобляемся, *объединяемся*. Помни, что дѣйствительная истина не истина ума, науки, ученія, а *истина жизни* т. е. та, которая дѣлаетъ дѣло Божіе—объединяетъ, а не та, которая раздѣляетъ. Задача учителя—*не сохранить* только ученіе цѣлымъ, нетронутымъ (закопать талантъ въ землю), а *наушить*, т. е. стремиться по мѣрѣ силъ осуществлять его въ жизни. Помни, что только въ *плодахъ жизни* познается цѣнность ученія, и что ученіе дано не для раздѣленія, а для объединенія. Къ этому прежде всего стремись и объ этомъ словами первосвященнической молитвы Спасителя молись: „Отче, да будутъ вси едино, якоже Ты во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и ти въ насъ едино будутъ“!

Бываетъ единство, уничтожающее всѣ различія, единство,

какъ сумма, въ которой безслѣдно тонуть всѣ слагаемыя; такова восточная нирвана, и оттого это единство требуетъ уничтоженія самаго ощущенія отдѣльнаго существованія, разсматривая послѣднее, какъ зло; оно убиваетъ жизнь. Совершенно не то единство мы читаемъ въ догматѣ Пресвятой Троицы: здѣсь при единствѣ—*три Лица* и отъ того, что они три—едино, отъ этого они—Лица Божественныя, т. е. абсолютныя, всесовершенныя. Значить: ищи единенія со всѣми, и чѣмъ болѣе ты его достигнешь, тѣмъ совершеннѣе будетъ и твоя личность. Чѣмъ болѣе единенія, тѣмъ выше жизнь личности; чѣмъ болѣе ты объединяешься со всѣми, тѣмъ болѣе ты пребываешь во всемъ, но и тѣмъ болѣе все пребываетъ въ тебѣ. И это не *идеаль* только, какъ объ этомъ твердитъ порвавшая связь съ живымъ Богомъ философія и наука, называя этотъ идеаль недостижимымъ, т. е. вѣчнымъ миражемъ, приманкою только; нѣтъ, это образъ *живаго Бога, Бога отцовъ*, Который хочетъ, чтобы *всѣ люди спаслись* (1 Тим. 2—4) и говорить: „будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ“ (Мѣ. 5—48). Для того и Сынъ Божій сталъ Сыномъ Человѣческимъ, и „сѣдять одесную Отца“, чтобы показать, что наше призваніе—обожествленіе, что мы *родные* Богу по сотворенію („вдунулъ въ лице человѣка дыханіе жизни“), должны раздѣлить съ Нимъ славу по искупленію. Но это только при томъ условіи, если мы „*вси* будемъ едино“, т. е. спасеніе во всей полнотѣ возможно не для нѣкоторыхъ лицъ въ отдѣльности, а для всего человѣчества въ его единствѣ. Отецъ, Сынъ и Духъ Святой ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, кромѣ только личныхъ свойствъ и оттого въ Троицѣ абсолютная полнота жизни Божественной, и этой полноты не могло-бы быть, если-бы одно Лице было чѣмъ-либо болѣе, а другое—чѣмъ-либо менѣе. Гдѣ есть большее, тамъ меньшее имѣетъ недостатокъ въ этомъ большемъ (начало страдательное), а большее (если оно—любовь) имѣетъ сожалѣніе о меньшемъ (начало сострадательное). Вотъ почему, если не спасетесь *всѣ, въ единеніи*, читаемъ мы въ догматикѣ о Пр. Троицѣ, то не получить полнаго спасенія, полноты Божественной жизни никто.

Это спасеніе, читаемъ мы въ томъ-же догматѣ, не даръ

только, но и *трудъ, дѣло, дѣло крестное*.—Съ крестомъ изображенъ Спаситель нашъ! Не то только это значить, что Онъ одинъ за всѣхъ понесъ крестъ труда и страданій, но и то, что и всѣ должны слѣдовать путемъ Его, т. е. трудомъ, страданіемъ, подвигомъ жизни осуществлять дѣло Божіе на землѣ.—„Кто Мнѣ служитъ, тотъ пусть за Мной и слѣдуетъ“ (Іоан. 12—26). „Царство Божіе *силою* берется“ (Мѣ. 11—12). „Отецъ Мой доселѣ *дѣлаетъ* и Я дѣлаю“ (Іоан. 5—17) сказалъ Спаситель;—т. е.—кратко—молись и трудись. Молись для того, чтобы получить *помощь* Божію, а трудись для того, чтобы явить свое сыновнее участіе; чтобы дѣло Божіе было вмѣстѣ и дѣломъ человѣческимъ, т. е. Богочеловѣческимъ, иначе спасительнымъ.

Единство Лицъ Пресвятой Троицы, разсматриваемое съ внутренней стороны, есть *любовь*. „Богъ есть любовь“ (1 Ін. 4—16). Вотъ почему это единство не уничтожаетъ различія. Гдѣ любовь, тамъ *родство*, самопожертвованіе; тамъ нѣтъ „моего“ и „твоего“, а только „наше“; тамъ жизнь не въ обособленіи, а въ единеніи, не допускающемъ сліянія и дѣлающемъ невозможнымъ раздѣленіе. Я въ Отцѣ и Отецъ во Мнѣ, говоритъ Христосъ; и Духъ Святыи „отъ Отца исходитъ“, но Онъ-же и „Духъ Христовъ“ (Іоан. 16—14). Дѣло Христа—творить волю Отца, но и Отецъ хочетъ того-же, что и Сынъ и Духъ Святыи, говоритъ Христосъ, „отъ Моего пріиметъ“ (Іоан. 16—14). Здѣсь нѣтъ мѣста не только эгоизму (горделивому обособленію), но и альтруизму, т. е. любви къ *другимъ*, ибо здѣсь *нѣтъ другихъ*, а „все-едино“. Здѣсь полнота *родства*, совершенное *отечество*. И это не на словахъ, не въ мысли только; но въ *жизни*, потому-то эта жизнь и есть Божественная, т. е. всесовершенная, всеблаженная, *безсмертная*. Въ полнотѣ любви источникъ безсмертія; вотъ почему болѣе этой заповѣди нѣтъ въ законѣ (Мѣ. 22—36); вотъ почему только *любовію въ жизни* должны отличаться ученики Христовы (Іоан. 13—35), и если есть все, а нѣтъ любви, то мы ничто (1 Кор. 13—2). Чѣмъ болѣе мы любимъ, тѣмъ болѣе мы безсмертны. Вотъ почему безсмертны (духомъ и благодатію) среди насъ святые и безсмертенъ даже *тѣломъ нашимъ*, человѣческимъ—Богочеловѣческимъ воскресшій изъ мертвыхъ—совершенная Любовь

Христосъ Спаситель. Безсмертными будемъ и мы по плоти, воскреснемъ, когда придемъ въ „мѣру возраста Христова“¹⁾.

Итакъ, *полнота жизни*, или жизнь Божественная, не въ единствѣ (одиначествѣ), а въ Тріединствѣ, т. е. въ любви. А гдѣ полнота жизни, тамъ нѣтъ и никакихъ границъ жизни: нѣтъ ни границъ пространства (вездѣприсутствіе), ни границъ времени (вѣчность), ни границъ формы (Богъ есть духъ),—тамъ *все*, т. е. Богъ, не будучи ничѣмъ въ отдѣльности (ограниченность), пребываетъ всѣмъ въ абсолютномъ единствѣ бытія. Ничто изъ того, что есть—не Богъ, но все *Божіе*, въ Богѣ и отъ Бога, и тѣмъ болѣе все дѣлается Божіимъ, чѣмъ болѣе приводится къ единству, т. е. чѣмъ болѣе связывается отечески—сыновнею, животворящею любовію. И это *долженъ сдѣлать*, т. е. связать и чрезъ то претворить любовію разрозненный (падшій) міръ („новаго небесе и новой земли по обѣтованію Его чаемъ“ (2 Петр. 3—13)—образъ Божій, т. е. человѣкъ при помощи и путемъ слѣдованія Богочеловѣку Христу. А это онъ можетъ сдѣлать только тогда, когда онъ сознаетъ себя *сыномъ человѣческимъ*, т. е. не сыномъ *только одного отца и одной матери*, а сыномъ *всѣхъ отцовъ и матерей, сыномъ человечества*, когда будетъ проявлять сыновнее (любовь) по отношенію не къ однимъ только родителямъ въ тѣсномъ смыслѣ (узкая ячейка любви), но и къ родителямъ (прародителямъ), роднымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, т. е. ко всѣмъ людямъ. Гдѣ Отецъ и Сынъ, тамъ и Духъ Святой; гдѣ отечество и сыновство, тамъ и полнота жизни (Духъ Святой— „жизни податель“), и тамъ, только тамъ Царство Божіе.

У Отца—держава и скипетръ (царство, сила и слава); у Сына—добровольно взятый крестъ,—заповѣдь свободнаго, любовнаго труда, какъ залога *искупленія*, не трансцедентнаго только (спасенія душъ), но и имманентнаго (спасенія міра, устройство царства Божія и на землѣ); отъ Духа Святаго—сіяніе, свѣтъ, какъ начало жизни (съ свѣта началось твореніе

¹⁾ Воскреснемъ чудеснымъ образомъ, если и не придемъ „въ мѣру возраста Христа“; но то будетъ воскресеніе гнѣва Божія съ раздѣленіемъ на праведниковъ и грѣшниковъ, т. е. страдающихъ и сострадающихъ. Это уже будетъ не то, чего хочетъ Богъ, Который „хочетъ *всѣмъ* человѣкомъ спастися“.

міра) и сама жизнь, исходящая отъ Отца и осуществляемая, *воплощаемая* въ міръ черезъ Сына.

Итакъ, Богъ нашъ—Богъ единенія, *соборнаго начала*. Въ Немъ и образъ и способъ осуществленія дѣла: образъ— „Три—едино“, способъ—Онъ есть любовь,—Отець, Сынъ и Духъ Святой. Пресвятая Троица есть образецъ совершеннѣйшаго общества безъ господства и безъ подчиненія, образецъ объединенія для участія въ дѣлѣ искупленія. Какъ ученіе, мы это должны понять, *какъ заповѣдь*, мы это должны осуществлять. Богъ есть живое Существо, а не отвлеченный идеаль, посему и богословская мысль о Пресвятой Троицѣ должна быть не мыслию только, но дѣйствіемъ, *богодѣйствомъ*, дѣломъ Божиимъ въ мірѣ Божіемъ.

Вотъ какая великая заповѣдь *дѣла, жизни* смотритъ на насъ съ иконы Пр. Троицы и ждетъ своего осуществленія. Созданные по образу Божію, мы, при помощи Божіей, *сами должны сдѣлаться подобными* Тріединому Богу.—„Отче, да будутъ вси едино, яко-же Ты во Мнѣ и Азь въ Тебѣ, да и ти въ Насъ едино будутъ“. (Іоан. 17,—21).

Къ сожалѣнію эта мысль совершенно не выдвигается въ ученіи и потому не стоитъ для христіанъ идеаломъ дѣла, жизни. Отъ этого первый догматъ христіанства до нынѣ остается отвлеченною, холодною формулою, трактующею о Богѣ *въ Себѣ* (Троичность Лиць, равенство и личныя свойства) и мало говорящею о Богѣ любви, о Богѣ, какъ образѣ челоука и челоучества. Поэтому, очевидно, какъ мало говорящая жизни и икона Пресвятой Троицы мало распространена въ жизни: почти отсутствуетъ въ частныхъ домахъ и по количеству уступаетъ мѣсто другимъ иконамъ въ храмахъ. Она никогда не выносится на средину Храма, даже и *на праздникъ Троицы*, а выносится или икона Сошествія Св. Духа на Апостоловъ, или, какъ въ сѣверныхъ епархіяхъ, икона явленія Бога Аврааму въ видѣ трехъ странниковъ, т. е. не образъ Троицы, а только прообразъ. Сравнительно мало и храмовъ въ честь Пресвятой Троицы.

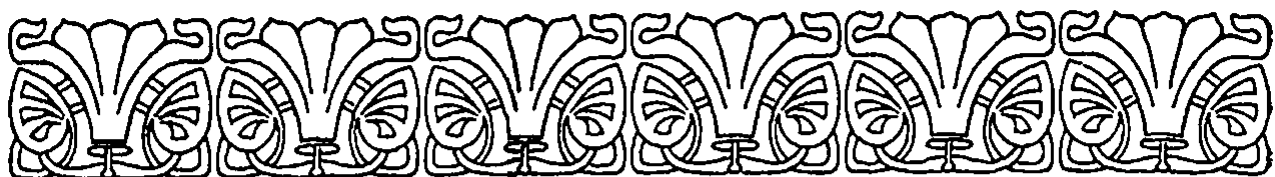
Все это говоритъ объ одномъ: о томъ, что заповѣдь Христа-креститься во имя Отца и Сына и Святаго Духа, т. е. съ помощью Божіей стремиться осуществлять въ своей жизни образъ Божій, и доннынѣ далека не только отъ жизни, что понятно, но и отъ пониманія многихъ христіанъ.

Отъ этого, конечно, сильно тормазится и осуществленіе дѣла Божьяго (спасенія міра, да будутъ вси—едино) на землѣ. Ибо чего мы не знаемъ, того и осуществлять не можемъ. Правда, отъ знанія до дѣла еще далеко, но правда и то, что знаніе есть зерно дѣла, и всякое дѣло есть результатъ знанія, охватившаго собою все существо, т. е. подчинившаго Себѣ и волю и чувство.—Чѣмъ болѣе мы на чемъ-либо останавливаемся мыслию, тѣмъ болѣе мы подготовляемъ себя къ осуществленію этой мысли на дѣлѣ,—по психическому закону: „мы дѣлаемся тѣмъ, о чемъ думаемъ“.

Въ этомъ и задача нашего очерка,—остановить мысль христіанъ на первомъ догматѣ христіанства не какъ на ученіи только, но какъ на заповѣди и вмѣстѣ образѣ жизни для человѣчества, чтобы, глядя на образъ Пресвятой Троицы, вѣрующая душа созерцала-бы и богатство заключающихся въ немъ мыслей и все болѣе и болѣе преобразовывалась по образу создавшаго ее.

Свящ. Іоаннъ Дмитревскій.

Миссіонерская самозащита.

(Окончаніе) *).

О монашествѣ.

Можно ли о немъ молчать, если у насъ нѣтъ и не было архипастырей не монаховъ, если все благочестіе въ Русской землѣ стоитъ на монашествѣ, если почти всѣ прославляемые нынѣ—монахи, если этотъ подвигъ и послѣдованіе церковное, благодатствующее сей подвигъ, мѣняетъ даже имя, данное при крещеніи?

Что преступнаго въ словахъ моихъ, что „Церковь благословляетъ этотъ подвигъ особымъ священнодѣйствіемъ и испрашиваетъ принимающему благодать Божию, помогающую ему успѣшно проходить этотъ подвигъ христіанскаго совершенствованія“? А, вѣдь, за это Владычнее слово говорить: „такой образъ дѣйствій православнаго миссіонера долженъ быть предметомъ сужденій высшей церковной Власти,“ ибо отъ моихъ словъ соблазнъ.

Въ чемъ моя вина? Неужели монашество не подвигъ? Неужели Церковь не благословляетъ его особымъ священнодѣйствіемъ? Ужели не испрашивать ему помогающей въ подвигъ семь благодати?

А мнѣ говорятъ: „такое выраженіе автора неправильно“, потому что упоминается о Благодати Божіей, а это „подастъ поводъ считать чинъ постриженія таинствомъ“. Прошу простить меня: я не повиненъ, что въ семь чинѣ молятся: „Ты, Владыко, Господи Боже нашъ, даруй еже отъ Тебѣ силу и благодать Твоего Божества, въ духъ и душу и тѣло къ Тебѣ пришедшаго раба Твоего“; „огради его силою Свята-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 17 за 1914 г.

го Твоего Духа, во еже не мощи дѣйствовати надъ нимъ всякой сопротивнѣй козни;“ или „свыше намъ Твоего сыноположенія образъ обновы Божественнаго Твоего Духа дѣйствомъ же и благодатию;“ или „облеци его во все оружество Святаго Твоего Духа... облагодати его“; еще „умудри его, и излей на нь отъ Владычннго Твоего духа благодать.“ Да и все это священнодѣйствіе направлено на испрошеніе благодати принимающему великую или малую схиму.—Слѣдовать же за ненавистниками монашества въ нынѣшнемъ вѣкѣ и отрицать, или даже умалчивать о благодати, которая даруется церковію отъ Господа принимающимъ подвигъ монашества, я считалъ и считаю не достойнымъ миссіонера, какъ равно недостойнымъ считаю молчать о монашествѣ, какъ подвигѣ, и чинопослѣдованіи монашескаго пострига, какъ благодатномъ священнодѣйствіи, коль скоро современность предлагаетъ этотъ вопросъ.

Что касается странности моихъ словъ, что „подъ евнухами у Ис. 56,4—6 разумѣются соблюдающіе цѣломудріе монахи, которые, подобно евнухамъ, не ведутъ брачной жизни и сверхъ сего, какъ предсказалъ Господь, избираютъ угодные Богу обѣты и крѣпко держатся завѣта Божія, то я умоляю сказать мнѣ, кого здѣсь должно разумѣть, кромѣ прославляемыхъ за духовную цѣломудренную жизнь монаховъ? Наконецъ, чѣмъ расходится это сужденіе съ толкованіемъ блаженнаго Іеронима: Изд. 2, ч. 9, стр. 41?

Равнымъ образомъ и въ 1 К. 7, 1—9, 28—40 и у Мө. 19, 10—12, полагаю, не о старыхъ холостякахъ нашего времени говоритъ Духъ Божій устами ап. Павла и Спаситель; а объ истинныхъ подвижникахъ монахахъ.

Конечно, я слишкомъ далекъ отъ мысли, что Прор. Исаія, Господь Спаситель и Ап. Павелъ въ приведенныхъ строкахъ разумѣли именно рясофорныхъ, манатейныхъ монаховъ, или схимниковъ. Разумѣлось, конечно, здѣсь дѣвственничество съ обѣтами всецѣлаго служенія Богу, начавшееся съ Апостольскихъ дней, въ IV-же вѣкѣ окончательно оформившееся въ монашество, когда для пріятія сихъ обѣтовъ преп. Пахоміемъ Великимъ были написаны чины монашескаго постриженія.

Я долго совѣщался о семъ съ редактировавшимъ мою книгу Архіепископомъ Антоніемъ, и онъ вполне раздѣля-

еть мое мнѣніе, своему же уму я не давалъ права самочинничать.

То же и относительно освященія воды, погребенія и крестнаго знаменія, которыя названы мной благодатными священнодѣйствіями, но *нигдѣ* не названы таинствами. Неужели пѣтъ благодати въ водоосвященіи? Неужели напрасно молимся: „о еже освятитися водамъ симъ, силою и дѣйствіемъ и наитіемъ Святаго Духа“, „о еже дароватися *имъ благодати избавленія, благословенію Іорданову силою и дѣйствомъ и наитіемъ Святаго Духа*“, „о еже просвѣтитися намъ просвѣщеніемъ разума и благочестія, *наитіемъ Святаго Духа*“, „о еже быти водѣ сей *освященія дару, грѣховъ избавленію, во исцѣленіе души и тѣла и на всякую пользу изрядную*“, „о еже быти *водѣ сей приводящей въ жизнь вѣчную*“, „о черплющихъ и емлющихъ *во освященіе домовъ*“, „о еже быти водѣ сей, во очищеніе душъ и тѣлесъ, всѣмъ вѣрою черплющимъ же и причащающимся отъ нея“, „о еже сподобитися намъ *исполнитися освященія водѣ сихъ причащеніемъ, невидимымъ явленіемъ Святаго Духа*“, „Самъ убо *Человѣколюбче Царю приди и нынѣ наитіемъ Святаго Твоего Духа, и освяти воду сію*“, „и даждь ей *благодать избавленія, благословеніе Іорданово: сотвори нетлѣнія источникъ, освященія даръ, грѣховъ разрѣшеніе, недуговъ исцѣленіе, бѣсомъ губительну, сопротивнымъ силамъ неприступну, ангельскія крѣпости исполнену: да вси почерпающіи и причащающіеся имѣютъ ю ко очищенію душъ и тѣлесъ, ко исцѣленію страстей, ко освященію домовъ, и ко всякой пользѣ изрядну*“.

Неужели это не благодатное священнодѣйствіе и о немъ можно умолчать въ книгѣ противъ сектантовъ, не имѣющихъ водосвятія, коль скоро даже Святой Златоустъ говоритъ, что въ семъ дѣлѣ постоянное чудо, ибо святая вода не портится. Сколько отвратилось отъ ересей засвидѣтельствомъ чуда освященія воды лютыхъ фанатиковъ сектантовъ: они безсильны отвѣчать на это.

Лишенныхъ св. Причастія за грѣхи, въ утѣшеніе скорбной души ихъ, по уставу, полагается причащать ихъ агіасмой-святой водой крещенской и антидоромъ (Скрижалъ).

И въ послѣдованіи погребенія не просимъ ли благодати оправданія и утѣшенія умершему, когда воспѣваемъ: „отъ

текущихъ непостояннаго тлѣнія къ Тебѣ пришедшаго въ селеніяхъ вѣчныхъ вселитися радостно сподоби Господи, оправдавъ вѣрою же и *благодатию*“. Также и въ стихѣ: „Нынѣ на земли.“

И умолчать о священнодѣйствіи погребенія въ наши дни, когда не только среди сектантовъ, но и среди нашей интеллигенціи практикуется „ослиное погребеніе“, предсказанное нечестивцамъ Прор. Іереміей (22, 19)—прямо невозможно.

Что касается, наконецъ, священнодѣйствія крестнаго знаменія, то о благодатности его прямо говоритъ Отець Церкви: „Да не стыдимся исповѣдывать Распятаго, съ дерзновеніемъ да изображаемъ рукою знаменіе креста на челѣ и на всемъ: на хлѣбѣ, который вкушаемъ; на чашахъ, изъ которыхъ пьемъ; да изображаемъ его при входахъ и выходахъ, когда ложимся спать и встаемъ, когда находимся въ пути и отдыхаемъ. Онъ—великое предохраненіе, данное бѣднымъ въ даръ и слабымъ безъ труда. Ибо это *благодать Божія*, знаменіе для вѣрныхъ и страхъ для злыхъ духовъ“ (Св. Кириллъ Іерусалимскій, Огласительн. Поуч. XIII, 36).

Будемъ ли мы приводить слова изъ вечерни Пятидесятницы „о предстоящихъ людѣхъ и чающихъ благодати св. Духа“ и т. д., или изъ чина освященія храма: „ниспосли пресвятаго Твоего Духа и освяти жертвенникъ“ и мн. др..

Таинство и обрядъ.

Критика укоряетъ меня, что не отличаю я таинства и обряда. Избави меня, Господи, отъ этого! Обрядомъ я считаю всегда внѣшнюю, ритуальную часть всякаго таинства и священнодѣйствія. Для того, чтобы обрядъ, т. е. рядъ разумныхъ дѣйствій сдѣлался таинствомъ, для этого нужна истинная Церковь, истинное священство, а съ ними и Духъ Святой, подающій ту, или другую вспомошествоющую благодать. Баптисты творятъ обрядъ крещенія, но это не таинство, хотя бы продѣлали они все такъ, какъ въ Православіи, потому, что нѣтъ у нихъ ни Церкви, ни священства, ни благодати. Затѣмъ, обрядомъ назову и внѣшнюю сторону и прочихъ священнодѣйствій. Называть же такъ и самыя священнодѣйствія, хотя и допускается въ школьной литературѣ, но къ великому соблазну и неудовольствію строго церковныхъ людей. Посему то все богослуженіе наше, *кромя таинствъ*, называю въ

книгѣ священнодѣйствіемъ, а не обрядомъ: это несравненно проще для объясненія и вразумительнѣе для простеца и для меня грѣшнаго.

Таинства крещенія и покаянія.

Я заслужилъ укоръ, что не назвалъ таинство крещенія таинствомъ. Простите: вѣдь на той же процитованной страницѣ 163-й четыре раза крещеніе названо таинствомъ, а во всей главѣ болѣе 10 разъ.

Что касается прощенія грѣховъ, въ частности перво-роднаго, то смѣю доложить, что вся 13 глава посвящена сему вопросу, т. е. вопросу о томъ, что въ крещеніи прощаются всѣ грѣхи, чего именно и нѣтъ у баптистовъ. А что не подчеркнута въ гл. 13 право участія въ крещеніи взрослыхъ *младенцевъ*, то это потому, что слѣдующій парагр. 14 посвященъ специально вопросу о крещеніи дѣтей.

Сужденіе „Добраго Исповѣданія“, что въ таинствѣ покаянія „епископомъ или пресвитеромъ отпускаются кающимся всѣ грѣхи ихъ“, считается „извращеннымъ“. Но я, полагаю, въ семъ не отступилъ ни отъ завѣта Господа, давшего Апостоламъ и ихъ преемникамъ право прощенія грѣховъ, ни отъ тайнодѣйственной молитвы, гдѣ говорится: „Азъ недостойный іерей властію мнѣ данною, прощаю и разрѣшаю тя отъ *всѣхъ твоихъ грѣховъ*“. Не менѣе случайнымъ кажется мнѣ, что „въ покаяніи отпускаются не просто „всѣ грѣхи“, какъ сейчасъ упомянуто въ таинствѣ, „а грѣхи, совершенные послѣ крещенія“, какъ говоритъ критика, точно *некрещенныхъ* можно исповѣдывать. Я склоненъ думать, что въ противосектантской книгѣ именно и слѣдуетъ особо выдѣлить, что именно *епископъ и священникъ прощаютъ грѣхи*, на что имъ и власть дана, а сектанты де сего не имѣютъ и умираютъ со грѣхами своими. Если сойти съ истинной позиціи и говорить о прощеніи грѣховъ не священникомъ, по данному ему Спасителемъ праву, а отъ Бога, то это такой просторъ самообольщенію сектантскому, отъ котораго покаянія заблудшихъ не скоро удастся добиться.

Я, конечно, не отрицаю, что священники прощаютъ грѣхи отъ имени и отъ лица Божія по данной отъ Христа власти, что подтверждаю далѣе доказательствами изъ Писаній (188—190 стр. Добр. Исп.).

Иллюстраціи, безсистемность и проч.

Объяснительныя картинки въ 0, 9 представляющія собой точныя катакомбныя снимки, сдѣланныя мной съ рѣдкихъ по цѣнности изданій, названы „самобытными рисунками“, низводящими „Доброе Исповѣданіе“ въ разрядъ изданій Сытина, хотя я, признаюсь, получилъ сотни благодарностей за это отъ миссіонеровъ и священниковъ разныхъ епархій, видѣлъ десятки перепечатокъ моихъ иллюстрацій въ новѣйшихъ миссіонерскихъ изданіяхъ.

Еще болѣе непонятно для меня объяснены эти рисунки. Дважды Владыка въ двухъ номерахъ отдаетъ десятки строкъ посмѣянію доказательства древнимъ изображеніемъ III вѣка древности крестнаго знаменія, называя „небывалымъ „шедевромъ“ сектообличенія“. Сообщение, что въ этомъ изображеніи „у Спасителя и Апостола руки сложены для крестнаго знамени“ (какъ и теперь на иконахъ имесловное крестосложеніе) вызываетъ насмѣшку: „это уже „шедевръ“ противосектантскихъ свѣдѣній автора: крестное знаменіе до крестной смерти Христа, до прославленія Креста!!!“ пишетъ Владыка. Но позвольте же мнѣ дочитать еще двѣ три строки изъ этого шедевра.

„Изъ этого (т. е. изъ сложенія въ 3 в. христіанами рукъ на иконахъ) мы заключаемъ, что первенствующіе христіане, сдѣлавшіе его, имѣли крестное знаменіе. Какъ же сектанты говорятъ, что у древнихъ христіанъ не было крестнаго знаменія?!“ („Добр. Исп.“, 217).

Для непонимающихъ позволю себѣ объяснить: если христіане черезъ 200 лѣтъ по вознесеніи, дѣлая изображенія Христа и Апостола, изображаютъ его со сложенными, какъ для крестнаго знамени перстами, значить, имъ то, а не современникамъ Христа, не чуждо было, какъ нашимъ сектантамъ, сложить персты въ означеніе или имени Христова, или въ знаменованіе Св. Троицы, или Богочеловѣчества Спасителя. Подобно адвентистамъ и баптистамъ первые христіане не считали этого дѣла печатью антихриста. Да зачѣмъ и теперь Богомладенецъ на св. иконахъ тоже изображенъ благословляющей имесловно рукой?!....

Отзывъ укоряетъ мои книги за то, что въ расположеніи матеріала замѣчается отсутствіе системы: „доказательства

изъ св. Писанія, доказательства изъ исторіи, мнѣніе сектанта, снова--изъ св. Писанія возраженія сектантовъ чередуются, съ положительнымъ ученіемъ православныхъ, что весьма затрудняетъ людей малоопытныхъ въ пользованіи книгой“. Позволю себѣ напомнить, что и въ правосл. противосект. катехизисѣ самого Преосв. Алексія доказательства изъ Откровенія и историческія, положительное ученіе и сектантскія мнѣнія, также чередуются и отъ этого выигрываетъ книга въ томъ смыслѣ, что положительное ученіе, послѣ сопоставленія съ отрицательнымъ на ряду, рѣзче отѣняется, глубже воспринимается и скорѣе запоминается. Но я, сверхъ того, какъ вѣдомо Владыкѣ Алексію, издалъ еще одновременно и Оружіе Правды, конспектъ „Добраго Испов.“—планы бесѣдъ, гдѣ уже сгруппировано все положительное и отрицательное и размежевано, дабы малоопытный по конспекту вспомнилъ все нужное ему.

Въ отзвѣвѣ осмѣяны доказательства, что Церковь никогда изъ 2-3 не состояла, и почему то опущено важное слово „*притомъ*,“ указующее, что впереди изложено другое опроверженіе болѣе сильное, и не объяснено, почему неправильно это осмѣянное сужденіе.

Слова мои, что по Христовой вѣрѣ всѣ порядки жизни и разъясненія ученія дѣлаются, называются „неправильнымъ утвержденіемъ“, хотя катехизисъ митроп. Филарета прямо говоритъ, что вселенскіе соборы собираются „для утвержденія истиннаго ученія и благочинія между христіанами“ (ч. I, стр. 16, изд. 71-е).

Почему то доказываетъ Владыка, что лютеране *чтутъ* крестъ; неужели по христіански чтутъ, какъ святыню? Зачѣмъ тогда въ „Камнѣ Вѣры“ лютеране столь строго обличаютъ за отверженіе креста--святыни христіанской? Обличаетъ меня Владыко, что мной отождествляется штундизмъ съ баптизмомъ, точно подъ именемъ штундизма у насъ разумѣется не южно-русское раціоналистическое сектантство вообще: вѣдь въ иныхъ мѣстахъ зовутъ такъ евангельскихъ христіанъ,—піетистовъ или пашковцевъ, нынѣ прохановцевъ, въ другихъ баптистовъ. Не самъ ли Владыка Алексій говоритъ о штундѣ піетистической (евангельскомъ хр-вѣ) и штундо-баптизмѣ. (Рел.—рац. движ. на югѣ Россіи—стр. 228-234, изд. Казань 1909 г.)

Попутно позволю себѣ коснуться укоровъ въ неполнотѣ, обезцѣнивающей „Образецъ“ и страдающее тѣми же недугами „Доброе Исповѣданіе“.

Главу „Образца“: „Церковь Христова Православная имѣетъ истинное наученіе Христово“ отзывъ укоряетъ за осужденный миссіонерской литературой (?) приѣмъ чисто вербальной защиты Священнаго преданія, т. е. простыми ссылками на тѣ мѣста, въ которыхъ говорится о „преданіи“, нисколько не разбираясь, что разумѣлъ Апостоль подъ Преданіемъ“.

Полагаю, что здѣсь недоразумѣніе, такъ какъ въ „Образцѣ“ утверждено: 1) что Церковь обладаетъ истиной, 2) что истина сохраняется въ Писаніяхъ и Св. Преданіи, 3) объяснено, что разумѣть подъ Писаніями, 4) ясно, опредѣленно сказано, что Св. Преданіе, это—всѣ истины Божіи, которыя не записаны въ Писаніяхъ, но сохранены Церковію отъ Христа и Апостоловъ и подъ руководствомъ Св. Духа, изложены въ опредѣленіяхъ и указаны въ правилахъ св. Отцами Церкви Божіей, а такъ же сохраняются въ православномъ Богослуженіи ¹⁾).

Все сіе подтверждено тремя совершенно ясными неоспоримыми цитатами св. Писанія: 2 Тесс. 2, 15; I Коринт. II, 2; 2 Тесс. 3, 6—7, проведенными и Владыкой безъ поясненій въ его книгѣ.

Это—въ двухлистовомъ „Образцѣ“.

Въ „Добромъ Исповѣданіи“ же вопросъ о наученіи Церкви всесторонне раскрытъ. Заимствовано правда, многое у Преосвященнаго Алексія, особенно же, у Высокопреосвященнаго Антонія изъ его переписки съ Прохановымъ и Долгополовымъ и сдѣланъ подробный разборъ не только процитованнаго въ „Отзывѣ“, почему то кажущагося Владыкѣ

¹⁾ По сему рекомендуемый мнѣ критикой вопросъ сектантамъ: „почему вы не держите Апостольскихъ преданій, которымъ научили они послѣдователей словесно“, далеко не совершененъ; говоря откровенно, лѣтъ пять, даже болѣе, мной оставленъ, потому что даетъ поводъ сектантамъ говорить о негодности словесной передачи, о плачевныхъ результатахъ сего способа и под... Моимъ слушателямъ я всегда рекомендовалъ такъ вопрошать: „кто вамъ позволилъ оставить, или выбросить половину наученія Христова, сохраненнаго Св. Преданіемъ? Какъ вы надѣетесь исполнить Писаніе безъ Преданія, (Евр. 13, 7)? Чѣмъ, безъ Св. Преданія, докажете правильность Писанія? и под.

слабымъ, но неопустительно приводимаго сектантами даже до сего дня, но и сектантскихъ самыхъ главныхъ возраженій.

Требованіе различенія степеней священства удовлетворено и въ „Образцѣ“ частію, особенно же въ „Добромъ Исповѣданіи“.—Непредусмотрѣнное возраженіе, что у Ап. Тимофея „особое дарованіе“ и „даръ Божій“ не общій для священства, а данный ему по пророчеству слабо, потому что даже ребенокъ спросить: „Какое пророчество? Когда и къмъ оно сказано?“—и убитъ этимъ возраженіе.

Что подъ крещеніемъ должно разумѣть не наученіе, а крещеніе, сказано въ „Добромъ Исповѣданіи“, 168—9 стр., выяснено также, что разумѣть подъ „водой“ у Іоан. 3, 5 и что сектанты разумѣютъ,—„Оруж. Пр.“ стр. 78—79, но и это отпущено въ отзывѣ. Текстъ Дѣян. 2, 39 мной, вопреки отзыву, не только приведенъ, но и выясненъ въ требуемомъ смыслѣ, въ „Добромъ Исповѣданіи“, 181 стр.; о врожденной грѣховности человѣка—первородномъ грѣхѣ не трудно найти въ „Добромъ Исповѣданіи“ на стр. 172. 3. 9 и въ разборѣ сектантскихъ возраженій вопроса о крещеніи—нѣсколько разъ.

Глава о св. Причащеніи въ „Образцѣ“ не можетъ дать въ обоснованіи Евхаристіи другихъ текстовъ кромѣ приведенныхъ, потому что ихъ нѣтъ въ Откровеніи, а въ „Добромъ Исповѣданіи“ подробнѣйше выясненъ сей вопросъ и опровергаются всѣ наличныя сектантскія возраженія (191—205).

Глава о храмѣ, очевидно, незамѣченная въ „Добромъ Исповѣданіи“ на стр. 231, говоритъ, какъ желательно рецензенту, о замѣнѣ скиніи храмомъ, но еще печальнѣе для меня не замѣчено то, что доказательства вещественной святыни поставлены мной не по трафарету, а на текстѣ 2 Θεс. 2, 3—4, что устраняетъ возможность сектантскихъ толковъ и совершенно убиваетъ „Новую сложную систему доказательствъ въ опроверженіе иконъ“ (слѣдовательно и вещественной святыни), основанную на различіи двухъ завѣтовъ: мнѣ приходилось встрѣчаться съ этой убогой сектантской системой еще въ 1902 и 3 годахъ, не только въ нынѣшнемъ году; да и какъ говорить по этой „опасной“ новой системѣ, коль скоро 2 Θεс. 2, 3—5 прямо пророчествуетъ, что храмъ Божій и святыня, называемая Богомъ сохранится до Второго Пришествія, когда слава и вѣнецъ нынѣшняго сектантства

—антихристъ, поглумившись надъ храмомъ Божиимъ и святыней, будетъ убитъ духомъ устъ Господнихъ и уничтоженъ явленіемъ пришествія Его.

Возраженія сектантовъ противъ Креста Господня, вопреки отзыву, обильно приведены и опровергнуты въ „Добромъ Исповѣданіи“ парагр. 26 и „Оружіе Правды“ 134—139; въ „Образцѣ“ же сіе, по моему, не умѣстно.

Не моя также вина, что критика считаетъ, что крестное знаменіе не отъ Апостольскихъ дней, чѣмъ противорѣчитъ св. Василию Великому и подрываетъ вѣру нашу.

Горько видѣть, что среди сотенъ возраженій сектанскихъ документально обоснованныхъ, взято только 2—3 цитаты, кажущіяся почему то маловажными, и даже рекомендуется мнѣ пользоваться и тѣми сектантскими документами и въ тѣхъ именно частяхъ, которыя мной использованы, напр., „Вѣроученіемъ баптистовъ“ чл. 3, использованъ въ „Добромъ Исповѣданіи“, ст. 135—6.

Порицанія.

Позволю себѣ коснуться „порицаній“ сектантовъ, допущенныхъ мной, по слову отзыва, для пущей важности“, „для привкуса“, опять таки дважды разобранныхъ Преосвящен. Алексіемъ. Не могу не напомнить, что въ православномъ противоштундистскомъ катехизисѣ Владыки, каковымъ я всегда пользовался и дорожилъ имъ, предлагается смотрѣть на сектантовъ „какъ на хищныхъ волковъ“ (стр. 212), опредѣленно предостерегается, что проповѣдники сектантства исполнены „тщеславія, безумія и разврата“ (стр. 62), что они „низкіе лицемѣры предатели своей религіи“ (83).

Прошу простить меня, но я думаю, что въ нашъ лживый вѣкъ далеко не бесполезно называть вещи своими именами и тѣмъ хоть немного сдерживать людей. Не мало вреда приноситъ наименованіе воровства и разбоя экспропріаціей, чистаго хулиганства-футуризмомъ, открытаго безстыжаго блуда—гражданскимъ бракомъ, религіознаго кривлянія и самообольщенія сектантства „евангельскимъ христіанствомъ“. Св. Отцы, дѣйствительно любившіе вѣру, называли все своими именами и, не стѣсняясь, клеймили еретиковъ и дѣянія ихъ сильными словами, а не сантиментальными извѣщеніями, что еретики „нѣсколько не точно“, или: „не вполне

правильно“, или „сравнительно невѣрно“ понимаютъ. Вспомнимъ слова Апостола любви о николаитахъ, слова Господа Христа къ невѣрнымъ Іудеямъ: „вашъ отецъ діаволь и вы хотите исполнять похоти отца вашего“ (Іоан. 8 гл.) или изъ Ев. Мѳ. 23, или слова Предтечи Господня, привлекшаго къ себѣ всю Іудею и Самарію: „порожденія ехиднины и проч.“ (Мѳ. 3). Неужели не Божіи всѣ сіи примѣры для насъ? Сладкими рѣчами и реверансами еретиковъ не заманить, а погибель для православныхъ этимъ легче всего учинить. Діавольское заблужденіе и ересь не отъ неточности, а отъ содружества съ демонами. Такъ и Апостолы обличали „лжеапостоловъ, лукавыхъ дѣлателей“, уподобляющихся сатанѣ, принимающему видъ ангела свѣта, называли ихъ „лютými волками“, „нагими ругателями“. А какъ мученики передъ своимъ славнымъ вѣнцомъ обличали мучителей! Какъ Св. Златоустъ бичевалъ еретиковъ!

Но Владыка Алексій особенно негодуетъ на то, что по моимъ книгамъ, „Баптизмъ есть религія, выдуманная людьми, по наученію діавола“. Позволю себѣ напомнить, что въ *Православномъ противощтундистскомъ катехизисѣ* самаго Преосв. Алексія говорится, что основатели штундизма „не суть избранники Бога: ихъ рѣчи доказываютъ, что они одушевлены не духомъ Божіимъ, но духомъ врага Церкви—*діавола*“, стр., II, изд. III. По меньшей мѣрѣ въ данномъ случаѣ я былъ вѣрнымъ ученикомъ Преосв. Алексія...

Религія и вѣра.

Въ моихъ книгахъ доказывается, что религія и вѣра (въ смыслѣ вѣроисповѣданія), опредѣляющія не что иное, какъ отношеніе между Богомъ и человѣкомъ, должны быть признаны тождественными по содержанію. „Слово религія указываетъ на союзъ Вседержителя Творца съ человѣкомъ, а словомъ вѣра отмѣчается два существенныхъ признака этого союза: съ одной стороны указывается, что Богъ открылъ человѣку Свою волю, а съ другой стороны,—что человѣкъ вѣритъ въ Бога и съ послушаніемъ принимаетъ Его слово“ (Д. И. стр. 2).

Владыка этой мысли дважды удѣляетъ много вниманія, называя это сужденіе „философіей безсознательнаго“: „крещеный еврей, никогда не заглядывающій въ храмъ и не

исполняющій уставовъ церковныхъ“, по миѣнію Владыки принадлежитъ къ религіи православной, а „вѣрующій православный русскій“ принадлежитъ къ православной Вѣрѣ, отсюда заключается, что „Вѣра православная“ и „религія православная“—вещи разныя.

Позволю себѣ напомнить, что ни одна религія не терпитъ въ нормальномъ своемъ положеніи людей отъ нее отвращающихся и не выполняющихъ ея требованій. Что касается Православія, то какъ бы его ни назвать—Религіей ли, Вѣрой ли Православной, все равно оно не знаетъ подобно помянутому крещеному еврею членовъ, но извергаетъ ихъ по „правиламъ“ Церковнымъ, написаннымъ Духомъ Святымъ. По 122 прав. Кареаг. соб. Христіанство должны принимать добровольно, слѣдовательно, всякій принявшій христіанство обязанъ повиноваться Христу, а не оскорблять Его: иначе ему нѣтъ никакой пользы отъ христіанства. 45 прав. В. Великаго. Блаженный Вальсамонъ патр. Александр. въ толков. на это прав. говоритъ о такомъ: „итакъ необходимо долженъ быть, какъ нѣкій гнилой членъ отсѣченъ отъ цѣлости здраваго тѣла Христоименитаго народа т. е. онъ не долженъ ни участвовать въ церковныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ христіанами, ни причисляться къ овцамъ христіанской пасты. (Трехтолк. Кор. Прав. Св. 00., 299 стр.)—Всякій носящій имя христіанина обязанъ каждый воскресный и праздничный день ходить въ храмъ Божій, а не бывшій три недѣли въ церкви отлучится отъ Христа, по 80 прав. 6-го Вселен. Соб., а всякій нарушающій правило св. соб. и св. отцовъ, подпадаетъ подъ анаѣму: „кто иже въ небреженіи полагающимъ священныя и божественныя правила Божественныхъ Отецъ нашихъ, яже церковь утверждаютъ и все христіанское жительство украшаютъ и къ Божественному наставляютъ благобоязньству, анаѣма“. (Кормч. 641 лист.) Что касается совершенной ненужности разрѣшенія этого вопроса, какъ думаетъ Владыка Алексій, то позволю себѣ доложить, что въ послѣднее время не проходитъ ни одно *призывное*, наполненное православными слушателями, собраніе сектантское, когда бы пропагандисты не касались сего вопроса и какъ разъ, простите, въ томъ обоснованіи, которое допущено преосвященнымъ рецензентомъ. Сектанты стараются внушить православнымъ, что „религія все равно

что одежда“,—то пиджакъ, то сюртукъ, то кафтанъ. Посему, они, сектанты, не трогаютъ де религіи челоуѣка: носи какую хочешь, а самое главное-вѣра въ Иисуса, какъ личнаго Своего Спасителя, признаніе, что твоя сердечная вѣра дѣлаетъ тебя дитятею Господа, даетъ увѣренность въ спасеніи и т. д., словомъ, все, что является достояніемъ сектанства.—Этотъ хитрый пріемъ, ублаживающій православныхъ, что они могутъ оставаться „въ своей религіи“ и лишь обогатиться въ сектантскомъ собраніи „вѣрой въ своего *личнаго* Спасителя“ является очень сознательной демонской философіей совращенія и не предохранитъ православнаго сознанія отъ этого лукаваго изобрѣтенія сектантскаго для современнаго миссіонера невозможно.

Православіе и ереси.

Мы вѣруемъ *во едину*, святую, соборную и Апостольскую Церковь. Она *тѣло Христово*. Это тѣло имѣетъ *одну* главу Христа и одушевляется *однимъ* Духомъ Божиимъ (Катех. Еп. Алексія, стр. 86). „Господь Иисусъ Христосъ желалъ создать только *одну* Церковь (Мѡ. 16, 18) и изображая ее въ притчахъ, говорилъ только объ *одномъ* стадѣ, объ *одномъ* овчемъ дворѣ (Іоан. 10, 16) объ одной виноградной лозѣ (Іоан. 15, 1—7), объ *одномъ* царствѣ небесномъ на землѣ (Мѡ. 13, 24. 47.). Этой спасительной идеей въ согласіи съ Еп. Алексіемъ, а еще болѣе по повелѣнію слова Божія и наученія Церкви, проникнута каждая строка моей книги. Да и возможно-ли говорить, что у *единой* Главы-Христа можетъ быть нѣсколько тѣлъ-Церквей, разныхъ по содержанію. Можно ли допустить, чтобы *единый* Благодатель Духъ Святой раздѣлился и училъ бы православныхъ православію, а у еретиковъ поддерживалъ бы ереси. Помимо Церкви есть лишь все содержащій промысль, а Христосъ Спаситель и Духъ Благодатель только въ Церкви: „христіанства никогда не было безъ церкви“ (Арх. Илларионъ, стр. 11) этимъ проникнута книга Арх. Иллариона „Очерки изъ исторіи догмата о Церкви“, особенно одобряемая Владыкой Алексіемъ, всесторонне рассматривающая этотъ именно вопросъ. И вдругъ отзвѣвъ о моихъ книгахъ говоритъ: „всѣ вѣры“, въ томъ числѣ и „латинство“ онъ (Варжанскій) объявляетъ „неимѣющими истиннаго благодатнаго священноначалія и благодат-

ныхъ священнодѣйствій (стр. 8—9) утверждаетъ, что у нихъ не истинный Христосъ Спаситель, а самоизмышленный Исусъ“, или „другой Исусъ“ (стр. 23).

Вѣрую и исповѣдую, что это такъ, и утверждаю, что если у нихъ благодать, тогда у насъ нѣтъ ее и наоборотъ; исповѣдую, Христосъ Господь не раздѣлился, Онъ—Глава того тѣла, въ которомъ я—членъ, а у латиниковъ самоизмышленный Исусъ, отъ Котораго Духъ Св. исходитъ, чему никогда Апостолы не учили. И это тѣмъ болѣе скажу о всѣхъ прочихъ ересьяхъ во главѣ съ лютеранствомъ.

Но отзывъ утверждаетъ, что „все это не соотвѣтствуетъ учению православной Церкви, которая напр., признаетъ *благодатное* священство у католиковъ, признаетъ св. крещеніе у еретиковъ, и если оно было съ троекратнымъ погруженіемъ и съ произнесеніемъ извѣстныхъ словъ. И такое огульное обвиненіе всѣхъ неправославныхъ, несомнѣнно, вноситъ большую смуту въ умы православныхъ, видящихъ и знающихъ иное о семъ ученіе и иное дѣйствіе Православной Церкви“.

Пусть позволительно будетъ спросить мнѣ, почему нельзя найти мысли о благодатности ересей въ катехизисѣ Пресвященнаго, коль скоро мнѣ это рекомендуется? Почему въ „отзывѣ“ нѣтъ ни одной цитаты изъ слова Божія или изъ св. правилъ, или изъ св. Отцовъ, будто у еретиковъ есть истинная благодать Божія, необходимая для жизни Тѣла Христова, каковое утвержденіе равносильно признанію ихъ Тѣломъ Христовымъ, благодатствуемымъ Духомъ Божиимъ?

А потому, что Церковь учитъ о семъ совершенно противоположнымъ способомъ. Она, во первыхъ, признаетъ таинства только у Церкви и отрицаетъ ихъ у еретиковъ и раскольниковъ, о чемъ ясно гласитъ 68 прав. Карвагенскаго Собора. Полагаю, что невозможно намъ отмѣнить Апост. прав. 68, говорящее: „рукоположеннымъ отъ еретиковъ, ни вѣрными, ни служителями Церкви быти не возможно. (Ап. Прав. 68)“.

Не придется ли намъ благословляться у ксендзовъ и бискуповъ, разъ у нихъ спасительная благодать? Не причаститься ли у нихъ? Вѣдь, если благодать истинная у нихъ, то и причастіе истинное? и Исповѣдь? и бракъ? и, конечно, ужъ хиротонія?

Простите, я миссіонеръ православный, избралъ эту долю горькую и въ то же время во Христѣ радостную не для

того, чтобы подладиться подъ еретиковъ. Пусть издѣваются надо мной сектанты, пусть подвергаютъ насиліямъ сектанты и безбожники, пусть почти непрерывно обливаютъ грязью жидовскія газеты, пусть сектанты и раскольники усердно перепечатаваютъ въ своихъ погибельныхъ журналахъ и развѣшиваютъ по стѣнамъ своихъ собраній и въ домахъ архіерейскую критику, все же долгомъ считаю заявить слѣдующее: не потому Церковь наша русская принимаетъ латинскихъ іерархическихъ лицъ въ „сущемъ санѣ“, не перекрещиваетъ и другихъ еретиковъ, что вѣритъ въ ихъ благодать, но потому, что, щадя ихъ слабость и зная правильную внѣшность ихъ ритуала, принимаетъ кающихся третьимъ чиномъ и вѣритъ, что въ правильныя формы еретическаго ритуала волеется благодать Божія, имѣющаяся только въ Церкви Божіей православной тогда, когда отрекшійся отъ заблужденія еретикъ войдетъ въ Домъ Отчій.

Очень часто случалось въ Церкви вселенской, что одна помѣстная церковь принимала хиротонисанныхъ еретиками лицъ въ сущемъ санѣ, а другая отвергала, какъ и доселѣ случается съ латинниками, которыхъ греческая Церковь перекрещиваетъ, а русская приѣмлетъ въ сущемъ санѣ. Неужели же въ одномъ мѣстѣ у еретиковъ благодать отвергалась, а въ другомъ, на разстояніи 700-800 верстъ признавалась? Конечно, она всюду отвергалась, но это допускалось „въ пользу желающихъ, симъ образомъ прейти къ католической Церкви, дабы не было поставляемо никакія преграды ихъ единенію“ (Кароаг. 79 пр.).

Еще ясяѣе объясняется приѣмъ еретиковъ не изъ признанія благодати ихъ, по снисхожденію къ ихъ слабости, по каноническимъ отвѣтамъ святѣйшаго Тимофея: Вопросъ. Но что обращающіеся еретики къ соборнѣй церкви не по крещеніемъ?

Отвѣтъ. Аще бы се было, небыся человекъ скоро обращалъ отъ ереси *покрещенія стыдяся*, обаче и возложеніемъ руку пресвитерску и молитвою, вѣсть приходити Духъ Святый, яко же свидѣлствуютъ дѣянія святыхъ Апостолъ (Прав. Св. От. съ толк. Изд. М. О. Л. Д. П., Москва 1884, стр. 535).

Въ сочиненіяхъ Архіепископа Антонія, давшихъ возможность Казанской Дух. Академіи, по почину Преосв. Але-

ксія увѣнчать мудраго іерарха ученой степенью „доктора-Богословія“ не могло быть не замѣчено преосвящ. Алексіемъ что здѣсь написано: „*кромѣ православныхъ христіанъ бываютъ только иновѣрцы, да еретики отступники, лишенные Божественной благодати и спасенія*“ (Арх. Антоній, Собр. Соч., т. I, стр. 498, изд. СПб. 1911). Та же мысль въ моихъ скромныхъ книжкахъ, по словамъ того же Владыки Алексія „несомнѣнно вноситъ большую смуту въ умы православныхъ“, хотя и в Всел. Соб. прав. 95 и Лаодикійск. пр. 31 не называютъ ни еретиковъ и раскольниковъ даже христіанами. Не могъ же я говорить объ еретикахъ вопреки наученію Духа Ножія, подвергая себя грозной анаѳемѣ.

Въ частности, о латинствѣ, хиротонію, крещеніе и вообще „благодать“ которыхъ будто православіе должно признавать, вопреки моимъ доводамъ тѣ же удостоенныя Владыкой Алексіемъ докторства сочиненія говорятъ:

„*Католичество есть ересь лютѣйшая прежнихъ, ибо если еретиками называются всѣ возводящіе заблужденіе въ догматъ, то какъ избѣгнуть такого наименованія латиняне, измыслившіе недавно пагубный и унижительный для вселенскаго христіанства догматъ о непогрѣшимости папъ, а раньше о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы Ея родителями Іоакимомъ и Анною, и уже давно отвергнутые Церковію за ложный догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына. Восточные Соборы Отцевъ, видя упорство латинянъ въ ихъ искаженномъ ученіи о Пресвятой Троицѣ, а равно то, что съ каждымъ столѣтіемъ они умножаютъ число своихъ еретическихъ мудрованій, постановила, обращающихся отъ латинства принимать чрезъ тоекратное погруженіе, какъ бы не крещенныхъ, и того же обычая держалась Церковь Россійская до времени присоединенія Малороссіи, когда можетъ быть ради уніатовъ, обращающихся въ Православіе, постановила снизойти имъ чрезъ принятіе вторымъ или даже третьимъ чиномъ, при чемъ обращающійся торжественно проклиналъ латинскую ересь всѣхъ папъ послѣ ихъ отпаденія бывшихъ, искаженное ученіе о Троицѣ, опрѣсноки, латинскіе посты въ субботу, ихъ праздники и пр“.*

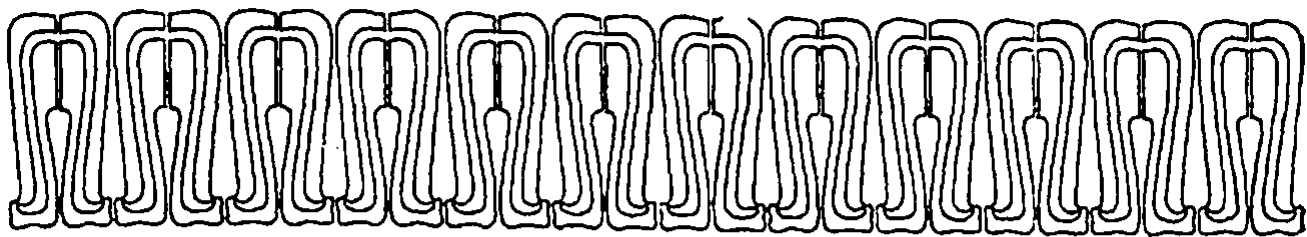
(Арх. Антоній. Собрание Сочиненій. т. I, стр. 479—480, Изд. II СПб. 1911).

Это же говоритъ Духъ Божій правиломъ Третьяго Вселенскаго Собора, предусмотрѣвъ ересь латинскую въ измѣненіи Символа Вѣры.

Этимъ я и закончу мою миссіонерскую самозащиту, опустивъ все третьестепенное. Отъ всякихъ выводовъ уклоняюсь, имѣя въ виду существо дѣла и заботясь болѣе всего о сохраненіи благоговѣйнаго отношенія къ святительскому сану, что составляетъ исключительную и необходимую принадлежность всякаго православнаго миссіонера, находящаго истинное удовлетвореніе въ защитѣ священства Церкви Божіей отъ всякаго огорченія и нападокъ.

Николай Варжанскій.

МОЛИТВА

и образъ ея совершенія по ученію Слова Божія и святыхъ отцовъ
и учителей Православной Церкви.*)

I.

**Молитва, какъ добродѣтель, имѣющая важное значеніе
для человѣка.**

1. Важность молитвы и ея обязательность.

Въ кругу религіозныхъ истинъ имѣются такія, о которыхъ всегда полезно говорить и писать, не смотря на то, что онѣ общеизвѣстны и знакомы каждому христіанину съ самыхъ раннихъ лѣтъ его жизни. Къ числу такихъ истинъ, безспорно, принадлежитъ ученіе о молитвѣ. Хотя мы съ младенчества знаемъ, что такое молитва, когда и какъ должно

*) Настоящія сужденія о молитвѣ изложены съ тою цѣлію, чтобы по мѣрѣ возможности уяснить дѣло молитвы и образъ ея совершенія. Побужденіемъ къ сему для меня послужили—съ одной стороны наблюдаемый въ современномъ обществѣ недостатокъ въ отношеніи къ молитвѣ, состоящій въ томъ, что многіе христіане не сознаютъ всей важности и необходимости молитвы, а потому не имѣютъ къ ней должнаго усердія и не совершаютъ ея какъ слѣдуетъ; съ другой—сознаніе своего пастырскаго отвѣтственнаго долга; ибо кто долженъ позаботиться объ оживленіи и усиленіи въ обществѣ духа молитвы, какъ не священникъ? Руководствомъ для меня служили, кромѣ Слова Божія, выдержки изъ твореній св. отцовъ и учителей Церкви о молитвѣ, собранныя въ книгѣ „Святоотеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи или вниманіи въ сердцѣ къ Богу“, изд. 2, 1889 г.; „Творенія иже во святыхъ отца нашего Тихона Задонскаго“, въ 5 томахъ, изд. 1899 г.; сочиненія Епископа Теофана

совершать ее; но тѣмъ не менѣе разсужденія объ этомъ никогда не лишни. Скажемъ болѣе: въ настоящее время по преимуществу нужно выясненіе правильнаго взгляда на молитву и образъ ея совершенія какъ въ виду особой важности ея въ религіозно-нравственной жизни, такъ и въ виду замѣчаемаго въ наше время въ обществѣ ослабленія христіанскаго благочестія вообще и въ частности духа молитвы.

Молитва есть дѣло въ высшей степени важное по самому существу своему, какъ бесѣда человѣка съ Богомъ, съ Матерію Божіею и святыми небожителями. Въ ней мы и внутренно — умомъ и сердцемъ, — и внѣшнимъ образомъ — словами, поклонами и другими внѣшними знаками — выражаемъ свои благоговѣйныя мысли и чувства къ Богу и святымъ Его, молясь о своемъ помилованіи и спасеніи, вообще о своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ нуждахъ. Всѣ эти внутреннія чувства и расположенія молящагося, равно и внѣшнія дѣйствія молитвы должны быть согласны съ волею Божіею и должны соответствовать безконечному величію Бога — Творца и высокому достоинству святыхъ Его. А потому въ высшей степени важно уяснить, какъ нужно совершать молитвы, чтобы онѣ были угодны Богу и для насъ благотворны. Важность сего увеличивается, если примемъ во вниманіе, что молитва есть самая первая и существенная обязанность христіанина, самая главная и необходимая добродѣтель. Не говоря уже о томъ, что молитва составляетъ естественную потребность нашего сердца, ищущаго прославлять и благодарить Господа, какъ нашего

(затворника) — преимущественно его „Письма о христіанской жизни“ изд. 1891 г.; сочиненія Архіепископа Антонія (Храповицкаго) 2-е изд. 1911 г.; сочиненія Протоіерея Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго) — „Моя жизнь во Христѣ“, вып. 7, изд. 1894 г. и „Мысли о богослуженіи Православной Церкви“, изд. 1894 г. Изъ этихъ произведеній мною приводятся, когда нужно, подлинныя свидѣтельства означенныхъ отцовъ и учителей Церкви, особенно святителя Тихона Задонскаго. Въ примѣчаніяхъ (во 2-мъ отдѣлѣ) помѣщены молитвенныя обращенія къ Богу о помилованіи и спасеніи. Онѣ приведены здѣсь не какъ церковныя молитвы, а какъ выраженіе мыслей и чувствъ сердца, вылившихся подъ вліяніемъ молитвеннаго настроенія. Написаны онѣ на славянскомъ языкѣ, какъ болѣе приличномъ для выраженія молитвенныхъ чувствъ.

Отъ Автора.

Создателя, Промыслителя и Спасителя, она вызывается нашими постоянными и многочисленными нуждами всякаго рода. Съ одной стороны у насъ чрезвычайно много нуждъ духовныхъ. Наше христіанское назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы преуспѣвать въ духовной, религіозно - нравственной жизни, усовершая себя болѣе и болѣе въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ. Здѣсь на каждомъ шагу мы нуждаемся въ помощи Божіей, условливаемой молитвою. При посредствѣ молитвы происходитъ въ таинствѣ Крещенія самое возрожденіе христіанина въ духовную жизнь силою Святаго Духа; при посредствѣ молитвы преподаются ему необходимые дары освящающей благодати въ прочихъ таинствахъ Церкви; вся духовно - нравственная жизнь развивается и укрѣпляется въ человѣкѣ при посредствѣ молитвы,—въ младенчествѣ малосознательной, а потомъ съ постепеннымъ возрастаніемъ болѣе и болѣе сознательной и разумной. Молитвою поддерживается и укрѣпляется въ человѣкѣ ревность для борьбы со грѣхомъ и страстями; черезъ молитву получаютъ отъ Бога благодатныя силы на перенесеніе всякаго рода жизненныхъ испытаній и на преспѣваніе въ добродѣтели. Съ другой стороны у насъ также очень много нуждъ тѣлесныхъ, земныхъ: наше здоровье, продолжительность земного существованія, удовлетвореніе многочисленныхъ земныхъ потребностей, внѣшняя обстановка жизни,—вообще весь строй и теченіе земной жизни находятся въ зависимости отъ Бога. Намъ и здѣсь также на каждомъ шагу нужны помощь и милость отъ Господа, которыя могутъ быть ниспосылаемы Имъ только черезъ посредство молитвы. Словомъ, черезъ молитву испрашиваются и получаютъ отъ Господа всѣ дары для настоящей временной и будущей вѣчной жизни. Вотъ почему молитва является обязательной для всякаго христіанина. Она намъ существенно необходима какъ для правильнаго устроенія земной жизни, такъ и для преуспѣванія въ жизни духовной,—необходима такъ-же, какъ пища для тѣла. Безъ молитвы земная жизнь получаетъ обратное, губительное направленіе; а духовная жизнь безъ нея мало по малу падаетъ и можетъ дойти до такой степени ослабленія и упадка, что человѣкъ почти теряетъ вѣру въ Божественное достоинство христіанства и даже въ самого Бога.

Святые Апостолы признавали молитву, вмѣстѣ съ про-

повѣдію Слова Божія, главнымъ своимъ дѣломъ. Избирая семь діаконовъ, чтобы ввѣрить имъ дѣло попеченія о бѣдныхъ, они сказали о себѣ: „Мы же въ молитвѣ и служеніи слова пребудемъ“ (Дѣян. 6, 4); а намъ они завѣщевали со всѣмъ усердіемъ молиться Богу, о чемъ апостоль Павелъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ посланіяхъ (Ефес. 6, 18; Филип. 4, 6; Колос. 4, 2 и др.); онъ заповѣдуетъ даже „непрестанно молиться“ (1 Солун. 5, 17), т. е. непрестанно имѣть молитвенное настроеніе. Тому же учатъ единогласно всѣ отцы и учителя Церкви какъ словомъ, такъ и собственнымъ примѣромъ; они признаютъ молитву корнемъ, основаніемъ всего добраго и святаго. По словамъ св. Іоанна Лѣствичника молитва есть „источникъ добродѣтелей, ходатаица и виновница дарованій, невидимое преспѣяніе, пища души“ и проч. ¹⁾ По ученію св. Іоанна Златоуста „молитва есть глава всѣхъ добродѣтелей, корень и основаніе спасительной жизни... Ни цѣломудріе одно не можетъ спасти безъ другихъ добродѣтелей, ни попеченіе о бѣдныхъ, ни благодать, ни другое какое-либо изъ похвальныхъ дѣлъ; но надобно, чтобы всѣ добродѣтели стеклись въ нашу душу, а чтобы молитва, какъ основаніе и корень, лежала подъ ними. Какъ корабль и домъ нижнія части дѣлаютъ крѣпкимъ и сплоченнымъ; такъ и жизнь наши молитвы скрѣпляютъ, безъ нихъ ничего въ насъ не бываетъ добраго и спасительнаго ²⁾. Святитель Тихонъ Задонскій называетъ молитву „виновницею всякаго добра, какъ душевнаго, такъ и тѣлеснаго и временнаго“ ³⁾. По словамъ епископа Теофана (затворника) „молитва есть главное дѣло, источникъ всего (добраго) и всякаго преспѣянія; она есть путь нашъ къ Богу; все же прочее вспомогательныя къ тому средства“ ⁴⁾.

2. О молитвѣ въ современномъ христіанскомъ обществѣ.

Обращая вниманіе на религіозное состояніе современнаго христіанскаго общества и сравнивая его съ прошедшимъ даже недалекимъ временемъ, мы не можемъ не за-

¹⁾ „Свято-отеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи“; стр. 149.

²⁾ „Свято-отеч. наст. о молитвѣ и трезвеніи“, стр. 60.

³⁾ Творенія св. Тихона Задонскаго, т. 2. стр. 324.

⁴⁾ Еп. Теофана „Письма о христіанской жизни“, стр. 8 и 11.

мѣтитъ, что въ немъ духъ молитвы сравнительно съ прежнимъ временемъ значительно оскудѣлъ. Наши предки сильнѣе насъ сознавали свою зависимость отъ Бога; они были убѣждены, что все въ жизни происходитъ по волѣ Божіей, и потому боялись Бога и при всѣхъ сколько нибудь важныхъ и затруднительныхъ дѣлахъ своихъ, при всѣхъ счастливыхъ и несчастныхъ случаяхъ жизни, обращались къ Богу съ молитвою, въ которой просили у Него помощи, разумленія, подкрѣпленія, или возносили Ему благодаренія. Каждодневно дома молились они Богу въ обычные установленные часы, особенно утромъ и вечеромъ, и съ любовью посѣщали церковныя службы. Исполненіе домашнихъ молитвъ и участіе въ церковномъ богослуженіи почиталось ими священнымъ долгомъ, опущеніе котораго разсматривалось, какъ важный грѣхъ. Въ настоящее время Православная Церковь въ числѣ своихъ членовъ имѣетъ еще много убѣжденных христіанъ—ревнителей вѣры и благочестія, которые, подобно нашимъ благочестивымъ предкамъ, со всѣмъ усердіемъ совершаютъ свои молитвы какъ дома, такъ и въ церкви, о чемъ свидѣтельствуютъ—и посѣщеніе ими церковныхъ богослуженій въ праздники, и высокій подъемъ религіознаго чувства у нихъ въ дни особенныхъ церковныхъ торжествъ, напр., по случаю празднованія мѣстныхъ праздниковъ въ честь чудотворныхъ иконъ, почитаемыхъ святыхъ угодниковъ, открытія святыхъ мощей и т. под.,—и громадныя толпы богомольцевъ, посѣщающихъ знаменитыя православныя монастыри. Такіе христіане молятся Богу искренно, отъ всей души—какъ всегда, такъ въ особенности при разнаго рода несчастіяхъ и испытаніяхъ, всегда находя себѣ въ молитвѣ утѣшеніе и благодатную помощь во всѣхъ жизненныхъ затрудненіяхъ, во всякой нуждѣ и скорби. Содержа въ вѣрующемъ сердцѣ все, чему учитъ Православная Церковь, они способны бываютъ на великіе подвиги добродѣтели и благочестія изъ любви къ Богу и ближнимъ.

Но вмѣстѣ съ этими отрадными явленіями мы встрѣчаемъ въ современномъ обществѣ и противоположныя имъ явленія. Въ настоящее время въ значительной по количеству части людей преобладаетъ, какъ извѣстно, чувственное, матеріалистическое направленіе. Люди съ такимъ направленіемъ бываютъ озабочены только тѣмъ, чтобы жить на землѣ въ

свое удовольствіе, имѣть какъ можно больше благъ земныхъ и чувственныхъ, улучшать свое земное благосостояніе; при чемъ они стараются достигнуть всего этого одними собственными силами и подручными средствами, безъ помощи Божіей, возлагая свою надежду то на богатство и деньги, то на людей, то на собственное умѣніе успѣшно вести мірскія дѣла свои. Нечего и говорить о томъ, что такого рода убѣжденія и взгляды, которые чужды были нашимъ предкамъ, совершенно расходятся съ ученіемъ христіанской вѣры, поставляющей теченіе жизни cadaго человѣка въ зависимость отъ воли Божіей, требующей отъ своихъ послѣдователей полной покорности Промыслу Божію и заповѣдующей идти крестнымъ путемъ терпѣнія, труда, самоотверженія къ духовно-нравственному преуспѣянію и спасенію души. Понятно, что указанные превратные убѣжденія и взгляды, особенно въ связи со столь распространеннымъ въ наше время недугомъ невѣрія, должны имѣть своимъ послѣдствіемъ оскудѣніе въ этой части христіанскаго общества духа молитвы и благочестія, что мы и видимъ на самомъ дѣлѣ. Ни для кого не тайна, что въ настоящее время можно встрѣтить въ городахъ, среди православныхъ жителей, такія семейства, члены которыхъ въ церковь не ходятъ никогда и дома также никогда не молятся. Во многихъ семействахъ молятся Богу только люди старые или пожилые, а остальные члены—большинство—оставляютъ молитву, какъ нѣчто обременительное, мало-важное, излишнее. Одни дѣлаютъ это сознательно, по своей нерасположенности къ православной вѣрѣ; другіе не молятся и даже не умѣютъ молиться по отсутствію духовныхъ интересовъ и чувственному направленію жизни; третьи хотя и молятся, но не всегда,—часто пропускаютъ молитвы по лѣности и безпечности, считая ихъ дѣломъ неважнымъ. У многихъ это ощущеніе происходитъ совершенно естественно: стоитъ лишь разъ, подъ вліяніемъ какой либо причины, пропустить свои обычныя молитвы; въ слѣдующій разъ уже труднѣе заставить себя совершить эти молитвы; а какъ скоро человѣкъ и на будущее время позволить себѣ это опущеніе,—онъ тогда легко бываетъ склоненъ оставить свой священный долгъ молитвы. Но и относительно молящихся нужно замѣтить, что изъ нихъ многіе молятся безъ должнаго вниманія и усердія, произнося только немногія молитвы и при

томъ съ поспѣшностью, кое какъ, безъ сердечнаго сочувствія. Относясь небрежно къ домашней молитвѣ, христіане указаннаго направленія не имѣютъ усердія и къ церковному богослуженію; они тяготятся стояніемъ въ храмѣ, пропускаютъ церковныя службы, а если когда либо бываютъ въ церкви, то, будучи нерасположены молиться, скучаютъ въ ней и стоятъ безъ вниманія. Всѣ такіе христіане очень несчастны, такъ какъ они, будучи ослѣплены превратными убѣжденіями и взглядами, лишаютъ себя самаго надежнаго якоря спасенія и самаго обильнаго источника утѣшенія среди различныхъ невзгодъ жизни. Гоняясь же за всѣми земными благами и стремясь имѣть какъ можно больше удовольствій земныхъ и чувственныхъ, они не могутъ найти и не находятъ здѣсь удовлетворенія и успокоенія своей душѣ, въ которой земныя блага, какъ бы онѣ ни были обильны, и чувственныя удовольствія и наслажденія, хотя бы самыя изысканныя и утонченныя, оставляютъ лишь одно мучительное томленіе и гнетущую тоску. Холодность къ молитвѣ есть большой недугъ въ современномъ христіанскомъ обществѣ, а потому если когда нибудь, то именно въ настоящее время какъ пастырямъ Церкви, такъ и всѣмъ ревнителямъ православной вѣры и благочестія необходимо—и словомъ убѣжденія, и въ особенности собственнымъ примѣромъ—стараться оживить духъ молитвы, располагая къ ней всѣхъ, которые еще не успѣли совершенно охладѣть въ этомъ отношеніи.

3. О церковномъ чтеніи и пѣніи.

Церковное богослуженіе имѣетъ весьма важное значеніе для народа въ отношеніи пробужденія и поддержанія въ немъ религіознаго чувства. Въ храмъ люди идутъ для молитвы, и цѣлью совершаемаго здѣсь богослуженія должно быть возношеніе молитвы Господу отъ лица всѣхъ православныхъ христіанъ,—возношеніе непремѣнно благоговѣйное, проникнутое духомъ вѣры и благочестія, чтобы оно возбуждало у присутствующихъ молитвенное настроеніе и служило для нихъ образцомъ истинной молитвы. Таково ли совершающееся у насъ богослуженіе? Обратимъ вниманіе на богослужебное чтеніе и пѣніе, такъ какъ то и другое наиболѣе близки религіозному чувству молящихся въ храмѣ.

Чтобы богослужебное чтеніе служило выраженіемъ

благоговѣйной молитвы Богу отъ лица всѣхъ людей, необходимо, чтобы оно было внятнѣе, неспѣшное, вразумительное настолько, чтобы присутствующіе въ храмѣ могли не только понять его умомъ, но и почувствовать, перевести черезъ сердце. Нѣкоторые псаломщики и церковники ведутъ церковное чтеніе въ указанномъ духѣ. Таковыми нужно дорожить: они приносятъ громадную пользу, такъ какъ своимъ молитвеннымъ чтеніемъ они не только располагаютъ стоящихъ въ храмѣ возносить горячую молитву, но и учатъ ей, подавая назидательный для нея примѣръ.

Но къ великому сожалѣнію такихъ чтецовъ въ духовенствѣ немного. Церковники и псаломщики въ большинствѣ читаютъ въ церкви безъ должнаго вниманія. Богослужбное чтеніе обратилось у нихъ въ привычку, ремесло, механическую „работу“. Они читаютъ положенныя молитвословія и псалмы потому только, что ихъ нужно прочесть,—читаютъ большею частью совершенно механически, бездушно, безъ участія ума и сердца. Въ нѣкоторыхъ церквахъ предначинательныя молитвы (трисвятое и по Отче нашъ) читаются такъ, что вы слышите только начало и конецъ молитвы; шестопсалміе, каноны и проч. нерѣдко читаются такъ бѣгло и скоро, что прослѣдить хотя бы только однимъ умомъ содержаніе чтеній нѣтъ никакой возможности. Понятно, что подобное нерадивое чтеніе не только не удовлетворяетъ религіознаго чувства молящихся, а—наоборотъ—мѣшаетъ ихъ молитвѣ, возбуждаетъ негодованіе у любителей православнаго богослуженія и служитъ немалымъ соблазномъ для молящихся. Спѣшное, небрежное, механическое чтеніе не есть молитва, а лишь одинъ голосъ безъ разума, шумъ вѣтра, бессмысленные звуки. Святитель Тихонъ Задонскій въ свое время глубоко возмущался спѣшнымъ чтеніемъ въ церкви и въ своихъ твореніяхъ неоднократно осуждалъ таковое. „О, человѣче“!—пишетъ онъ, „помяни въ молитвѣ твоей, что ты предъ Богомъ стоишь, Богу бесѣдуешь, Богу говоришь: Господи помилуй! Господи ущедрѣ! Господи услыши! Господи спаси и проч. Псалмы ли читаешь, или пѣсни церковныя поешь,—Бога поешь, къ Богу простираешь рѣчь твою. Кто ты?—земля, пепель и грѣшникъ. Предъ кѣмъ стоишь и бесѣдуешь?—предъ Богомъ святымъ и страшнымъ, предъ Которымъ всѣ созданія, видимыя и невидимыя, какъ ничто...

Самъ разсуди, какое здѣсь смиреніе и благоговѣніе нужно тебѣ... Отсюда слѣдуетъ: 1) чтеніе молитвъ со скоростью и какъ можетъ языкъ исправиться ничего не пользуется; 2) чтымы стихи и поемыя пѣсни (со скоростью и какъ можетъ языкъ исправиться) вокругъ только шумъ одинъ дѣлаютъ, а читающимъ и поющимъ не токмо не пользуются, но и въ грѣхъ обращаются“¹⁾. „Всякъ можетъ разсудить, что сія молитва не молитва есть, но чтеніе словъ писанныхъ или наче шумъ и звукъ, въ воздухъ ударяющій; и потому какъ чтецы, такъ и слышавшій чтенія таковыя безплодны бываютъ, и каковыми приходятъ, таковыми, и когда бы еще не горшими (худшими), отходятъ отъ молитвы“²⁾. „Лучше предъ Богомъ сказать отъ сердца и со смиреніемъ два или три слова, нежели много прочесть молитвъ и канонъ безъ разсужденія и со скоростью“³⁾. Апостоль Павелъ учитъ, что „въ церкви лучше пять словесъ умомъ глаголати, нежели тьмы словесъ языкомъ“ (1 Кор. 14, 19).

По нашему глубокому убѣжденію спѣшное и неразборчивое чтеніе въ церкви есть большой недостатокъ, съ которымъ, въ виду его общераспространенности, должны бороться всѣ—не только тѣ священники и духовныя лица, но и міряне: всѣ должны внушать и разъяснять читающимъ, что богослужбное чтеніе должно быть наиболѣе благоговѣнное, неспѣшное, внятнѣе, чтобы всякій могъ не только понять, но и молиться сердцемъ. Нужно замѣтить, что здѣсь не требуется слишкомъ медлительнаго, тягучаго чтенія; оно производитъ также непріятное, удручающее впечатлѣніе. Главное условіе правильнаго и благоговѣннаго чтенія состоитъ въ томъ, чтобы читающій псаломщикъ или церковникъ имѣлъ въ сердцѣ искру страха Божія, чтобы онъ былъ проникнутъ религіознымъ, молитвеннымъ настроеніемъ, и самъ, своимъ сердцемъ, переживалъ тѣ мысли и чувства, которыя содержатся въ читаемыхъ молитвахъ и канонахъ. Тогда его чтеніе будетъ дѣйствительно располагать присутствующихъ во храмѣ къ молитвѣ и вообще будетъ производить на нихъ самое благотворное впечатлѣніе.

Говоря о церковномъ чтеніи, нельзя не упомянуть о

¹⁾ Творенія св. Тихона Задонск., т. 4, стр. 39—40.

²⁾ Тамъ же т. 2, стр. 330.

³⁾ Тамъ же т. 4, стр. 413.

чтеніи въ церкви св. Евангелія и вообще Слова Божія. По установившемуся обычаю оно (Апостолъ и Евангеліе) на литургіи читается такимъ образомъ: чтець—псаломщикъ и діаконъ—начинаютъ чтеніе на низкой нотѣ, такъ что съ трудомъ можно разбирать слова, и потомъ мало по малу, довольно искусно, возвышаютъ свой голосъ все болѣе и болѣе, доводя его до верхнихъ нотъ, а кончаютъ чтеніе, насколько возможно, громче, иногда изо всѣхъ силъ, насколько хватаетъ голоса. По нашему глубокому убѣжденію такое чтеніе не соотвѣтствуетъ ни святости храма и Слова Божія, ни цѣли чтенія, ни благоговѣйному настроенію молящихся. При указанной формѣ чтенія читающій преподаетъ стоящимъ во храмѣ не Слово Божіе, а показываетъ свой голосъ и свое умѣнье возвышать его отъ октавы до самыхъ высшихъ нотъ, а присутствующіе во храмѣ интересуются не столько содержаніемъ апостольскаго или евангельскаго чтенія, сколько тѣмъ, какъ громко чтець окончитъ это чтеніе. Съ чувствомъ удовлетворенія мы должны однако замѣтить, что указанная форма чтенія Слова Божія въ послѣднее время стала сглаживаться, особенно въ большихъ городахъ, гдѣ при архіерейскомъ служеніи о. протодіаконъ хотя и возвышаютъ свои голоса при чтеніи апостола и евангелія, но не доводятъ ихъ до самыхъ верхнихъ нотъ и оканчиваютъ чтеніе хотя и громко, но болѣе или менѣе прилично. Намъ пришлось присутствовать на архіерейскомъ служеніи въ одной изъ приходскихъ церквей въ г. Петроградѣ. Первенствующій протодіаконъ мѣстной церкви началъ чтеніе св. Евангелія сразу на высокой нотѣ и читалъ его на той же нотѣ, не возвышая болѣе своего голоса, отъ начала до конца—громко и внятно. Одинъ изъ присутствующихъ мірянъ сказалъ намъ, что такимъ чтеніемъ ихъ приходскаго діакона всѣ очень довольны. Почему-бы не вводитъ такого громкаго и внятнаго, отъ начала до конца, чтенія св. Евангелія на литургіи повсюду; это было-бы тѣмъ удобнѣе, что оно такъ читается на всенощномъ бдѣніи первенствующимъ священнослужителемъ.

Что сказали мы о церковномъ чтеніи, то же должны сказать и о церковномъ пѣніи, имѣющемъ весьма важное значеніе въ богослуженіи. Пѣніе хора пѣвчихъ, правильное и благоговѣйное, можетъ тронуть молящагося до глубины

души, такъ что можетъ вызвать слезы раскаянія и сердечнаго умиленія. Въ нѣкоторыхъ церквахъ имѣются такіе хоры; регентами въ нихъ состоятъ лица глубоко вѣрующія и благочестиво настроенныя; своимъ нотнымъ пѣніемъ они производятъ самое благотворное вліяніе на присутствующихъ во храмѣ, вызывая у нихъ умиленную, слезную молитву. И замѣчательно, что такое вліяніе зависитъ не отъ высокаго качества голосовъ,—послѣдніе могутъ быть самые посредственные,—а отъ благоговѣйной и скромной формы пѣнія, въ которой выражаются возвышенныя религіозныя чувства. Но къ сожалѣнію такое пѣніе въ церквахъ встрѣчается довольно рѣдко. За богослуженіями пѣвческими хорами чаще всего исполняются пьесы иного характера.

Въ наше время нотныя пѣнія церковныхъ пѣсней чрезвычайно многочисленны и разнообразны по своей формѣ. Изъ нихъ первое мѣсто, безъ сомнѣнія, должно быть отведено напѣвамъ нашего русскаго народнаго характера, каковы употребляются въ знаменитыхъ русскихъ монастыряхъ, напр. въ Кіево-Печерской лаврѣ, Троице-Сергіевой лаврѣ и др. Нѣкоторые изъ нихъ можно встрѣтить даже въ сельскихъ церквахъ большихъ приходовъ средней Россіи, гдѣ на клиросахъ поютъ желающіе изъ народа; они передаются тамъ по преданію. Въ монастыряхъ они переведены на ноты. Напѣвы эти, какъ русско-народные, наиболѣе сильно дѣйствуютъ на религіозное чувство молящихся, въ нихъ слышится нѣчто родное, затрогивающее душу и устремляющее къ Богу. Послѣ нихъ весьма дороги для насъ пьесы нашихъ русскихъ композиторовъ, проникнутыя молитвеннымъ настроеніемъ, по большей части грустнаго, минорнаго тона, каковы произведенія протоіерея Турчанинова, Архангельскаго и др. Они также въ высшей степени благотворно вліяютъ на молящихся, возбуждая религіозное чувство и вызывая горячую, нерѣдко слезную, молитву. Но имѣются еще нотныя произведенія такъ называемаго „свѣтскаго характера“, съ разнаго рода искусственными приемами театральнаго свойства, каковы: дрожаніе голоса, остановки, несоразмѣрно то громкое, то тихое произношеніе словъ и проч. (напр. произведенія Веделя и др.). Пѣніе ихъ иногда бываетъ красиво, но нельзя не сознаться, что они неумѣстны въ православномъ богослуженіи. Между тѣмъ пѣвческіе хоры наиболѣе склонны

употреблять въ церкви піесы этой послѣдней категоріи, при чемъ нерѣдко находятъ поддержку у постороннихъ лицъ бывающихъ во храмѣ и любящихъ свѣтское пѣніе. Но пѣніе такихъ піесъ, исполняемое съ театральными оттѣнками, бываетъ крайне непріятно для истинно религіозныхъ людей. Оно скорѣе отталкиваетъ человѣка отъ церкви, чѣмъ привлекаетъ къ ней. И священнослужители дѣлаютъ большую ошибку, допуская такого рода пѣніе въ церковномъ богослуженіи.

Пѣвческіе церковные хоры прежде всего должны въ совершенствѣ знать простое обиходное пѣніе, напр. на гласы, на „Богъ Господь“ и проч. Это—азбука для поющихъ во храмѣ. Вообще же пѣніе въ церкви должно быть правильное, безъ всякихъ искусственныхъ пріемовъ, скромное, а главнымъ образомъ благоговѣйное. Между тѣмъ въ этомъ отношеніи и замѣчается большею частію недостатокъ. Поетъ ли въ церкви одинъ псаломщикъ, или нѣсколько человѣкъ, или цѣлый хоръ пѣвчихъ,—вы можете услѣдить, что въ большинствѣ случаевъ въ пѣніи недостаетъ благоговѣнія, проникновенности содержаніемъ пѣснопѣній, сердечнаго сочувствія тому, что поется. Очень часто слова—„Господи помилуй“—на сугубой эктеніи (тройное) и на литіи (многократное)—не выговариваются, вы слышите вмѣсто того „помилосы“. Стихиры въ большинствѣ случаевъ, особенно въ южныхъ губерніяхъ Россіи, пропускаются; а если поется на литіи обыкновенно одна, то—такъ неумѣло, что невозможно бываетъ разобрать словъ. Пропускъ стихиръ есть явленіе весьма прискорбное. Написанныя святыми отцами Церкви, онѣ проникнуты высокимъ благочестіемъ, выражаютъ все содержаніе празднуемыхъ событій и заключаютъ въ себѣ такія глубокія мысли и чувства, что по всей справедливости должны считаться перлами Православной Церкви. Сектанты хвалятся своими стихами, которые они поютъ на своихъ собраніяхъ. Но составленныя святыми отцами пѣснопѣнія Православной Церкви нельзя и сравнить по достоинству съ сектантскими пѣснями; а между тѣмъ онѣ у насъ остаются въ забвеніи. По нашему глубокому убѣжденію всѣ стихиры, въ томъ числѣ и литійныя, необходимо пѣть при богослуженіи,—и пѣть ясно, отчетливо, выговаривая каждый слогъ, чтобы молящіеся во храмѣ могли не только понять, но и удержать

ихъ въ своей памяти. При пропускѣ же стихирь или чтеніи ихъ, богослуженіе обезразличивается, становится однообразнымъ во всякіе праздники.

Чтобы богослуженное пѣніе было дѣйствительно церковное, чтобы оно будило въ народѣ религиозное чувство, необходимо имѣть въ лицѣ пѣвчихъ и особенно въ лицѣ регентовъ людей благочестивыхъ, религиозно-настроенныхъ, старающихся вести церковное пѣніе, какъ молитву. На эту сторону святитель Тихонъ Задонскій обращаетъ преимущественное вниманіе поющихъ. „Христіанине“, пишетъ онъ, „подражай ангеламъ святымъ, и пой на землѣ Создателя и Бога твоего, да и на небеси сподобишися нѣкогда пѣть Его съ ними. Приставай и ты къ святымъ онымъ пѣвцамъ, и пѣснь свою съ пѣснію ихъ связывай. А чтобы пѣніе твое Богу благопріятно было, то чистотою и житіемъ послѣдуй небеснымъ онымъ чинамъ, и, поя устами, пой и сердцемъ. Сладкая музыка есть, когда голоса хороши и между собою согласны: такъ благопріятна Богу пѣснь бываетъ, когда пѣвецъ свято живетъ и добрые нравы имѣетъ, и устному пѣнію сердечное согласуетъ, и со устами и сердцемъ поетъ. Ангельское дѣло есть пѣть Бога. Ангелы бо не иное что на небеси дѣлаютъ, какъ непрестанно Бога поютъ. И мы убо, когда Бога поемъ, ангеламъ подражаемъ, и дѣло ихъ творимъ. Коль же сіе преславно есть, самъ видишь. Преславно на землѣ жить, и небеснымъ жителямъ послѣдовать, и свое пѣніе и голосъ съ пресладкимъ ихъ пѣніемъ и голосомъ совокуплять и пѣть святую и живоначальную Троицу. Но чтобы пѣніе наше согласно ихъ пѣнію было, да послѣдуемъ и святому житію ихъ, и будемъ любовны, согласны и мирны между собою, якоже они пребываютъ: тогда и пѣніе наше согласно будетъ пѣнію ихъ“¹⁾.

4. Молитва есть трудный подвигъ и вмѣстѣ высочайшее благо.

Повидимому молиться Богу легко; здѣсь не требуется ни физическаго, ни умственнаго труда; нужно только съ должнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ читать готовыя молитвы. Но думать такъ было бы очень поспѣшно. При болѣе вни-

¹⁾ Творенія св. Тихона Задонск. т. 4, стр. 414—415.

мательномъ разсмотрѣніи дѣла нельзя не признать, что молитва составляетъ для насъ тяжелый трудъ, она—подвигъ, требующій вниманія и напряженія всѣхъ душевныхъ силъ,—подвигъ, въ которомъ необходима благодатная помощь Божія. Великій молитвенникъ, затворникъ, епископъ Теофанъ характеризуетъ молитву, какъ „болѣзненное къ Богу припаданіе въ сокрушеніи и смиреніи“, или какъ „умное стояніе предъ лицомъ Господа, со страхомъ и трепетомъ,—непрестанное, неотходное, сопровождаемое теплотою сердца, стягивающее во едино всѣ мысли, чувства и расположенія“¹⁾. Причина, почему молитва является для насъ такимъ тяжелымъ подвигомъ, заключается въ грѣховной испорченности природы человѣческой, унаслѣдованной нами отъ падшихъ прародителей, вслѣдствіе чего у насъ недостаетъ силъ для всякой добродѣтели, въ томъ числѣ и для истинной молитвы.

Въ отношеніи къ молитвѣ прежде всего на насъ нападаетъ страшная лѣньность и нерасположенность: когда мы становимся на молитву, то намъ кажется, что мы—и устали, и нездоровы, и нуждаемся въ необходимомъ отдыхѣ, и намъ некогда и т. д. Все это съ наибольшею силою бываетъ въ самомъ началѣ молитвы. По совѣту епископа Теофана въ этомъ случаѣ мы должны безъ всякаго саможалѣнія нудить себя на молитву, призывая Бога на помощь, или молясь о помощи Ангелу—Хранителю и святымъ. Если такимъ образомъ, не взирая ни на что, будемъ съ усиліемъ продолжать свою молитву; то лѣньность и нерасположенность къ ней начнутъ мало по малу ослабѣвать и, при помощи Божіей, могутъ совсѣмъ исчезнуть и даже смѣниться чувствомъ высокаго духовнаго наслажденія. Епископъ Теофанъ приводитъ сказаніе о томъ, „какъ одного инока врагъ одолѣвалъ предъ началомъ молитвы. Его въ ознобъ и жаръ бросало, разболѣвался, хотъ умирать. Что же онъ сдѣлалъ? Ну, говоритъ, душа! умирать пришло время: давай-ка въ послѣдній разъ помолимся и поплачемъ предъ Господомъ. Сталъ на молитву, и нудилъ себя. Голова трещить, а онъ все свое... Кончилъ правило, и боль прошла... На другой день опять то же. Тогда онъ понялъ, откуда идутъ нападки, и уже никогда не оставялъ своего правила, чѣмъ бы ни былъ отклоняемъ“²⁾.

¹⁾ Еписк. Теофана. „Письма о христіанской жизни“ стр. 7 и 45.

²⁾ Еп. Теофана. „Письма о христ. жизни“. стр. 26.

Въ связи съ лѣнностію много одолеваетъ насъ во время молитвы разсѣянность. Намъ чрезвычайно трудно бываетъ сосредоточить все свое вниманіе на прочитываемыхъ молитвахъ и почувствовать ихъ содержаніе. Мы постоянно увлекаемся посторонними житейскими дѣлами и заботами; мысли то и дѣло уходятъ; въ сердцѣ появляются чувства, обращенныя къ постороннимъ предметамъ, нерѣдко нечистыя и грѣховныя; на умъ приходятъ мысли и слова—такія нелѣпыя, безобразныя и хульныя, что невозможно ихъ и передать. А потому молящемуся нужно зорко слѣдить за своимъ душевнымъ состояніемъ, мысли необходимо останавливать и направлять на молитву, въ сердцѣ стараться возбудить религіозное настроеніе; на богохульныя и скверныя мысли и слова, приходящія на умъ противъ воли, не обращать никакого вниманія; онѣ—несомнѣнно—отъ діавола и злыхъ духовъ, силящихся смутить молитвенника и помѣшать молитвѣ. Словомъ, нужно всячески стараться всецѣло занять умъ и сердце читаемыми молитвами и проникнуться ихъ содержаніемъ. Святые подвижники Православной Церкви на себѣ испытали упомянутыя искушенія во время молитвы и въ своихъ сочиненіяхъ, говоря о нихъ, заповѣдуютъ намъ непрестанно вести съ ними борьбу. Святый Ефремъ Сиріанинъ пишетъ, что во время молитвы бываетъ много грѣховныхъ препятствій и искушеній, каковы: „сонъ, уныніе, отяжелѣніе тѣла, круженіе помысловъ, беспорядочность ума, нерадивость, нетерпѣніе, расслабленіе и другія тонкія внушенія злобы; засимъ слѣдуютъ скорби, возстанія самыхъ злыхъ духовъ, которые ведутъ брань съ душою, непрестанно взыскующею Бога, противободрствуютъ ей до крови и возбраняютъ приблизиться къ Богу. Посему, молящемуся должно мужаться со всею трезвенностію и тщательностію, и со всѣмъ усиліемъ душевнымъ и тѣлеснымъ, въ терпѣніи всякаго рода. Какъ дѣйствительно несущій на себѣ крестъ, непрестанно да пребываетъ онъ въ бореніи и великомъ трудѣ, и плачѣ, и скорби ради царствія Божія“¹⁾. Тому же учитъ и святый Іоаннъ Златоустъ въ слѣдующихъ словахъ: Во время молитвы „врагъ безчисленные помыслы, какъ облака пыли, ввѣваетъ въ умы наши... Какъ иногда порывъ вѣтра,

¹⁾ „Свято-отеческія наставленія о молитвѣ и трезвеніи“; стр. 139.

нападши на свѣтъ свѣтильника, погашаетъ его: такъ и діаволъ, увидѣвъ возжигаемымъ въ душѣ пламень молитвы, спѣшитъ навѣять оттуда и отсюда безчисленные заботливые помыслы, и не прежде отстаетъ, какъ когда успѣетъ погасить занявшійся свѣтъ... Въ такомъ случаѣ будемъ поступать такъ, какъ поступаютъ возжигатели свѣтильниковъ: какъ они налагаютъ палецъ на отверстіе свѣтильника; такъ и мы заградимъ дверь сердца трезвеннымъ помысломъ, и тѣмъ пресѣчемъ злomu духу входъ туда, чтобы онъ не погасилъ тамъ свѣтъ молитвы“¹⁾. Святитель Тихонъ Задонскій по тому же поводу даетъ слѣдующее полезное наставленіе: „Молитвою испрашивается отъ Бога всякія блага, и сатана, врагъ нашъ, вѣдая великую сію пользу, отъ молитвы происходящую, всякимъ образомъ препятствуетъ намъ,—то мысли о мірскихъ вещахъ предлагая, то злыми помышленіями сучая намъ, то уныніе влагая; а потому благочестивымъ надобно въ молитвѣ осторожнымъ быть, мыслямъ не допускать разсѣиваться, и Богу единому внимать, дабы какъ тѣломъ, такъ и духомъ предъ Богомъ стояли, и какъ тѣломъ предъ Нимъ падаемъ, такъ и духомъ предъ Нимъ падали, и что языкъ говоритъ, о томъ-бы умъ и сердце не молчало; словомъ, чтобы внутренность молящагося съ наружностію согласны были“²⁾. Для успѣшной борьбы съ указанными искушеніями благочестивые подвижники совѣтуютъ слова молитвы проходить умомъ какъ можно медленнѣе, чтобы каждое выраженіе находило себѣ сочувствіе въ сердцѣ, чтобы непремѣнно сердцемъ переживать тѣ мысли и чувства, которыя содержатся въ текстѣ молитвы. По ученію святаго Іоанна Лѣствичника (по изъясненію іеромонаха Афанасія) „въ молитвѣ лучше меньше говорить, но внятно, чѣмъ много и невнятно. Внятно же для Бога есть то, что исходитъ изъ сердца и къ Нему возносится неразсѣяннымъ умомъ“³⁾. Протоіерей Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій) пишетъ объ этомъ такъ: „Молись не поверхностно, но всѣмъ сердцемъ, изъ глубины души, доходя самъ своимъ размышленіемъ до основаній каждой мысли, cadaго выраженія словеснаго въ молитвахъ; тогда молитва твоя будетъ разумная, сердечная,

1) „Свято-отеч. наст. о мол. и трудѣ“, стр. 78.

2) Творенія св. Тихона Задонскаго т. 4 стр. 40.

3) „Святоотеч. наставл. о мол. и трудѣ“, стр. 163.

животворная, исполнена свѣтомъ и благодатию; она доставить тебѣ глубокое наслажденіе духовное, миръ и радость“¹⁾.

Нужно замѣтить, что правильная горячая молитва есть даръ Божій, хотя зависящій отъ насъ самихъ. Святитель Тихонъ Задонскій говоритъ: „Истинная молитва безъ дѣйствія Духа Святаго не можетъ быть. Егда же сей благій Утѣшитель коснется сердца нашего, тогда, яко отъ ѳиміама зажженнаго куреніе, отъ сердца произыдетъ воздыханіе, святое желаніе и истинная молитва, и приблизится къ престолу благодати“²⁾. Поэтому нужно всячески стараться приобрѣсти этотъ великій благодатный даръ молитвы, нужно искать, просить его у Господа, подобно апостоламъ, которые просили Іисуса Христа: „Господи! научи насъ молиться“ (Лук. 11, 1). Нужно и намъ, по словамъ еп. Теофана, „всею силою вопіять о семъ ко Господу, и дома молиться, и въ церковь ходить, и принимать всѣ освятительныя дѣйствія (таинства, молебны и проч.), вообще держать себя подъ осѣненіемъ благодатныхъ орудій,—не канетъ ли откуда нибудь искра Божія и не зажжетъ ли въ сердцѣ ревности все подающей, крѣпкой, мощной свидѣтельницы о присѣщеніи благодати Божіей.. Видя такой трудъ и вопіаніе души, Господь сжалятся надъ нею и пошлетъ ей благодать“³⁾,—дастъ молитву сердечную, сладостную. По словамъ еп. Теофана „одинъ афонскій старецъ два года молилъ Матерь Божію даровать ему огонь въ сердцѣ, и былъ услышанъ“⁴⁾.

Хотя молитва есть великій и трудный подвигъ, совершаемый лишь при благодатной помощи Божіей, но она вмѣстѣ съ тѣмъ есть и величайшее благо, высочайшее счастье. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не величайшее благо и счастье—обращаться съ молитвою къ Богу—Всемогущему Создателю міра, Промыслителю и Спасителю, отъ Котораго всецѣло зависитъ вся наша земная жизнь и участь загробная,—изливать предъ Нимъ всю душу, всѣ сердечныя скорби и нужды? Святитель Тихонъ говоритъ: „Коль велико дѣло и честь человѣческая есть—предъ Богомъ стоять и бесѣдовать съ Нимъ! Преславно

1) Прот. І. Сергіева. „Моя жизнь во Христѣ; мысли о богослуженіи“; стр. 188.

2) Творенія св. Тихона Зад. т. 3 стр. 104.

3) Еписк. Теофана. „Письма о христ. жизни“; стр. 106.

4) Тамъ-же, стр. 67.

съ царемъ земнымъ бесѣдовать, колыми паче—съ Богомъ, Царемъ небеснымъ, Который есть Царь царствующихъ и Господь господствующихъ. Нѣтъ большія чести человѣку, какъ съ Богомъ бесѣдовать“¹⁾. Далѣе, развѣ не величайшее благо и счастье бесѣдовать въ молитвѣ съ Пресвятою Матерію Божіею, просить себѣ и другимъ Ея матерняго заступленія? Развѣ не величайшее благо и счастье находиться въ общеніи съ ангелами и святыми угодниками, вознося имъ свои молитвы? Вѣдь во время молитвы мы стоимъ предъ ними лицомъ къ лицу; міръ духовный, къ которому они принадлежатъ; находится здѣсь, въ предѣлахъ земного міра. Хотя мы не ощущаемъ его тѣлесными чувствами, ибо у насъ нѣтъ необходимыхъ для сего виѣшнихъ органовъ; но мы чувствуемъ его непосредственно своею душою, своимъ сердцемъ. Вознося Богу и святымъ Его свои усердныя молитвы, мы черезъ это соприкасаемся съ міромъ духовнымъ, небеснымъ, переносимся въ него своимъ умомъ и сердцемъ, и при ежедневной горячей молитвѣ привыкаемъ къ нему болѣе и болѣе, такъ что этотъ небесный міръ мало по малу становится для насъ своимъ, роднымъ. Преподобный Серафимъ Саровскій на вопросъ одного посѣтителя, не желаетъ ли онъ что либо передать своимъ роднымъ, указывая на иконы Христа Спасителя и Божіей Матери, отвѣтилъ: „вотъ мои родные“. Молясь святымъ Божіимъ, мы какъ-бы видимся съ ними, сближаемся подобно тому, какъ сближаются другъ съ другомъ люди на землѣ, бывая другъ у друга, бесѣдуя и водя между собою знакомство. Какое въ этомъ величайшее благо и счастье! Святые подвижники вполнѣ сознавали великое счастье молитвы, они молились подолгу, нерѣдко простаивали на молитвѣ цѣлыя ночи. Нужно замѣтить, что въ этомъ случаѣ они не насиловали себя, они просто увлекались счастьемъ молитвы и не замѣчали, какъ течетъ время, подобно тому, какъ не замѣчаютъ теченія времени люди, предающіеся веселью или другимъ излюбленнымъ удовольствіямъ. По словамъ св. Исаака Сиріанина одинъ старецъ помнилъ себя на службѣ Божіей только до первой славы, т. е. на три псалма, а потомъ погружался въ Богосозерцаніе и такъ умно, безъ словъ, молился Господу, стоя неподвижно и ни мало не чувствуя труда. Такой благо-

¹⁾ Твор. св. Тихона Зад. т. 4, стр. 413.

датный даръ этотъ старецъ получилъ, по его собственному признанію, „послѣ 30-лѣтнихъ подвиговъ, скорбей и лишений“¹⁾. „О другомъ старцѣ“, пишетъ еп. Теофанъ, „говорили, что онъ вечеромъ становился на молитву, обращаясь лицомъ на востокъ, воздѣвалъ руки свои, восхищался къ Богу, и такъ пребывалъ неизмѣнно до тѣхъ поръ, пока солнце, взшедши, ударами лучей своихъ не низводило его съ блаженнѣйшей высоты“²⁾. Пламенная молитва, особенно соединенная съ великимъ таинствомъ причащенія Пресвятыхъ Таинъ Тѣла и Крови Господа Іисуса Христа, можетъ производить въ душѣ молитвенника необычайный восторгъ, такъ что сердце разыграетъ отъ полноты блаженства. По словамъ епископа Теофана „одинъ святой мужъ молилъ Господа: „Господи! ослабимъ и волны благодати Твоя, иначе умру отъ полноты блаженства“³⁾.

Б. Молитва, какъ средство для укрѣпленія вѣры.

Молитва по тому самому, что она сближаетъ человека съ міромъ духовнымъ, является наиболѣе важнымъ и надежнымъ средствомъ для предохраненія людей отъ невѣрія во всѣхъ его видахъ и для укрѣпленія въ ихъ сердцахъ твердой вѣры какъ вообще въ основныя истины религіи, такъ въ особенности въ Божественное достоинство христіанства. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что самый общераспространенный недугъ нашего времени въ отношеніи къ религіи есть оскудѣніе вѣры или маловѣріе. Совершенное невѣріе—атеизмъ—мы склонны считать явленіемъ невозможнымъ, такъ какъ самый повидимому рѣшительный атеистъ, не смотря на свое отрицаніе, въ глубинѣ души вѣруетъ въ бытіе Божіе, обнаруживая по временамъ эту вѣру то присущими ему суевѣріями, то разнаго рода идеальными стремленіями (къ истинѣ, добру, правдѣ), то вообще поступками нравственнаго характера, имѣющими смыслъ только при вѣрѣ въ Бога. Чаше всего невѣріе или маловѣріе встрѣчаются по отношенію къ Божественности христіанства. Такъ, одни совсѣмъ отрицаютъ Божественное достоинство христіанской религіи, приравнивая ее къ другимъ естественнымъ религіямъ; другіе не вѣруютъ въ безсмертіе души и за-

¹⁾ „Свято-отеч. наст. о молитвѣ и трезв.“ стр. 331.

²⁾ Смирнова. „Жизнь и труды преосвящ. Теофана“. Стр. 203.

³⁾ Еп. Теофана. „Письма о христ. жизни“. Стр. 250.

гробную жизнь; иные отрицаютъ вѣчность загробныхъ мученій; иные не признаютъ таинствъ Церкви, считая ихъ простыми обрядами и т. д. Всѣ подобнаго рода отрицанія очень легкомысленны и неосновательны, потому что христіанская вѣра имѣетъ цѣлый рядъ естественныхъ и сверхъестественныхъ признаковъ ¹⁾ своего Божественнаго происхожденія и достоинства. Не излагая этихъ признаковъ, что не входитъ въ нашу задачу, мы должны лишь сказать, что самый главный и могущественный способъ для предохраненія себя отъ всѣхъ видовъ маловѣрія и невѣрія есть молитва. Святитель Тихонъ Задонскій учитъ: „Вѣра утверждается и умножается молитвою, по подобію дерева, которое чѣмъ болѣе орошается, тѣмъ болѣе растетъ. Ибо Божія благодать, какъ дождь тихій, снисходитъ на молящагося, и орошаетъ сердце его и плодоносно творитъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ“ ²⁾. Усердный молитвенникъ не можетъ поддаться искушеніямъ маловѣрія, потому что онъ на самомъ дѣлѣ, опытно, познаетъ Божественное достоинство христіанской религіи. Истины христіанства, содержащіяся въ Божественномъ Откровеніи и преподаваемые Православною Церковію, становятся для него несомнѣнными сердечными убѣжденіями, такъ какъ онъ, содержа въ себѣ эти истины и молясь Богу, на самомъ себѣ переживаетъ обновляющую и возсозидающую силу христіанской вѣры и опытно ощущаетъ присутствіе благодати въ Православной Церкви. Такъ, онъ черезъ молитвы и таинства получаетъ отъ Бога прощеніе грѣховъ (1 Іоан. 1, 9), въ чемъ свидѣтель—его собственная совѣсть, умиротворенная и успокоенная; онъ сознаетъ себя сыномъ Божиимъ по благодати (Римл. 8, 14—15), въ чемъ свидѣтель—его внутреннее чувство сыновства къ Богу и успокоительной на Него надежды; онъ получаетъ отъ Гос-

1) Главные признаки сего: Божественный характеръ Господа Іисуса Христа; Божественная властность Его ученія, обнаруживающаяся въ каждомъ Его словѣ; необыкновенно высокое достоинство сего ученія; его непостижимость; пророчества Ветхаго и Новаго заветовъ; чудеса; воскресеніе І. Христа изъ мертвыхъ; подвиги мучениковъ, преподобныхъ и праведныхъ, превышающіе естественныя силы человѣка и проч.

2) Творенія св. Тихона Зад. т. 2, стр. 324.

пода внутреннее обновленіе и приливъ новыхъ духовныхъ силъ (Филип. 4, 14), въ чемъ свидѣтель—ощущаемая имъ сила на совершеніе великихъ подвиговъ благочестія и вообще всякаго добраго дѣла. И чѣмъ выше стоитъ христіанинъ по молитвенному труду, чѣмъ чаще и горячѣе онъ молится, тѣмъ яснѣе ощущаетъ онъ своимъ сердцемъ Божественную силу въ христіанской Православной Церкви и тѣмъ крѣпче становится его вѣра. Черезъ свою пламенную молитву, въ связи съ принятіемъ св. таинствъ, въ особенности таинства свят. Причащенія, онъ испытываетъ высочайшее благо Богообщенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, живо, сильно чувствуетъ бытіе духовнаго міра святыхъ небожителей,—и сродняется съ ними. Архіепископъ Антоній, въ своихъ сочиненіяхъ говоря о значеніи молитвы для внутренней жизни человѣка, замѣчаетъ, что „всякій истинный пастырь христіанъ и даже отшельникъ, возносящійся въ молитвѣ душою въ міръ небесный, постоянно сознаетъ себя окруженнымъ обществомъ святыхъ и бываетъ менѣе одинокъ въ своемъ уединеніи, чѣмъ городской житель, ходящій по стогнамъ столицы среди знаемыхъ“¹⁾. Частая и усердная молитва, проникнутая смиреніемъ и горячею любовію къ Богу и людямъ, соединенная съ принятіемъ святѣйшаго таинства Причащенія, содѣлываетъ молитвенника жителемъ не столько земнаго міра, сколько міра духовнаго, небеснаго, въ которомъ у него—все утѣшеніе, всѣ радости сердца. Этимъ объясняется та особенность отшельниковъ и молитвенниковъ, что для нихъ становятся менѣе чувствительными потребности плоти, напр. потребность пищи, сна и проч. Восторженное состояніе души отъ пламенной молитвы и Богообщенія пересиливаетъ и заглушаетъ у нихъ не только тѣлесныя потребности но даже иногда и болѣзненные состоянія тѣла.

Какъ скоро истинный молитвенникъ такимъ образомъ опытно будетъ чувствовать Божественное достоинство христіанства и вліяніе на себя духовнаго міра, то вытравить тогда изъ его души вѣру во всѣ пункты христіанскаго вѣроученія не могутъ никакія темныя силы. Какъ питающійся хлѣбомъ не можетъ ни на одну минуту усумниться въ дѣйствительномъ существованіи этого хлѣба, потому что

¹⁾ Архіеп. Антонія (Храповицкаго) „Полное собраніе сочиненій“. Т. 2, стр. 309.

питается и живетъ имъ; такъ и христіанинъ—молитвенникъ не можетъ колебаться въ вѣрѣ, потому что онъ духовно живетъ этою вѣрою. Живя тѣломъ здѣсь на землѣ, усердный молитвенникъ духомъ своимъ пребываетъ въ духовномъ небесномъ мірѣ и можетъ даже по временамъ испытывать слѣды блаженства будущей небесной жизни. Святой апостолъ Павелъ свидѣтельствуемъ о себѣ, что однажды онъ „восхищенъ былъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыхъ человѣку невозможно пересказать“ (2 Кор. 12, 4); при чемъ онъ не могъ дать себѣ отчета, былъ ли онъ тогда въ тѣлѣ или внѣ тѣла (—2—3). Святой Серафимъ Саровскій, по собственному его признанію, былъ однажды восхищенъ въ небесныя обители и ощутилъ такое высокое блаженство, что его невозможно передать словами, при чемъ и онъ, подобно апостолу Павлу, не давалъ себѣ яснаго отчета, былъ ли онъ въ тѣлѣ или внѣ тѣла. Святой Исаакъ Сиріанинъ говоритъ объ этомъ состояніи слѣдующее: „Святые въ будущемъ вѣкѣ, гдѣ умъ ихъ поглощается Духомъ Святымъ, не словами молитвы молятся, но съ изумленіемъ водворяются въ веселящей ихъ славѣ. Такъ бываетъ и съ нами (здѣсь на землѣ). Какъ скоро умъ сподобится ощутить будущее блаженство,—забудетъ онъ и самого себя, и все здѣшнее,—и не будетъ уже имѣть въ себѣ движеніе къ чему либо. Обычно умъ—домостроитель чувствъ и помысловъ, и царь страстей. Но когда управленіе Святаго Духа возгосподствуетъ надъ нимъ; тогда отъемлется у него власть, и онъ путеводится уже, а не путеводитъ... Тогда человѣкъ не знаетъ даже, въ тѣлѣ онъ или внѣ тѣла. Состояніе сіе хотя не имѣетъ обычныхъ молитвенныхъ движеній, именуется однако же молитвою—и ради того, что оно есть предстояніе Богу, и ради того, что благодать сія дается достойнымъ во время молитвы, и начало свое имѣетъ въ молитвѣ, такъ какъ, кромѣ подобнаго времени, нѣтъ и мѣста посвщенія сей достославной благодати. Въ иныя времена не имѣетъ оно мѣста. Ибо знаемъ, что многіе святые, какъ повѣствуется въ житіяхъ ихъ, ставъ на молитву, были восхищаемы умомъ (на небо). Но если кто спроситъ: почему же въ сіе только время бываютъ эти великія и неизреченныя дарованія, то отвѣствуемъ: потому, что въ сіе время болѣе, нежели во всякое другое, человѣкъ бываетъ собранъ въ себя и уготованъ внимать Богу, вожделѣваетъ и ожи-

даетъ отъ Него милости... Во время молитвы созерцаніе ума устремлено къ единому Богу и къ Нему направляетъ всѣ свои движенія, Ему отъ сердца съ раченіемъ и непрестанною горячностью, приноситъ моленія. И посему то въ сіе время, когда у души бываетъ одно единственное попеченіе, прилично источаться Божественному благоволенію“ ¹⁾. Такимъ образомъ молитва даетъ христіанину возможность на самомъ дѣлѣ ощущать высочайшее благо общенія души съ Богомъ и святыми, что возводитъ вѣру на степень непоколебимой увѣренности.

6. Благотворное значеніе молитвы въ земныхъ несчастіяхъ.

Молитва, будучи по существу высочайшимъ благомъ, приноситъ человѣку громадную пользу въ тяжелыя минуты жизни, при различнаго рода бѣдахъ и несчастіяхъ, которыя такъ часто постигаютъ насъ въ земной жизни и причиняютъ много страданій. Въ этихъ случаяхъ молитва бываетъ благотворна въ высшей степени. Она, какъ нельзя лучше, способствуетъ прекращенію тоски, унынія, безнадежія; она бодритъ духъ человѣка, возбуждаетъ въ немъ энергію на добро, заставляя забыть всякія личныя обиды и огорченія, во всякихъ, даже самыхъ тяжелыхъ несчастіяхъ располагаетъ усматривать добрыя стороны, развиваетъ терпѣніе, выносливость, успокаиваетъ человѣка твердою надеждою на Бога и даже веселитъ сердце высшею духовною радостью о Господѣ. Святые апостолы въ своихъ посланіяхъ неоднократно упоминаютъ о духовной радости въ самыхъ скорбяхъ и напастьяхъ (напр. 1 Петр. 1, 6; Іак. 1, 2; Римл. 5, 3 и др.). Вотъ почему истинные молитвенники всегда бываютъ жизнерадостны, веселы, восторженны. Нѣтъ на землѣ такого горя, котораго не могла бы утолить крѣпкая молитва. Такъ и должно быть. Ибо Господь, всемогущій Создатель и всеблагій Промыслитель, всегда силенъ по усердной молитвѣ явить Свою благодатную помощь во всякихъ бѣдахъ и напастьяхъ. Самыя эти бѣды и напасти попускаются Имъ для духовной пользы человѣка, чтобы расположить его къ покаянію и доброй богоугодной жизни. Прекрасно раскрываетъ эту мысль

¹⁾ „Св.—отеч. наставленія о мол. и трезвеніи“ стр. 319—320.

святитель Тихонъ Задонскій въ слѣдующихъ словахъ: „Бѣды тѣлесныя, временныя, біенія и самая смерть ничего душѣ нашей не вредятъ, но паче „любящимъ Бога поспѣшествуютъ во благое“ (Римл. 8, 28)... Эти бѣды не только не отнимаютъ у душъ нашихъ блаженства, но и умножаютъ его. Человѣколюбивый Богъ попускаетъ ихъ на насъ, чтобы ими мы подвиглись къ покаянію и жили въ страхѣ Божіемъ. Бѣдами и скорбями стѣсненный грѣшникъ такъ въ себѣ разсуждаетъ: не имѣю я тѣлесныхъ и временныхъ благъ, поищу душѣ вѣчныхъ и небесныхъ благъ,—поищу у Христа, Который, богатъ сый, мене ради обнищалъ. Тѣлесная моя немощь научаетъ меня искать здравія душевнаго у Христа: Онъ есть Врачъ душъ нашихъ и тѣлесъ. Терплю я безславіе и посмѣяніе отъ людей, поищу славы и похвалы у Бога. Всѣ люди меня презираютъ и оставляютъ, прибѣгну я къ Богу и прилѣплюся Ему, и Онъ не оставитъ созданія Своего, и не презритъ; ибо Онъ никого не презираетъ и не оставляетъ... Удаленъ я отъ отечества моего и дома, отлученъ отъ сродниковъ и друзей моихъ; потщусь усерднѣе искать небеснаго отечества и со ангелами и святыми Божіими вѣчно дружество имѣть... Слава Богу, хотящему всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити! Онъ посылаетъ мнѣ скорбь, но тою мене обращаетъ, пресѣкаетъ путь къ погибели и къ Себѣ возвращаетъ“¹⁾. „Нигдѣ христіанскимъ добродѣтелямъ лучше не научаемся, какъ въ крестѣ скорби, страданія и искушенія. Воинъ не тотъ искусенъ, который много научается воинскому порядку внутри отечества, а тотъ, который довольно въ сраженіяхъ противу непріятеля бывалъ; такъ и христіанинъ тотъ искусенъ бываетъ въ званіи христіанскомъ, который сквозь огонь и воду искушеній, бѣдъ, напастей и скорбей проходитъ и подвизается противъ невидимыхъ враговъ. И сія—то есть причина, почему Богъ попускаетъ на рабовъ Своихъ скорбь и страданіе, т. е. чтобы они учились истинной сердечной молитвѣ, къ Нему прибѣгали и помощи искали и христіанскимъ добродѣтелямъ пріучались. „Скорбь“, по апостолу, „терпѣніе содѣловаетъ, терпѣніе же искусство, искусство же упованіе, упованіе же не посрамитъ“ (Римл. 5, 3—5). Безъ соли мясо и рыба гніетъ: такъ безъ скорби

¹⁾ Творенія св. Тих. Зад., т. 4, стр. 332—333.

христiанинъ портится. Соль выгоняетъ червей изъ рыбы и мяса: такъ скорбь изгоняетъ растлѣнiе и страсти изъ души. Соль хранитъ цѣлость вещей: такъ скорбь соблюдаетъ цѣлость души. Горька соль, но здорова тѣлу: горька и скорбь, но здорова душѣ“ ¹⁾. Какъ скоро человѣкъ въ бѣдахъ и несчастiяхъ обратится къ Богу и будетъ возносить Ему горячiя молитвы, Господь тогда — несомнѣнно — явитъ ему Свою благодатную помощь. Онъ вполне умиротворитъ духъ истиннаго молитвенника, и Своею всемогущею силою такъ можетъ устроить обстоятельства, что самая печаль и скорбь въ концѣ концовъ обратится въ радость. Нерѣдко бывають примѣры, когда Господь—Источникъ благостыни, отъ Котораго „исходитъ всякое даянiе благо и всякiй даръ совершенъ“ (Іак. 1, 17), въ самыхъ несчастiяхъ такъ утѣшительно влiяетъ на духъ преданнаго Ему молитвенника, что послѣднiй, вмѣсто скорби, можетъ чувствовать радость о Господѣ. Святитель Тихонъ пишетъ: „Молитвою прогоняемъ печаль и скорбь. Ибо какъ получаемъ нѣкую отраду, когда вѣрному нашему другу сообщаемъ нашу скорбь; такъ или много болѣе получаемъ утѣшенiя, когда скорбь нашу преблагому и милосердному Богу объявляемъ и просимъ отъ Него утѣшенiя“ ²⁾. Намъ лично былъ извѣстенъ одинъ христiанинъ—молитвенникъ изъ круга интеллигентныхъ лицъ, который, страдая тяжкою болѣзнью, приковавшею его къ одру и причинявшею сильныя физическiя боли, не только былъ вполне благодушень, но и благодарилъ Бога за свою болѣзнь и по временамъ чувствовалъ высокую духовную радость. Во времена гоненiй на христiанъ часто бывали случаи, когда мученики, подвергаемые страшнымъ пыткамъ и казнямъ, радовались духомъ и пѣли псалмы. Святые подвижники, не смотря на жизнь, полную всякихъ земныхъ лишенiй, испытывали отъ молитвы высочайшую радость о Господѣ. Святитель Тихонъ Задонскiй по временамъ былъ, такъ сказать, внѣ себя отъ духовной радости. То же самое нужно сказать и о свят. Серафимѣ Саровскомъ, который всегда радовался о Господѣ. Такъ Господь радуется, подкрѣпляетъ и хранитъ вѣрныхъ рабовъ Своихъ, прибѣгающихъ къ Нему съ теплыми молитвами и, когда нужно, даруетъ имъ Свою благодатную помощь и из-

¹⁾ Творенiя св. Тихона Зад., т. 4, стр. 327—328.

²⁾ Творенiя св. Тих. Зад., т. 2, стр. 325.

бавленіе отъ всякихъ бѣдъ и золь. Нельзя, поэтому, не пожалѣть тѣхъ людей, которые при жизненныхъ испытаніяхъ не молятся Богу; они лицаютъ себя самаго главнаго источника утѣшенія въ несчастіяхъ, которыя на землѣ неизбѣжны. Мучаясь въ скорбяхъ, они не имѣютъ никакой отрады, дѣлаются озлобленными и легко впадаютъ въ отчаяніе, соединенное съ ропотомъ на самаго Бога.

7. Значеніе молитвы въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія.

Человѣкъ имѣетъ долгъ нравственнаго усовершенствованія. Господь Іисусъ Христосъ учитъ въ святомъ Евангеліи: „Будите убо вы совершени, якоже Отець вашъ небесный совершенъ есть“ (Матѳ. 5, 48). И св. апостоль Петръ говоритъ: „По звавшему вы Святому сами святы во всемъ житіи будите, зане писано есть: святы будите, якоже азъ святъ есмь“ (1 Петр. 1, 15—16). Религіозно-нравственный законъ въ своей идеальной формѣ, какъ онъ раскрытъ въ новозавѣтномъ Откровеніи, неосуществимъ въ точности: человѣкъ можетъ только стремиться къ достиженію идеала святости, усовершаясь постепенно болѣе и болѣе въ безконечную степень.

Что молитва имѣетъ здѣсь весьма важное значеніе, составляя одно изъ могущественныхъ средствъ для духовно-нравственнаго преуспѣянія,—это есть истина несомнѣнная, потому что молитва уже сама по себѣ есть стремленіе къ святости,—къ тому, чтобы быть угоднымъ Богу, чистымъ, непорочнымъ, нравственно совершеннымъ. И мы готовы были бы оставить эту истину, по ея очевидности, безъ объясненій и доказательствъ, если бы въ современномъ обществѣ не были иногда высказываемы противоположныя мысли: люди нерасположенные къ вѣрѣ христіанской говорятъ, что молитва не нужна для духовно-нравственнаго развитія, что она не оказываетъ въ этомъ отношеніи благотворнаго вліянія на человѣка, что бываетъ большею частью наоборотъ,—люди вѣрующіе и молящіеся Богу зачастую являются болѣе черствы душой, безсердечны и нравственно грубы, чѣмъ люди невѣрующіе и немолящіеся. Не ошибемся, если замѣтимъ, что поводъ къ такому ошибочному мнѣнію подають такіе христіане, которые хотя и молятся, но только наружно, не отъ

души, у которыхъ молитва бываетъ лишь на языкѣ и во внѣшнихъ выраженіяхъ, безъ участія ума и сердца. Молящіеся такимъ образомъ, конечно, могутъ оставаться съ жестокимъ сердцемъ, могутъ совсѣмъ не думать о своемъ духовномъ усовершенствованіи, а наоборотъ,—могутъ допускать даже вопіющія беззаконія, какъ напр., Іоаннъ Грозный и его сообщники. Но говоря о благотворномъ вліяніи молитвы на духовную сторону человѣка, мы разумѣемъ не эту холодную, пустую, наружную молитву, которая не заслуживаетъ и самаго названія молитвы, а молитву искреннюю, сердечную, съ участіемъ въ ней всѣхъ силъ нашего духа. Такая молитва не можетъ оставаться безъ добраго вліянія на душу молящагося, она—несомнѣнно—смягчаетъ сердце человѣка и располагаетъ его къ духовно-нравственному преуспѣванію. Молясь Богу, христіанинъ съ одной стороны чувствуетъ безмѣрную святость Бога, съ другой—сознаетъ свое несовершенство, свое ничтожество и грѣховность, а это располагаетъ его стремиться къ нравственному идеалу, усовершеншаться болѣе и болѣе въ безконечную степень.

Въ частности, для нравственнаго усовершенствованія нужно, чтобы человѣкъ воздержался отъ грѣховъ и страстей, боролся съ ними и препобѣждалъ ихъ. Къ этому именно и располагаетъ молитва. Молящійся Богу сознаетъ, что всякій грѣхъ есть зло, и потому всегда проситъ у Господа прощенія грѣховъ, при чемъ имѣетъ твердое желаніе и рѣшимость воздерживаться отъ нихъ,—воздерживаться не только отъ грѣховныхъ дѣлъ, но и отъ грѣховныхъ чувствъ и мыслей. Это желаніе и эта рѣшимость такъ естественны и неизбѣжны въ душѣ истиннаго молитвенника, что безъ нихъ невозможна и самая молитва. Если человѣкъ молится Богу о прощеніи грѣховъ, но въ то же время не имѣетъ никакого желанія оставить ихъ; то онъ въ этомъ случаѣ въ сущности не молится, молитва его неискренняя, напускная и неугодная Богу, потому что она расходится съ его внутреннимъ настроеніемъ. Искренняя, сердечная молитва неизбѣжно сопровождается желаніемъ молящагося воздерживаться отъ всего грѣховнаго, какъ богопротивнаго, губить въ себѣ ветхаго человѣка съ его страстями и похотями. Вотъ почему и послѣ молитвы, пока въ сердцѣ остается мо-

литвенное настроеніе, человекъ не склоненъ бываетъ на грѣхъ и не имѣетъ грѣховныхъ мыслей и желаній.

Для нравственнаго усовершенствованія необходимо, чтобы сердце христіанина было одушевлено любовію къ Богу и ближнимъ. Искра этой любви можетъ разгораться у человека только подъ вліяніемъ сердечной молитвы. По словамъ св. Исаака Сиріанина „любовь есть плодъ молитвы“¹⁾. Молясь Богу, Который есть любовь совершеннѣйшая, безпредѣльная, христіанинъ естественно и самъ проникается этою любовью. Какъ находящійся подъ лучами солнца нагрѣвается солнечными лучами и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше и ближе стоитъ къ солнцу; такъ и человекъ, крѣпко молящійся Богу, проникается чистою, святою любовію къ Нему, и тѣмъ въ большей степени, чѣмъ стоитъ выше по молитвѣ и другимъ дѣламъ благочестія. Онъ во всемъ видитъ благодѣющую руку Господа—и въ красотахъ окружающей природы, и во множествѣ органическихъ существъ, населяющихъ міръ Божій, и въ тѣхъ матеріальныхъ благахъ, которыми Господь надѣляетъ человека, и въ душевныхъ дарованіяхъ, которыя мы имѣемъ отъ Бога, въ особенности же въ искупленіи насъ крестною смертію Единороднаго Сына Божія и въ тѣхъ благодатныхъ дарахъ, которые служатъ для нашего освященія и спасенія. Подъ вліяніемъ сердечной молитвы у него болѣе и болѣе развивается и крѣпнетъ чувство сыновства къ Богу и преданности Ему, какъ всеблагому Отцу небесному. Такъ, молитва возвращаетъ, укрѣпляетъ и усовершенствуетъ въ сердцѣ христіанина любовь къ Богу которая можетъ достигать такой высоты, что изъ любви къ Богу, онъ можетъ жертвовать всѣмъ—не только вещественными благами и удовольствіями, но и самою жизнью.

Вмѣстѣ съ любовію къ Богу, въ человекѣ подъ вліяніемъ молитвы усовершенствуется и любовь къ ближнему.

Любовь къ ближнему прежде всего требуетъ, чтобы въ нашей душѣ не было никакихъ враждебныхъ чувствъ въ отношеніи къ людямъ. Молитва совершенно изгоняетъ эти враждебныя чувства; для истиннаго молитвенника они немислимы, ибо онъ считаетъ для себя обязательнымъ завѣтъ Христа Спасителя жить въ мирѣ и любви со всѣми (Матѣ.

¹⁾ „Св.—отеч. наст. о мол. и трезв.“, стр. 342.

5, 24—25; Лук. 6, 27—36 и др.). У него не можетъ быть никакихъ враговъ. Если ему и придется встрѣтить отъ кого либо обиду или огорченіе, то онъ съ охотою прощаетъ ихъ, потому что ежедневно молится Господу: „остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ“ (Матѳ. 6, 12). Подъ вліяніемъ молитвы онъ даже можетъ желать встрѣчать чаще такія обиды, чтобы имѣть возможность прощать ихъ по завѣту Христа Господа изъ любви къ Нему.

Любовь требуетъ, чтобы мы ничѣмъ не гордились предъ другими людьми. У истиннаго молитвенника никакой гордости быть не можетъ. По словамъ святителя Тихона Задонскаго „чѣмъ благочестивѣе сердце, тѣмъ оно смиреннѣйшее есть; ибо чѣмъ болѣе просвѣщается человѣкъ благодатію Божіею, тѣмъ болѣе видитъ свое недостоинство“¹⁾ Молясь Богу, обладающему высочайшими безконечными совершенствами, христіанинъ наиболѣе ясно сознаетъ свое ничтожество; онъ убѣжденъ, что всѣми благами вещественными и духовными, какія онъ имѣетъ, его надѣлилъ Господь; а потому онъ ничѣмъ ни гордится предъ людьми—ни умственными способностями, ни положеніемъ въ обществѣ, ни богатствомъ, ни другими какими либо преимуществами, потому что справедливо сознаетъ, что все это—дары Божіи, таланты, данные ему Богомъ для того, чтобъ онъ употреблялъ ихъ во славу Божію и для блага ближнихъ. Онъ относится ко всѣмъ людямъ, въ какомъ бы низкомъ положеніи они ни находились; съ христіанскимъ смиреніемъ и благорасположеніемъ, любя ихъ, какъ братьевъ во Христѣ, созданныхъ по Образу Божію, искупленныхъ кровію Единороднаго Сына Божія и предназначенныхъ къ вѣчной блаженной жизни.

Любовь требуетъ, чтобы мы оказывали людямъ всякое добро. Исполнять это истинный молитвенникъ считаетъ своимъ священнымъ долгомъ. Молясь Богу о своемъ помилованіи и спасеніи, онъ, естественно, сознаетъ необходимость оказывать съ своей стороны милости ближнимъ своимъ. Испрашивая и получая отъ Господа, разные дары вещественные и духовные, онъ черезъ это самое дѣлается расположеннымъ къ тому, чтобы благотворить окружающимъ лю-

¹⁾ Творенія св. Тих. Зад, т. 2. стр. 67.

дямъ, чѣмъ и какъ можетъ. Святитель Тихонъ объ этомъ пишетъ: „Какъ скажешь—„Господи помилуй“, когда самъ не милуешь? Какъ будешь просить—„подай Господи“, когда самъ не подаешь, хотя можешь подать? Какими устами скажешь—„услыши мя, Господи“, когда самъ не слышишь бѣднаго“¹⁾? Такъ молящійся Богу и просящій у Него милости наиболѣе бываетъ склоненъ къ дѣламъ милосердія; ибо онъ знаетъ, что Христосъ Господь Себѣ вмѣняетъ то добро, какое мы, во имя Его, оказываемъ ближнимъ своимъ.

Любовь къ людямъ должна еще выражаться въ усердномъ исполненіи обязанностей своего званія. Но развѣ молитва не располагаетъ человѣка къ честному и усердному труду, къ доброй и полезной дѣятельности? Иначе и быть не можетъ. Молясь Богу, христіанинъ испрашиваетъ себѣ Его благословеніе на свои дѣла и молить Его о помощи съ успѣхомъ трудиться въ исполненіи обязанностей своего служенія, на которое поставилъ его Господь.

Намъ и не перечестъ всѣхъ тѣхъ похвальныхъ качествъ, къ которымъ располагаетъ человѣка усердная молитва. Кротость, скромность, и цѣломудріе, любовь къ правдѣ, терпѣніе, выносливость, милосердіе, чистота сердца и проч.—все это внушается намъ молитвою, которая, будучи возносима отъ всей души, оберегаетъ человѣка отъ грѣховъ, поддерживааетъ въ немъ энергію на добрую дѣятельность и располагаетъ его стремиться къ достиженію большихъ и большихъ степеней нравственнаго совершенства.

О благотворномъ вліяніи молитвы на нравственную сторону человѣка св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ слѣдующее: „Кто воздѣнетъ руки къ небу и призоветъ Бога, тотчасъ онъ отстаетъ тогда отъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ и переносится мыслию въ будущую жизнь, и затѣмъ уже созерцаетъ только небесное, ничему относящемуся къ настоящей жизни не внимая во время молитвы, если молится усердно. Вслѣдствіе сего, гнѣвъ ли былъ у него предъ симъ въ движеніи,—онъ легко улегается; похоть ли жгла,—она погасаетъ; зависть ли точила, она прогоняется съ великимъ удобствомъ. Въ душѣ при семъ то же совершается, что бываетъ въ природѣ при восходѣ солнца... Какъ при появленіи сол-

¹⁾ Творенія св. Тих. Зад. т. 2, стр. 34ч.

нечнаго свѣта всѣ звѣри убѣгаютъ и скрываются въ ложахъ своихъ: такъ и когда, какъ лучъ нѣкій, появится молитва отъ устъ нашихъ и нашего языка, тогда умъ просвѣщается, всѣ же неразумныя и звѣровидныя страсти отступаютъ и прячутся въ свои норы,—только бы молились мы, какъ слѣдуетъ, съ душою бодренною и трезвенною мыслию“¹⁾. „Бъ какую душу вселяется молитва, ту дѣлаетъ она полною всякой праведности, настраиваетъ ее на всякую добродѣтель, а все худое изгоняетъ изъ нея“²⁾. „Какъ дождь, падая на твердую землю, размягчаетъ ее, или какъ огонь смягчаетъ желѣзо: такъ молитва, еще сильнѣе огня и лучше дождя, смягчаетъ и орошаетъ ожестѣвшую отъ страстей душу“³⁾.

Значеніе молитвы состоитъ не только въ томъ, что она служитъ побужденіемъ для нравственнаго развитія. Она кромѣ того, низводитъ на молящагося благодать Божію, укрѣпляющую силы человѣка на преодоленіе грѣха и страстей и на предупреденіе въ добродѣтели. Что природа человѣка заражена грѣхомъ, что она склонна ко всему грѣховному и бессильна въ дѣланіи добра,—эта истина не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Христіанское ученіе о грѣхопадении людей, не смотря на его таинственность, касающуюся способа паденія, является несомнѣннымъ фактомъ по его послѣдствіямъ, потому что едва ли кто, закрывая глаза не дѣйствительность, рѣшится утверждать, что въ природѣ человѣка нѣтъ такой грѣховной порчи. И исторія всего человѣчества, и собственный опытъ каждаго человѣка, и наблюденіе надъ другими людьми—все убѣждаетъ насъ признать, что грѣхъ возобладать надъ человѣкомъ, что грѣховныя склонности и страсти начинаютъ проявляться въ немъ еще въ младенчествѣ, съ его возрастаніемъ постепенно растутъ и усиливаются, и съ теченіемъ времени могутъ сдѣлать его вполнѣ своимъ рабомъ. Успѣшная борьба съ ними стала непосильна для человѣка; предоставленный самому себѣ, онъ оказывается лишь съ однимъ желаніемъ добра, а силъ для его осуществленія у него не хватаетъ. Прекрасно изображаетъ это нравственное безсиліе человѣка апостоль Павелъ. „Вѣмъ“, говоритъ онъ, „яко не живетъ

¹⁾ „Св. отеч. наст. о мол. и трезв.“ стр. 41—42.

²⁾ Тамъ же стр. 59—60.

³⁾ Тамъ же стр. 106.

во мнѣ, сирѣчь въ плоти моей, доброе: Еже бо хотѣти прилежитъ мнѣ, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Не еже бо хочу доброе творю; но еже не хочу злое, сіе содѣваю... Соуслаждаюся бо Закону Божию по внутреннему человѣку; вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противуюющъ закону ума моего и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ. Окаяненъ азъ человѣкъ“! (Римл. 7, 18—24). Такимъ образомъ только при помощи благодати Божіей человѣкъ можетъ препобѣждать свои грѣховныя наклонности и преуспѣвать въ дѣланіи добра. Эта благодать Божія и преподается христіанину черезъ усердныя молитвы и таинства Церкви. Таинственнымъ и непостижимымъ образомъ Христось Господь черезъ нихъ прививаетъ къ Себѣ самую природу нашу—падшую и растлѣнную грѣхомъ—и сообщаетъ ей новую жизнь, очищая насъ отъ грѣховъ, оправдывая, освящая, укрѣпляя наши слабыя силы на все доброе и святое. При благодатной помощи Божіей христіанинъ—молитвенникъ способенъ бываетъ на великіе подвиги добра и святости, далеко превышающіе его естественныя силы. „Вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ“, говоритъ апостолъ Павелъ (Филип. 4, 13). Что это дѣйствительно бываетъ такъ,—показываетъ вся исторія христіанства. Намъ извѣстно, что благодать Божія воодушевляла христіанъ первыхъ вѣковъ, во времена гоненій, переносить всѣ ужасы мученій за имя Христово. Благодать Божія сообщала христіанамъ подвижникамъ силу совершать изумительныя подвиги въ борьбѣ противъ страстей и естественныхъ влеченій. Благодать Божія возбуждала христіанъ—молитвенниковъ на всевозможныя пожертвованія для блага ближнихъ. Изъ исторіи мы знаемъ, что одни изъ нихъ отличались особеннымъ милосердіемъ къ бѣднымъ, раздавая имъ обильныя милостыни, какъ св. Филаретъ Милостивый; другіе полною нестяжательностью, какъ св. безсеребренники Косьма и Даміанъ и др.; третьи жертвовали своимъ благосостояніемъ и даже душу свою положили за людей, какъ св. Филиппъ Московскій. О могущественномъ дѣйствіи на человѣка благодати Божіей св. Ефремъ Сиріанинъ говоритъ слѣдующее: „Совершенный христіанинъ всякую добродѣтель и всѣ превосходящіе природу нашу плоды Духа Святаго, какъ то; истинную и неизмѣнную любовь, миръ, долготерпѣніе и бла-

гость, кротость, вѣру, смиренномудріе и прочія дѣла истинной добродѣтели,—производитъ съ услажденіемъ и духовнымъ удовольствіемъ, какъ естественныя и обыкновенныя, легко, не борясь болѣе съ грѣховными страстями, какъ совершенно искупленный Господомъ, какъ сподобившійся сдѣлаться чистымъ жилищемъ Его, и возбуждаемый къ добродѣтели Божественною силою, въ радованіи и вселеніи отъ Святаго Духа, пріобрѣтшій въ сердцѣ миръ Христовъ. Такой человѣкъ, по причинѣ вселенія въ немъ Святаго Духа, не только подобное дѣланіе добродѣтелей совершаетъ съ великимъ наслажденіемъ; но легко и удобно воспріемлетъ на себя труднѣйшее—страданія Христовы. Укрѣпляемый Святымъ Духомъ, съ великимъ вожделѣніемъ даетъ онъ обѣтъ пострадать за Христа, и готовъ бываетъ быть въ наготѣ, голодѣ, терпѣть всякое злостраданіе ради Господа, подвергаться ненависти, безчестию, злорѣчію, стать какъ бы отребіемъ міра сего и, наконецъ, быть распинаемымъ и принимать на себя юродство... Таковъ есть прилѣпившійся ко Господу и сдѣлавшійся съ Нимъ единъ духъ ¹⁾. Если мы присмотримся къ явленіямъ обыденной жизни и собственному наблюденію, то и здѣсь несомнѣнно замѣтимъ многочисленные случаи, когда Господь, по молитвѣ, укрѣпляетъ наши силы на добрую жизнь, что Онъ, какъ говоритъ Апостолъ, „производитъ въ насъ доброе хотѣніе и доброе дѣйствіе по Своему благоволенію“. (Филипп. 2, 13).

Такъ и важно могущественно значеніе молитвы въ дѣлѣ безконечнаго нравственнаго усовершенствованія.

Прот. Василій Добровольскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ „Свято-очеч. наст. о мол. и трезв.“ стр. 140—141.

При какихъ условіяхъ армія не только считается, но и бываетъ всегда „побѣдоносной“?

Въ настоящее время военныхъ дѣйствій, разыгравшихся на театрѣ общеевропейской войны, когда наша русская армія побѣдоносно движется все впередъ и впередъ на поляхъ бранныхъ, въ предѣлахъ Пруссіи и Галиціи, естественно спросить о томъ: при какихъ условіяхъ армія не только считается, но и бываетъ всегда „побѣдоносной“?

Нѣкоторые, пожалуй, обратятъ все свое вниманіе на матеріальную сторону арміи и скажутъ, что здѣсь, въ военномъ успѣхѣ, играетъ главную и первенствующую роль эта, именно сторона, матеріальная или вещественная, заключающаяся въ прекрасномъ оборудованіи пушекъ, пулеметовъ ружей, саблей и т. п. смертоносныхъ орудій, составляющихъ печальную необходимость всякой войны, и въ опытномъ, умѣломъ пользованіи ими со стороны тѣхъ или иныхъ воиновъ, принадлежащихъ къ арміи. Нѣкоторые, стоя на той же, матеріальной и вещественной, точкѣ зрѣнія, скажутъ, что здѣсь много зависитъ отъ обоза, слѣдуемаго за арміей, отъ интендантской и санитарной ея части, которыя, при хорошихъ условіяхъ, много, конечно, приносятъ пользы воинамъ. Нѣкоторые же, смотря такимъ образомъ на войну и на военные успѣхи солдатъ, сражающихся со врагами, сведутъ, пожалуй, всѣ свои разсужденія къ одному знаменателю—къ деньгамъ, безъ которыхъ не только въ военное, но и въ мирное время ничего нельзя сдѣлать для того, чтобы армія въ военномъ отношеніи стояла на высотѣ своего призванія и на высотѣ тѣхъ требованій, которыя предъявляются къ ней со стороны.

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ и мысляхъ людей, останавливающихся своимъ вниманіемъ на этой сторонѣ арміи, есть, конечно, своя доля правды и, притомъ, законная и справедливая. Да, въ настоящее время, когда техника военнаго искусства далеко двинула свои шаги впередъ по пути прогресса и различнаго рода усовершенствованія въ области военныхъ дѣйствій, когда эти послѣднія съ успѣхомъ ведутся не только на сушѣ, но и на морѣ и въ воздухѣ,—въ настоящее время, говоримъ, нельзя отрицать вполне и этой стороны, съ которой соприкасается наша армія, какъ и всякая другая армія, сражающаяся съ врагомъ на полѣ брани, особенно если принять во вниманіе тотъ „вооруженный миръ“, который такъ долго держалъ всю Европу въ своихъ рукахъ и главными представителями или, лучше сказать, зачинщиками котораго мы видимъ теперь въ лицѣ нашихъ враговъ, германцевъ и австрійцевъ!

Но было бы во всякомъ случаѣ крайне обидно и неразумно, если бы русскіе люди, въ своихъ взглядахъ и оцѣнкахъ побѣдоносной арміи, останавливались только на этой одной матеріальной сторонѣ, не принимая болѣе во вниманіе никакихъ другихъ сторонъ. Нѣтъ, сила и живучесть арміи во всякое время, неодолимость и побѣдоносность ея зависятъ еще, какъ извѣстно, и отъ другихъ условій, которыя являются, такимъ образомъ, не менѣе важными и нужными, чѣмъ разсмотрѣнное нами сейчасъ.

Вторымъ условіемъ для побѣдоносности всякой арміи долженъ служить тщательно выработанный и сложившійся духъ ея, когда эта армія, во-первыхъ, ясно и живо представляетъ себѣ предметъ или идею войны, какую она ведетъ съ тѣмъ или инымъ народомъ, во-вторыхъ, когда она горитъ сильнымъ желаніемъ во что бы то ни стало побѣдить врага своего.

Вѣдь, въ мірѣ различныя бывали и бываютъ войны. Мы знаемъ, что есть войны священныя и религіозныя. Таковы, напр., были крестовые походы въ средніе вѣка. Есть войны оборонительныя и защитительныя, когда армія грудью своихъ воиновъ защищаетъ и спасаетъ свое родное отечество и живущихъ въ немъ людей отъ захвата и насилія враговъ, вторгшихся въ него съ цѣлью поработченія и уничтоженія. Есть войны наступательныя и освободительныя, ко-

торья ведетъ народъ съ цѣлю освобожденія другихъ народовъ въ другихъ государствахъ и странахъ. Такова, напр., война, какую вела Россія въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтїя, съ цѣлю освобожденія славянъ, родственныхъ намъ по вѣрѣ и крови, сербовъ, болгаръ, черногорцевъ и др., отъ турецкаго ига, что отчасти имѣетъ она въ виду и теперь, особенно сначала, когда Австрія хотѣла звѣрски раздѣлаться съ маленькой и беззащитной Сербіей. Не смотря на оборонительный преимущественно характеръ современной войны нашей, эти освободительныя цѣли всего славянства отъ ига германскаго имѣются въ виду Россіей и преслѣдуются ею, можно сказать, наиболѣе горячо и ревностно.

Но какъ же, спросимъ, вырабатывается и слагается этотъ духъ арміи?—Въ мирное время онъ вырабатывается и слагается отъ различныхъ причинъ, изъ которыхъ нужно указать здѣсь, какъ на главнѣйшую, на ту причину, что каждый воинъ, въ глазахъ народа, является прежде всего защитникомъ отечества и потому воспитывается и бережется, насколько возможно, тщательно для этой высокой и почетной цѣли. Въ военное время духъ арміи много зависитъ, конечно, отъ общаго патріотическаго подъема духа, замѣчаемаго во всемъ народѣ, изъ котораго выходятъ воины, а особенно отъ того, что они—воины,—идя на войну, отрываясь отъ семьи, оставляя свое хозяйство, которое вели раньше, думаютъ, что они не напрасны въ этомъ случаѣ, т. е. въ случаѣ возникшей войны, и не бесполезны вообще винтики во всемъ механизмѣ государственномъ.

Далѣе, они надѣются, при такомъ всеобщемъ единодушїи страны, на то, что ихъ гражданскій подвигъ будетъ оцѣненъ, какъ слѣдуетъ, и не будетъ забытъ государствомъ и правительствомъ его, равно какъ и всѣми добрыми и честными людьми, ихъ согражданами и соотечественниками, что эти послѣдніе позаботятся, насколько возможно, объ участи ихъ самихъ на войнѣ, когда они, быть можетъ, ранеными и искалѣченными, или же больными и неспособными къ самостоятельной трудовой жизни возвратятся оттуда, а нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, будутъ убиты на полѣ брани или же отведены врагами въ плѣнъ. Да, много поднимаетъ духъ арміи то именно обстоятельство, что сражающимся воинамъ не приходится много думать и болѣть сердцемъ

объ оставшихся на родинѣ ихъ близкихъ и дорогихъ лицахъ! Но это еще не главное условіе побѣдоносности арміи. Во всемъ этомъ замѣчается больше *душевной*, нежели *духовной* стороны воинскаго званія и воинской службы.

Третье и, по нашему мнѣнію, самое лучшее и вѣрное условіе, обезпечивающее успѣхъ воинамъ на полѣ битвы и дѣлающее армію всегда „побѣдоносною“, это именно то, что она бываетъ и должна быть въ православныхъ христіанскихъ государствахъ, какова, напр. наша обширная и могущественная Россія, „Христіолюбивою“ арміею.

Въ нѣкоторые нарочитые праздничные и торжественные дни, а въ настоящее время, по случаю военныхъ дѣйствій, каждый воскресный и праздничный день, за молебнымъ пѣніемъ о дарованіи побѣды Россійскому воинству и воинству союзныхъ державъ, совершаемомъ Православною Церковью, возглашается, въ концѣ его, слѣдующее, установленное по чину ея, многолѣтіе „Христіолюбивому, Всероссійскому, побѣдоносному воинству многая лѣта“.

Итакъ, изъ приведеннаго текста церковнаго многолѣтія, возглашаемаго воинамъ, ясно открывается то, что для того, чтобы быть воинству „побѣдоноснымъ“, нужно сначала быть ему „Христіолюбивымъ“ воинствомъ. Не напрасно, думаемъ, поставлено это слово впереди. Этимъ самымъ, безъ сомнѣнія, обозначается важное преимущество, которое имѣетъ она въ данномъ случаѣ. Слова: „Христіолюбивый“ и „побѣдоносный“ находятся въ тѣсной и неразрывной связи между собою, такъ что одно безъ другого не можетъ существовать въ сознаніи и чувствѣ нашихъ воиновъ безъ ущерба для ихъ воинскихъ успѣховъ.

Если воинство „Христіолюбиво“, то оно, конечно, и „побѣдоносно“, потому что въ понятіи: „Христіолюбивый“ заключается понятіе, „во Христа вѣрующій“ и „со Христомъ пребывающій“. А если кто вѣруетъ во Христа, вѣруетъ искренно и непреложно, кто пребываетъ во Христѣ, тому, по слову Самого Христа, „все возможно по вѣрѣ его“ (Мар. IX, 23), обнаруживаемой жизнію его, тотъ, по слову Апостола Павла, „все можетъ въ укрѣпляющемъ его Іисусѣ Христѣ“ (Филип. IV, 13), того благодать Божія подкрѣпляетъ на подвигъ не только духовный, но и тѣлесный. Все величіе духа человѣческаго, которымъ мы такъ восхищаемся въ

людахъ и котораго такъ жаждемъ видѣть въ нашемъ воинствѣ, имѣетъ своимъ источнымъ началомъ такую именно вѣру въ Господа и любовь къ Нему.

Далѣе, если воинство „побѣдоносно“, т. е., Христа любить, во Христа вѣруетъ, со Христомъ живетъ и дѣйствуетъ, однимъ словомъ, становится съ Нимъ одно цѣлое и полное существо. Находится ли въ настоящее время наше воинство, стоящее на поляхъ бранныхъ въ предѣлахъ Пруссіи и Галиціи и сражающееся тамъ съ грозными врагами своими, германцами и австрійцами, въ такомъ именно условіи относительно побѣдоносности и, вообще, оправдываетъ ли собою эпитеты, прилагаемые къ нему Самою Церковью: „Христолюбивое“ и потому, слѣдовательно „побѣдоносное“ воинство,—судить объ этомъ предоставляемъ совѣсти самихъ нашихъ воиновъ. Но тѣ факты, повѣдуемые почти ежедневно отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго русскою арміею, что она—эта армія—побѣдоносно шествуетъ впередъ, напутствуемая нами повсюду молитвою и благословеніемъ Божиимъ, громко говорятъ намъ о томъ, что наше воинство, дѣйствительно, „Христолюбивое“ и „побѣдоносное“ воинство. Дай Богъ, конечно, чтобъ оно пребывало такимъ и впредь навсегда!

Заклучимъ наше разсужденіе трогательными и величественными словами Св. Церкви, воспѣваемыми ею въ одномъ изъ богородичныхъ догматиковъ за воскреснымъ все-нощнымъ бдѣніемъ: „Дерзайте убо, дерзайте людіе Божіи“, —православные русскіе воины,—„ибо Той“, „Богъ крѣпокъ, Властитель, Начальникъ мира“, „побѣдитъ враги наши, яко Всесиленъ“! Съ этою священною пѣснію на устахъ и съ вѣрою и молитвою въ сердцѣ пусть выходятъ они,—наши мужественные, стойкіе и доблестные герои—воины,—на сраженіе, и тогда, конечно, побѣдятъ окончательно ополчившихся на насъ въ такомъ множествѣ враговъ. Тогда наша армія не только будетъ считаться на словахъ, но и будетъ на самомъ дѣлѣ „побѣдоносною“ арміею, передъ которою должны отдать преимущество всѣ остальные арміи, существующія во всемъ мірѣ человѣческомъ...

Свящ. Д. Ромашковъ.

Проф. философіи Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ.

(1826—1874 г.г.).

Очеркъ жизни, литературной дѣятельности и богословско-философскаго міровоззрѣнія.

I.

Происхожденіе Юркевича; годъ его рожденія.—Характеристика домашняго обученія его и воспитанія.—Юркевичъ въ духовномъ училищѣ, семинаріи и Кіевской Духовной Академіи.

Профессоръ философіи Памфилъ Даниловичъ Юркевичъ, малороссъ по происхожденію ¹⁾, родился 16 февраля 1826 г. Отецъ его служилъ священникомъ въ м. Липлявомъ Золотоношскаго у., Полтавской губ.

Юркевичъ — отецъ былъ воспитанникъ Переяславской (Полтавской) семинаріи 20-хъ г.г. XIX ст. Онъ получилъ

¹⁾ Отмѣчаемъ малорусское происхожденіе проф. Юркевича потому, что Вл. С. Соловьевъ малорусскимъ складомъ психики Юркевича объяснялъ, хотя и не всегда удачно, нѣкоторыя особенныя черты въ духовномъ обликѣ и литературной дѣятельности П--ла Д--ча. См. ст. „Три характеристики“ въ собр. соч. Вл. Соловьева т. VIII, стр. 424--430.

Небезынтересно указать здѣсь также и на то, что проф. Юркевичъ, какъ „типичный малороссъ“, былъ выведенъ извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ, воспитанникомъ Кіевской д. Академіи, Ив. С. Левицкимъ-Нечуемъ, въ качествѣ дѣйствующаго лица подъ именемъ проф. Академіи Дашковича въ повѣсти „Хмари“, изображающей бытъ Кіевскаго академическаго студенчества и жизнь Южно-русской интеллигенціи 60-хъ г.г. XIX ст.—См. собр. соч. Ив. С. Левицкаго (Нечуя) т. V. Кіевъ, 1908 г.—Указаніе это сдѣлано намъ извѣстнымъ знатокомъ малорусской литературы, проф. Н. Ив. Петровымъ, ученикомъ Юркевича по Кіевск. Акад. 1) 1826 годъ—подлинный годъ ро-

основательное среднее образованіе ¹⁾ и отличался страстной любовію къ чтенію, которая по послѣдству передалась и П—лу Д—чу. За образованіемъ о. Даніилъ признавалъ высокую цѣнность и не жалѣлъ своихъ небольшихъ средствъ, чтобы доставить его своей многочисленной семьѣ. Вліяніе отца на П—ла Д—ча было очень велико. Къ этому, подчасъ суровому и требовательному наставнику своего дѣтства и юности, П—ль Д—чъ до самой смерти неизмѣнно сохранялъ чувства глубокой любви и признательности. Наставленія отца, мѣры и средства къ ихъ осуществленію представлялись П—лу Д—чу, какъ непогрѣшимыя. А латинскія пословицы, въ родѣ: „ex tenebris lux; per crucem ad lucem; discere sine libro, haurire aquam cribro“,—усвоенныя Юркевичемъ отъ отца въ раннемъ дѣтствѣ, служили и во всю послѣдующую жизнь для П—ла Д—ча излюбленными формулами выраженія его задушевныхъ убѣжденій. „Такъ говорилъ мой отецъ,—любилъ прибавлять Юркевичъ,—такъ буду говорить и я“ ²⁾.

Ляплавое, гдѣ священствовалъ отецъ П—ла Д—ча, было „мѣстечко“ только по имени. Въ дѣйствительности оно ничѣмъ не напоминало тѣхъ маленькихъ торговыхъ центровъ, которые во множествѣ разсѣяны по юго-западной Россіи и, составляя своеобразную, чисто мѣстную переходную ступень между селомъ и городомъ, обычно называются

жденія проф. Юркевича. Дата эта устанавливается съ несомнѣнностью на основаніи „Метрической выписи“ о рожденіи Юркевича, хранящейся вмѣстѣ съ другими документами его въ бібліотекѣ Кіевской Дух. Академіи.—См. Музейную Рукопись подъ № 834.—Поэтому указаніе Вл. С. Соловьева на то, что годомъ рожденія П—ла Д—ча былъ 1827 г. (собр. его соч. т. I, стр. 163),—указаніе, принятое съ его словъ Я. Колубовскимъ (Вопр. Философіи и Психологіи за 1890-й г. кн. 5 (1), приложение 1-е, стр. 33), а также Э. Радловымъ. (Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона полут. 81, стр. 420),—должно быть признано *не точнымъ*.

¹⁾ Это не покажется преувеличеніемъ, если мы вспомнимъ, что, въ пору ученія въ семинаріи Юркевича—отца, наши духовно-учебныя заведенія находились въ вѣдѣніи известной „Комиссіи Духовн. Училищъ“, оставившей столь замѣтный слѣдъ въ исторіи русскаго богословскаго образованія. См. В. Б. Ситлиновъ „Духовн. школа въ Россіи въ XIX в.“ в. I,—Вильна, 1908 г.

²⁾ Андрей Юркевичъ. „П. Д. Юркевичъ, проф. философіи“ въ журн. „Гимназія“ за 1888 г., кн. I, стр. стр. 95—96.

здѣсь „мѣстечками“. Наше обычное представленіе о бойкой торговлѣ и зажиточности „мѣщанъ“, а, слѣдовательно, и мѣстнаго причта, было-бы не приложимо къ обитателямъ Липляваго. Сплошное казачье населеніе его занималось исключительно земледѣліемъ; здѣсь не становились ярмарки,— это необходимое проявленіе южно-русской „мѣстечковой“ жизни; не было даже лавченки. Земледѣліе съ сельскимъ хозяйствомъ, не дарившее особеннымъ матеріальнымъ достаткомъ прихожанъ о. Даниіла, не могло быть въ пренебреженіи и у него самого. И для него оно было главнымъ и почти единственнымъ источникомъ для содержанія многочисленной семьи. Поэтому дѣти „липлявинскаго“ батюшки не были свободны отъ хозяйственной помощи своему отцу, и П—лу Д—чу, какъ старшему члену семьи, не разъ приходилось въ дѣтствѣ грести сѣно, носить сѣно и снопы, смотрѣть за скотомъ въ полѣ и т. д. ¹⁾

Въ такой патріархальной, мирной и трудовой обстановкѣ жизни провинціальной священнической семьи росъ и развивался П—ль Д—чь Юркевичъ, будущій извѣстный на всю Россію профессоръ философіи сперва въ Кіевской дух. Академіи, а потомъ въ Московскомъ Университетѣ. Эта обстановка дѣтства, вѣроятно, и заронила въ душу Юркевича первыя сѣмена того „глубокаго сердечнаго сочувствія *всѣмъ* существеннымъ *интересамъ* жизни“, какое впоследствии подмѣтилъ въ немъ Вл. Соловьевъ ²⁾.

Первоначальное образованіе П—ль Д—чь получилъ въ сельской церковной школѣ, существовавшей при домѣ его отца. Не сложна была программа этой школы и носила чисто религіозно-нравственный характеръ. „Грамматка“ (церковно-славянскій букварь съ важнѣйшими молитвами), часословъ и псалтирь; вотъ кругъ учебныхъ книгъ этой школы. Она создана была липлявинцами для удовлетворенія прежде всего ихъ религіозно-церковныхъ потребностей, и они безконечно дорожили своимъ созданіемъ.

Религіозный характеръ учебнаго матеріала, который усвояла и надъ которымъ упражнялась дѣтская мысль П—ла Д—ча, начинавшая крѣпнуть и раскрываться, положилъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 93.

²⁾ Вл. С. Соловьевъ. „О философскихъ трудахъ П. Д. Юркевича“, собр. соч. т. I, стр. 162.

исизгладимую печать на его духовный складъ и сохранилъ значеніе основной зиждительной силы въ міровоззрѣніи Юркевича. Только характеромъ этихъ первыхъ умственныхъ пріобрѣтеній П—ла Д—ча можно въ достаточной степени объяснить поразившее Вл. Соловьева совмѣщеніе въ міровоззрѣніи его „широты и самостоятельности взглядовъ съ искреннимъ признаніемъ историческаго преданія“¹⁾. „Служеніе наукѣ, убѣжденно заявлялъ впослѣдствіи Юркевичъ, не есть служеніе маммонѣ, съ которымъ было-бы несообразно служеніе Богу“. А въ „тщетельномъ и безпристрастномъ изученіи Библии во всѣхъ ея подробностяхъ, по видимому, самыхъ незначительныхъ понятіяхъ“, онъ самъ находилъ и указывалъ другимъ прочную и надежную почву для „правильнаго, гармоническаго отношенія между знаніемъ и вѣрою“²⁾.

Насколько сильно и живуче повліяла на Юркевича „липлявинская“ начальная школа даже своими пріемами обученія, видно изъ того, что впослѣдствіи П—ль Д—чь, одинъ изъ немногихъ выдающихся русскихъ педагоговъ-теоретиковъ³⁾, впадая въ явную ошибку, сталъ на сторону т. наз. букво-слагательнаго метода обученія, практиковавшагося въ нашей до-реформенной школѣ, когда въ 70-хъ г. г. появились первыя попытки замѣнить старый методъ новымъ звуковымъ⁴⁾. Въ этомъ обстоятельствѣ несомнѣнно сказалась сила и живучесть первыхъ дѣтскій впечатлѣній.

„Липлявинская“ школа отличалась отъ другихъ сельскихъ школъ важнымъ преимуществомъ. При ней существовало старшее отдѣленіе, предназначавшееся для подготовки дѣтей зажиточныхъ „липлявинцевъ“, по окончаніи младшаго отдѣленія, къ поступленію въ уѣздное духовное училищѣ⁵⁾. Эта особенность „липлявинской“ сельской школы,

¹⁾ Тамъ же. стр. 162.

²⁾ П. Юркевичъ. „Сердце и его значеніе въ духовной жизни человека по ученію Слова Божія“. Труды Кіевск. Дух. Академіи за 1860 г., кн. I, стр. 116.

³⁾ Редакція ж. „Гимназія“ называла П. Д. даже „великимъ педагогическимъ теоретикомъ“. См. кн. I за 1888 г., стр. 102.

⁴⁾ П. Юркевичъ. „Будущность звуковой методы“ въ Ж. М. Н. Пр. за 1872 г., кн. 3.

⁵⁾ А. Юркевичъ. „П. Д. Юркевичъ проф. философіи“, „Гимназія“ за 1888 г., кн. I, стр. 92.

которая въ наше время явилась бы предметомъ справедливаго удивленія, лишній разъ рисуеть предъ нами отца П—ла Д—ча со стороны высокаго понманія имъ своихъ пастырскихъ обязанностей и цѣнности образованія. Въ этомъ старшемъ отдѣленіи школы преподавались: св. исторія, арифметика, географія, русскій, греческій и латинскій яз., и нотное пѣніе. Здѣсь учительствовалъ и завѣдывалъ исключительно отецъ П—ла Д—ча. Иногда, впрочемъ, на время каникулъ о. Даніилъ приглашалъ въ качествѣ помощника себѣ кого-нибудь изъ семинаристовъ. Но и въ этомъ случаѣ древніе яз. и нотное пѣніе преподавалъ самъ отецъ П—ла Д—ча.

Получивши такую домашнюю подготовку, Юркевичъ поступилъ въ Переяславское (Полтавское) дух. училище, которое окончилъ въ 1841 г. Въ этомъ году П—ль Д—чь былъ переведенъ въ Переяславскую Семинарію, гдѣ учился по іюль 1847 г.

О годахъ ученія Юркевича въ духов. училищѣ и семинаріи намъ извѣстно очень мало. По свидѣтельству брата П—ла Д—ча, Андрея Юркевича, онъ съ дѣтства отличался „и любознательностью, и прилежаніемъ, и способностями къ ученію“. Съ дѣтства Юркевичъ страстно любилъ чтеніе и сохранилъ эту страсть на всю послѣдующую жизнь. Приѣзжая домой на лѣтнія каникулы, П—ль Д—чь буквально не разставался съ книгой ни на минуту: книга сопровождала его и въ поле, и въ лѣсъ, и на луга, куда часто отправлялся П—ль Д—чь для присмотра за домашнимъ скотомъ. Забравшись въ какое нибудь уютное мѣсто, Юркевичъ предавался чтенію своихъ любимыхъ авторовъ. Предметомъ особенно усердныхъ занятій П—ла Д—ча въ это время были—латинскій яз. и математика. Впрочемъ, судя по семинарскому аттестату ¹⁾, П—ль Д—чь оказывалъ блестящіе успѣхи во всѣхъ предметахъ семинарской программы, не исключая французскаго и нѣмецкаго яз., которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ ²⁾. О занятіяхъ латинскимъ яз. до насъ сохра-

¹⁾ Въ аттестатѣ, выданномъ Юркевичу Полтавской семинаріей отъ 15 іюля 1847 г. за № 497 (Муз. Рукс. № 834), успѣхи его въ предметахъ семинарской программы отмѣчены „отлично хорошими“ при способностяхъ „отличныхъ“, прилежаніи „постоянномъ“ и поведеніи „весьма честномъ“.

²⁾ Послѣ П. Д. Юркевича остался дневникъ, писанный имъ собственноручно на нѣмецкомъ языкѣ. См. Муз. Рукс. подъ № 818а.

нилась слѣдующая выдержка изъ письма Юркевича отъ 1864 г. „Я помню, пишетъ П—ль Д—чъ,—какъ я вдохновлялся Корнелиемъ; и это происходило отъ трехъ причинъ: а) отъ того, что съ каждой новой страницей входило въ голову новое и интересное содержаніе; в) это содержаніе представлялось въ живой связи съ прошедшимъ и ожидаемымъ; с) этимъ содержаніемъ наполнялась голова не случайно: она овладѣвала имъ съ помощью общихъ правилъ грамматики, а такая встрѣча общаго съ частнымъ доставляетъ намъ во всякой наукѣ особенное наслажденіе“... Изъ этого личнаго опыта Юркевичъ дѣлаетъ слѣдующій педагогическій выводъ: „цѣль грамматики привести въ ясное сознаніе воспитанника одно общее, логическое, законосообразное въ языкѣ; исключенія находятъ себѣ объясненіе въ лексиконѣ и филологіи“¹⁾.

Весь приведенный отрывокъ характеренъ для Юркевича: здѣсь—весь онъ съ ясною, раздѣльною логическою мыслью, съ его убѣжденіемъ въ необходимости лично переживать все, что должно быть усвоено нами. Что касается занятій математикой, то тутъ сказалась природная склонность Юркевича къ логическимъ, отвлеченнымъ, философскимъ занятіямъ. Юркевичъ былъ однимъ изъ немногихъ философовъ, основательно знакомыхъ съ математическими науками. Занятій математикой онъ не оставлялъ и впослѣдствіи²⁾ и ей былъ обязанъ необыкновенною глубиною и отчетливостью своего анализа и точностью и раздѣльностью въ мышленіи.

Въ 1847 г. Юркевичъ закончилъ семинарскій курсъ. Въ это время случилось происшествіе, чуть, было, не увлекшее П—ла Д—ча съ намѣчавшагося всѣмъ предшествовавшимъ ходомъ его развитія—ученаго поприща и не лишившее русскую философію ея выдающагося представителя. Въ русской художественной литературѣ въ это время нарождалось мощное народническое направленіе³⁾. Подъ его вліяніемъ среди нашего юношества, свѣтскаго и особенно духовнаго, началъ

¹⁾ Андрей Юркевичъ. „П. Д. Юркевичъ, проф. философіи“. Журн. „Гимназія“ за 1888 г., кн. I, стр. 93—94.

²⁾ Мы нашли среди бумагъ Юркевича четыре собственно-ручно написанныхъ имъ тетради in folio подъ заглавіемъ: „Основанія дифференціального исчисленія“. См. Муз. Ркп. № 818 г.

³⁾ Оффиціальнымъ началомъ народническаго движенія въ нашей литературѣ обыкновенно считаютъ появленіе въ январск. кн. „Современ.“ за 1847 г. повѣсти Д. В. Григоровича „Деревня“.

зарождається идеаль пріобрѣтенія практическаго, „реальнаго“ знанія съ цѣлью понести его на служеніе деревнѣ и мужику. Мало-по-малу сталъ формироваться кадръ тѣхъ энтузіастовъ юношей—семинаристовъ, которые черезъ непродолжительное время обозначили собою въ русской и общественной жизни т. наз. „эпоху семинаристовъ“... Юркевичъ, жившій въ дѣтствѣ и юности въ деревнѣ въ самомъ близкомъ общеніи „съ мужикомъ“, почти „мужицкой жизнью“, здѣсь научившійся „сердечно сочувствовать всѣмъ существеннымъ интересамъ жизни“,—не могъ остаться въ сторонѣ отъ новыхъ настроеній и стремленій. И хотя впоследствии ему суждено было вступить въ борьбу съ крайними шестидесятниками, среди которыхъ оказались такіе же семинаристы, какъ и онъ самъ; но справедливость требуетъ твердо помнить, что Юркевичъ боролся не противъ идеи служенія народу, а противъ стремленія односторонне, *материалистически* обосновать это служеніе. И не этимъ ли кореннымъ различіемъ въ средствахъ обоснованія одинаково близкой, одинаково дорогой и тѣмъ, и другимъ идеи народослуженія объясняется ожесточенность и продолжительность борьбы Юркевича съ его противниками, русскими материалистами!!..

Въ послѣднемъ классѣ семинаріи П—ль Д—чь составилъ планъ поступленія, по окончаніи курса, въ военную медико-хирургическую академію. Когда это рѣшеніе сына стало извѣстнымъ отцу, послѣдній рѣшительно воспротівился этому плану. Завязалась переписка. П—ль Д—чь писалъ отцу изъ семинаріи: „если я стану докторомъ, я горы подвину“. Отецъ отвѣчалъ: „вѣрою, одною вѣрою можно горы двигать“¹⁾. Ко времени окончанія Юркевичемъ семинаріи эта размолвка съ отцемъ приняла широкіе размѣры: ни отецъ, ни сынъ не уступали. Отецъ требовалъ поступить въ кіевскую академію, сынъ не соглашался и настаивалъ на своемъ планѣ. Наконецъ, отецъ объявляетъ сыну, что лучше быть сельскимъ священникомъ, чѣмъ учиться въ медико-хирургической академіи. П—ль Д—чь соглашается на предложеніе отца, и они отправляются для выбора невѣсты. По пути заѣхали къ знакомымъ. П—ль Д—чь, подъ давленіемъ сознанія разбитыхъ намѣреній, не имѣя силъ оставаться въ веселомъ

¹⁾ А. Юркевичъ. „П. Д. Юркевичъ, проф. философіи“ въ „Гимназіи“ за 1888 г., кн. I, стр. 94.

обществѣ, вышелъ побродить по лѣсу, расположенному вблизи. По дорогѣ его поразила давно ему извѣстная малорусская пѣсня:

„Хлопче, молодче!
Съ карымы очыма,
Нащо тоби жинка,
Каминь за плечыма“...

При напряженномъ состояніи духа слова пѣсни произвела на Юркевича сильное впечатлѣніе. Онъ немедленно возвращается къ отцу и объявляетъ ему о своемъ согласіи ѣхать въ Кіевъ, въ академію. Объ этомъ происшествіи П—ль Д—чь в послѣдствіи часто любилъ вспоминать, постоянно выражая благодарность своему отцу, уже покойному, за то, что онъ своею настойчивостью предостерегъ сына отъ необдуманнаго шага ¹⁾.

Въ томъ же 1847 г. Юркевичъ поступаетъ въ кіевскую дух. академію, въ составъ XV курса ея воспитанниковъ (1847—1851 г.г.). Тутъ онъ скоро пріобрѣтаетъ репутацію одного изъ даровитѣйшихъ студентовъ. Теперь научныя симпатіи П—ла Д—ча опредѣляются окончательно: онъ съ увлеченіемъ принимается за изученіе философіи, которой неизмѣнно потомъ служитъ во всю остальную жизнь. Закончивши занятія своимъ любимымъ предметомъ, математикой ²⁾, Юркевичъ переходитъ къ философіи. Переходъ этотъ для духовнаго склада Юркевича былъ не только естественнымъ, но и необходимымъ. Развивши формальную сторону своего мышленія, П—ль Д—чь долженъ былъ перейти въ дальнѣйшемъ къ занятіямъ такимъ предметомъ, который наиболѣе живо и жизненно удовлетворялъ бы его умственнымъ привычкамъ. Такимъ предметомъ оказалась философія.

Въ то время философскіе предметы въ кіевской академіи были распределены между двумя кафедрами слѣдующимъ образомъ: проф. Д. В. Поспѣховъ читалъ психологію, логику, введеніе въ философію и теорію познанія; кафедру же исторіи философіи занималъ извѣстный въ исторіи философскаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 94. Срвн. Вл. С. Соловьевъ. „Три характеристики“ въ собр. соч., т. VIII, стр. 426.

²⁾ Въ то время въ программу академическихъ наукъ входило преподаваніе физики и математики. См., академическій аттестатъ въ Муз. Ркп. № 834.

образования въ Россіи проф. Сильв. Сильв. Гогоцкій, оставившій послѣ себя единственный въ своемъ родѣ четырехтомный трудъ подъ заглавіемъ: „Философскій лексиконъ“. Хотя въ послѣдствіи П—ль Д—чъ и выступилъ со всесторонней и глубокой критикой указаннаго труда и философскаго направленія своего учителя (гегельянства), но, думаемъ, именно проф. Гогоцкому П—ль Д—чъ обязанъ своими первыми успѣхами въ философіи. Хорошо владѣя нѣмецкимъ яз., Юркевичъ еще на студенческой скамьѣ изучалъ нѣмецкую философію по подлинникамъ ¹⁾. Судя по тому, что уже въ первомъ своемъ печатномъ трактатѣ „Идея“ Юркевичъ смѣло выступаетъ противъ ученія Канта о человѣческомъ духѣ, какъ сознаніи и только сознаніи, и высказываетъ свой, основной для всего его міровоззрѣнія, взглядъ на духъ, какъ на „реальную субстанцію, заключающую въ себѣ гораздо больше, нежели сколько можетъ войти въ сознаніе“ ²⁾, можно предположить, что первыя занятія въ философіи были отданы П—ломъ Д—чемъ системѣ Канта. Сохранилось свидѣтельство, что и въ послѣдствіи въ Московскомъ университетѣ Юркевичъ славился особенно своими лекціями о Кантѣ, въ которыхъ онъ исправлялъ многія неправильности, допущенныя Куно Фишеромъ въ изложеніи ученія этого философа ³⁾.

Въ іюнѣ 1851 г. Юркевичъ окончилъ курсъ Академіи въ числѣ лучшихъ ея воспитанниковъ и былъ оставленъ при ней для замѣщенія освобождавшейся въ это время каѳедры по исторіи философіи.

II.

Юркевичъ—проф. философіи въ Кіевской Академіи.—Характеристика его, какъ проф.—Первые литературные труды Юркевича по философіи.

Въ 1851 г. проф. С. Гогоцкій оставилъ каѳедру исторіи философіи въ академіи и перешелъ въ Кіевскій Универси-

¹⁾ Не располагая прямыми доказательствами въ пользу этой мысли, мы, однако, можемъ сослаться на повѣсть г. Левицкаго (Нечуя) „Хмари“, гдѣ проф. Дашковичъ (Юрковичъ),—воплощеніе живыхъ академическихъ преданій о П—лѣ Д—чѣ,—еще на студенческой скамьѣ изображается за усердными занятіями нѣмецкими философами См. соч. Левицкаго т. V, Кіевъ, 1908.

²⁾ „Идея“ напеч. въ ж. М. Н. Пр. за 1859 г., кн. 10, стр. 7; прим.

³⁾ „Московскія Вѣдомости“ за 1874 г. № 292. „Воспоминанія о П. Д. Юркевичѣ“ В. Лебедева, ученика его по московск. универс.

тетъ. Лучшаго преемника ему, чѣмъ П. Д. Юркевичъ, не нужно было искать, и потому весьма естественно, что выборъ академической конференціи остановился на П—лѣ Д—чѣ.

Съ 12 сент. 1851 г. оффициально началась профессорская служба Юркевича. Съ первыхъ-же шаговъ на новомъ трудномъ и отвѣтственномъ поприщѣ Юркевичъ обнаружилъ свои блестящія лекторскія способности, обширное знакомство съ философскими системами и свой глубокой критическій умъ. На первыхъ порахъ П—лѣ Д—чѣ пользовался исторіей философіи Зигварта, какъ пособіемъ, но потомъ лекціи его становились все самостоятельнѣе и лучше, а въ соотвѣтствіи съ этимъ постепенно выростаетъ и его профессорская репутація. Мы позволимъ себѣ привести здѣсь описаніе впечатлѣнія молодыхъ студентовъ отъ первой лекціи проф. Юркевича, заимствованное изъ повѣсти „Хмари“. „Молодые студенты, пріѣхавшіе со всѣхъ концовъ Россіи, пишетъ г. Левицкій,—уже слышали (о проф. Юркевичѣ), уже ожидали отъ него чего-то необычайнаго. Въ старомъ академическомъ корпусѣ съ темными окнами, съ черными партами въ аудиторіи (Юркевича) было полно студентовъ, которые частью сидѣли сплошными рядами за партами, частью большими группами стояли у входа, собравшись на лекцію съ другихъ курсовъ. (Юркевичъ) входилъ въ аудиторію, садился на кафедру и ни на кого не смотрѣлъ: глаза его уходили куда-то внутрь, гдѣ зарождались и зрѣли мысли. Въ глаза слушателей бросались только чистый широкій лобъ и наморщенные брови. Этотъ высокій лобъ замѣнялъ для слушателей глаза, такъ много на немъ обозначалось мыслей. Каждая легкая и тонкая морщина между бровей казалась тѣмъ мѣстомъ, гдѣ засѣла мысль и свѣтилась оттуда. Изрѣдка профессоръ подымалъ руку и какъ бы указывалъ на абстрактность мысли. Невозможно забыть впечатлѣнія на молодыхъ студентовъ отъ одной его репутаціи! Вотъ впервые обратились на лекцію молодые студенты и сидятъ рядами на скамьяхъ вокругъ аудиторіи, держа головы ровно, какъ бы подъ шнурокъ. (Юркевичъ) сказалъ первое слово, и всѣ ряды головъ какъ бы по электрическому току сразу наклонились впередъ, напрягая вниманіе. И въ теченіе всей лекціи держались такъ головы, ни одна не шевельнулась! Только карандаши быстро скользили по

бумагѣ. А мысль профессора лилась чистая, ясная, какъ кристаллъ. Не было ни одного лишняго слова, которое бы не гармонировало съ другими. Философская система, излагаемая въ это время, выливалась изъ его усть, какъ-бы изъ головы самого автора, такъ она была цѣльна, ясна, чиста, а не составлена изъ безсвязныхъ отрывковъ. И всегда не въ одну студенческую голову западалъ теплый лучъ свѣта и ясной мысли отъ его лекцій¹⁾. Лекціи Юркевича собирали вокругъ него не только академическое студенчество, но и университетское: студенты Кіевскаго университета, оставляя свои аудиторіи, спѣшили въ старый академическій корпусъ на лекцію П-ла Д-ча, чтобы послушать этого талантливаго профессора²⁾.

Широкая заслуженная извѣстность профессора и знатока философіи была прибрѣтена Юркевичемъ, не только благодаря выдающимся природнымъ его способностямъ, но и напряженнымъ неустаннымъ трудомъ. Свои лекціи Юркевичъ всегда произносилъ безъ тетрадки, наизусть. Оставшіеся послѣ П-ла Д-ча конспекты, которые онъ составлялъ предварительно для себя, знакомятъ насъ со способомъ подготовки его къ лекціямъ въ аудиторіи. Эти конспекты представляютъ собою строго логическое расположеніе основныхъ понятій и положеній, составлявшихъ содержаніе лекціи. Это т. ск. маршрутъ лекціи³⁾.

¹⁾ Ив. С. Левицкій (Нечуй). Собр. соч. т. V. Кіевъ 908 г., пов. „Хмари“, стр. 45.

²⁾ Христіанское чтеніе за 1874 г., ноябрь. Некрологъ, стр. 432.

³⁾ Приводимъ отрывокъ изъ конспекта лекцій подъ заглавіемъ „для исторіи философіи“, относящагося къ 1863—4 уч. г. „Лейбницъ.— А. Теорія познанія. а) Есть общія и необходимыя понятія. б) Или есть истины, которыхъ годность не зависитъ отъ опыта. в) Или есть истины, достовѣрность которыхъ изъ самага разума происходитъ. д) Опытъ только примѣръ, частное, индивидуальное. е) Но чего не доказываетъ одинъ примѣръ, того и два, и три, и тысяча... ф) Изъ того, что есть, было, было нѣсколько разъ,—не слѣдуетъ, что оно будетъ всегда, *должно быть*. г) Животныя.—Отличіе человѣка отъ животнаго. Человѣкъ знаетъ всеобщія и необходимыя истины. h) Но это не готовые познанія, а *dispositiones, virtualitates*; человѣкъ не есть готовый разумъ; онъ приходитъ къ нему подъ вліяніемъ опытовъ. i) Итакъ вообще—противоположность опытныхъ и умственныхъ познаній, историческихъ и метафизическихъ, какъ явленія и бытія“... и т. д.—Или вотъ—отрывокъ изъ конспекта лекціи „О реализмѣ и

Такой способъ подготовки къ изложенію научнаго матеріала съ кафедры свидѣтельствуесть объ обширныхъ познаніяхъ Юркевича, дававшихъ ему возможность быть полнымъ хозяиномъ въ специальности, и объ его необыкновенномъ трудолюбіи. Такъ трудиться, не покладая рукъ, могъ только тотъ, кто, какъ П—ль Д—чь, смотрѣлъ на философію, какъ на самую высокую и благородную форму служенія благу ближняго и человѣчества. „Философія, писалъ П—ль Д—чь,—есть *цѣлостное міровоззрѣніе*, она—дѣло не человѣка, а человѣчества... И если для философіи на ея высотѣхъ недоступна достовѣрность математическаго знанія, то взамѣнъ этого знаніе поддерживается здѣсь увѣренностью, которая рождается непосредственно изъ нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ стремленій и потребностей человѣческаго духа, или знаніе встрѣчается здѣсь съ *вѣрою*, которая въ исторіи науки есть дѣятель болѣе сильный, болѣе энергическій и болѣе существенный, нежели воображаетъ себѣ исключительная эмпірія“¹⁾...

Послѣ Юркевича остался дневникъ, въ большей своей части писанный на нѣмецкомъ яз., подъ заглавіемъ: *Gelegentliche Gedanken und Bemerkungen von allerlei Art*“ (Случайныя мысли и замѣтки разнаго рода).—охватывающій время со 2 февраля 1858 г. по 25 марта 1866 г.²⁾ Этотъ дневникъ вводитъ насъ въ самую интимную глубину духовной лабораторіи Юркевича. Это—не запись событій внѣшней жизни, личной или общественной; нѣтъ, здѣсь подъ каждымъ числомъ мѣсяца мы находимъ зарегистрированнымъ какое нибудь духовное, философское приобрѣтеніе П—ла Д—ча. Здѣсь встрѣчаются иногда оригинальнѣйшія и глубочайшія соображенія по поводу штудированныхъ книгъ, напр., разсужденія

номинализмъ“. „1. Реализмъ и номинализмъ. А. Недостатокъ въ различіи понятій. а) Опытъ *непосредственный*: цвѣтъ, тонъ, вкусъ. Тутъ общее есть непосредственное. Разные цвѣта, какъ чувство *одинаковаго* возбужденія одного органа. Слѣдов., *не potina*. б) Опытъ *посредственный*: сложные понятія дерева, человѣка. Эти понятія въ безконечномъ прогрессѣ. Кто не видалъ пальмы, тотъ въ понятіе дерева вноситъ представленіе *листьявъ*. Кто не знаетъ о существованіи негра, тотъ въ понятіи человѣкъ мыслить *благю* человѣка. Понятіе, какъ общее, есть *идеаль* и т. д. См. Муз. Ркп. № 818 б.

¹⁾ „Идея“ въ ж. М. Н. Пр. за 1859 г., кн. 11, стр. 125.

²⁾ См. Муз. Ркп. № 818 а и г.

о чувствѣ „ничто“—только по скромности автора названнаго „случайными замѣтками“.

Однако, внѣшняя жизнь Юркевича сложилась самымъ неблагопріятнымъ образомъ для его философскихъ занятій. Такъ, въ 1848 г. умираетъ отецъ Юркевича, оставивши на его попеченіе мать-вдову съ дѣтьми (десять душъ) при крайне скудныхъ средствахъ. Съ первыхъ же дней службы предстала предъ П—ломъ Д—чемъ тяжелая необходимость—время и силы, такъ нужны для научной дѣятельности, употреблять на борьбу съ бѣдностью. И П—ль Д—чь нашелъ въ себѣ силы добросовѣстно выполнить и свои обязанности по профессурѣ, и обязанности къ родной семьѣ, случайно легшія на его плечи. Братъ П—ла Даниловича, Андрей свидѣтельствуемъ, что если осиротѣвшее семейство отца не погибло подъ тяжестью бѣдности, то этимъ оно обязано заботамъ, хлопотамъ и помощи П—ла Д—ча.

Каковы были результаты работы Юркевича для аудиторіи, мы уже видѣли.

Академическое начальство высоко цѣнило способности Юркевича, его ученую дѣятельность, нравственный авторитетъ въ средѣ студенчества и старалось использовать ихъ и помимо философской каведры. Въ 1854 г. Юркевичъ получаетъ назначеніе на должность помощника инспектора академіи. Но, очевидно, совмѣстить эту хлопотливую службу съ прямыми обязанностями по профессурѣ П—лу Д—чу не удавалось, и въ 1857 г. онъ освобождается отъ должности помощника инспектора по прошенію. Въ томъ же году ему поручается преподаваніе студентамъ нѣмецкаго яз., которымъ, какъ мы видѣли, Юркевичъ владѣлъ въ совершенствѣ. Наконецъ, въ 1861 г. (19 мая) Юркевичъ до истеченія полнаго десятилѣтія профессорской службы въ академіи назначается ординарнымъ профессоромъ за „примѣрно-усердную службу, обширныя свѣдѣнія и отличное преподаваніе“¹⁾.

На эти-же годы падаетъ и начало литературной дѣятельности П—ла Д—ча. Эта дѣятельность съ первыхъ-же шаговъ была въ значительной степени интенсивна: начиная съ 1859 г., ежегодно на страницахъ спеціальныхъ журналовъ появляются одинъ за другимъ глубокіе, оригинальные по замыслу и интересные трактаты Юркевича.

¹⁾ См. Формулярный Списокъ Юркевича въ Муз. Ркп. № 834.

Первымъ изъ нихъ былъ трактатъ „Идея“¹⁾. Здѣсь на фонѣ исторической картины развитія идеалистическихъ системъ древней и новой философіи находимъ сжатое изложеніе основныхъ положеній онтологіи и отчасти гносеологіи проф. Юркевича. Изложивши въ исторической послѣдовательности и разобравши критически ученія объ идеѣ—Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Мальбранша, Лейбница, Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля,—П—ль Д—чь даетъ свое опредѣленіе идеи. Идея, по Юркевичу,—есть объективно-реальная разумная живая творящая сущность вещи, ея основа, норма и законъ развитія. Въ идеѣ постигается вещь въ ея отношеніи къ безусловной основѣ явленій. Идея—единство мышленія и бытія, познающаго и познаваемаго. Идея есть фактъ общечеловѣческаго сознанія, постулатъ религіозной, этической и эстетической жизни человѣчества, предпосылка всякой науки и главный предметъ философіи.—Исходя изъ такого опредѣленія идеи, Юркевичъ заканчиваетъ свой первый трактатъ указаніемъ философіи новыхъ путей и средствъ для выполненія ею своей основной задачи—понять и уяснить отношеніе міровыхъ вещей къ безусловной основѣ бытія.—Прежняя философія пыталась рѣшить свою задачу à priori. Опытное познаніе она изъясняла, какъ процессъ феноменологическій, который начинается въ области общаго смысла и оканчивается у преддверія истиннаго знанія. Какъ эмпиризмъ, подчиняя мышленіе внѣшнимъ явленіямъ вещей, не позволялъ ему вступить въ міръ сущностей и возвыситься до идеи; такъ прежній идеализмъ, подчиняя мысль идеѣ, абсолютному, надѣялся рѣшить задачу познанія, двигаясь внутри идеи и не выходя въ область внѣшняго опыта. Тамъ мысль находилась въ безконечномъ отдаленіи отъ истины; здѣсь—въ безконечной близости къ ней. Но стремленіе прежняго идеализма было-бы осуществимо въ томъ случаѣ, если-бы мы стояли въ центрѣ вселенной и могли наблюдать, по какому движенію идеи, по какой опредѣленной волѣ абсолютнаго возникаетъ жизнь въ мірѣ, происходятъ разнообразныя событія и явленія. Вѣроятно однако-же, что мы находимся не въ центрѣ вселенной; вѣроятно, что свѣтъ, идущій изъ высшаго міра, дѣй-

¹⁾ Нап. въ ж. М. Н. Пр. за 1859 г., ч. CIV, кн. 10—11, отд. II, стр. 1—35; 87—125.

ствуесть нанасъ лучемъ преломленнымъ. Поэтому мы должны уловлять, замѣчать и опредѣлять его движенія по той средѣ явленій, которая его преломила. Идею мы должны истолковать чрезъ явленія. Нашему познанію предлежитъ міръ, какъ данный, вымыслить или сочинить который мы не можемъ... Поэтому прежній идеализмъ, который надѣялся дать познаніе о существѣ міра изъ началъ и идей чистаго апріорнаго мышленія, не удовлетворяетъ болѣе нуждамъ и запросамъ живого и дѣятельнаго человѣческаго сознанія. Для философіи въ ея построеніяхъ, какъ и для всякой науки—нуженъ опытъ, наблюденіе и индукція. Философія нашего времени приходитъ къ заключенію, что схоластическое различіе знанія опытнаго и предопытнаго—à priori и à posteriori—не существенно, что эти противоположности суть члены одного недѣлимаго единства. Самыя отвлеченныя понятія нашего мышленія заключаютъ въ себѣ представленія, взятые изъ опыта, и обратно—непосредственное воззрѣніе имѣетъ единство, форму и необходимость, которыя составляютъ идеальный моментъ въ пониманіи. Это убѣжденіе современной философіи не есть благоразумная середина; оно есть результатъ дознанныхъ фактовъ внутренняго и внѣшняго опыта. Мы не приходимъ въ міръ съ готовымъ знаніемъ о мірѣ или о какой либо его части. Говорить о врожденныхъ идеяхъ въ этомъ смыслѣ не сообразно съ нашимъ ежедневнымъ опытомъ. Но и наша душа, какъ всякая вещь міра, имѣетъ опредѣленные законы и нормы, по которымъ она дѣйствуетъ и которые не входятъ въ душу совнѣ. Чтобы познать эти законы и нормы, мы снова нуждаемся въ опытѣ, наблюденіи и индукціи, ибо эти нормы принадлежатъ бытію души, а не ея позднѣйшему сознанію. Идеализмъ въ своей законной борьбѣ противъ эмпиризма забывалъ различіе между сознаніемъ, въ которомъ душа познаетъ дѣйствительность, данную ей во внутреннемъ и внѣшнемъ опытѣ, и субстанціальною душою, которой принадлежатъ ей одной свойственные законы и формы дѣйствительности. Подобнымъ образомъ и различіе между явленіемъ и вещью въ себѣ, по ученію современной философіи, есть не метафизическое, а гносеологическое, т. е. этимъ различіемъ опредѣляются разныя степени и совершенства нашего знанія и пониманія: познаніе явленія по мѣрѣ своего совер-

шенства становится познаниемъ сущности вещи. Это не значитъ, что наше познание сущности вещей станетъ когда либо полнымъ и совершеннымъ; но изъ предыдущаго слѣдуетъ, что если *идея* понимается, какъ разумная, единичная сущность вещи, то она *должна имѣть значеніе и феноменальное*. До опыта мы не можемъ имѣть знанія объ идеѣ: мы должны находить идею въ дѣйствительности, какъ нѣчто данное, положительное, открываемое и познаваемое. Мы не можемъ вмѣстѣ съ Гегелемъ сказать, что эта идея должна быть логическою, ибо мы не знаемъ, будетъ-ли она въ явленіяхъ міра „впечатлѣвать“ на насъ, какъ логическая, этическая или эстетическая... Но философія не можетъ ограничиваться отдѣльными идеальными моментами, познанными въ явленіяхъ міра, она должна свести ихъ къ единству начала. При выполненіи же этой своей задачи философія оставляетъ прочную область частныхъ изслѣдованій и поднимается на высоту *цѣлостнаго міровоззрѣнія*, куда частныя воззрѣнія и опыты достигаютъ только въ общемъ видѣ. Напрасно подавали-бы философіи добрый совѣтъ не подниматься на эту метафизическую высоту безусловной, божественной идеи. Чтобы стоять на одномъ уровнѣ съ обыкновеннымъ человѣческимъ сознаниемъ, она не можетъ заключиться въ границахъ частичнаго изслѣдованія и изъясненія опредѣленнаго круга явленій. Отсюда слѣдуетъ, что философія, какъ *цѣлостное міровоззрѣніе*, есть дѣло не отдѣльнаго человѣка, а цѣлаго человечества, которое никогда не живетъ отвлеченнымъ, чисто-логическимъ сознаниемъ, но стремится раскрыть свою *духовную жизнь во всей полнотѣ ея религиозныхъ, интеллектуальныхъ, этическихъ и эстетическихъ моментовъ* ¹⁾.

Мы подробно изложили заключительныя разсужденія Юркевича въ его трактатѣ „Идея“ потому, что считаемъ эти разсужденія имѣющими кардинальное значеніе какъ для уясненія всего міровоззрѣнія Юркевича, такъ и для рѣшенія вопроса о значеніи и роли его въ исторіи возникновенія *русскаго* опытнаго, или „конкретнаго идеализма“. Въ этихъ разсужденіяхъ мы находимъ всѣ основныя мысли, которыя потомъ съ такою глубиной и талантомъ развилъ ученикъ

¹⁾ См. „Идея“ въ Ж. М. Н. Пр. за 1859 г., кн. 11, стр. 118—125.

проф. Юркевича, незабвенный Вл. С. Соловьевъ, почитаемый основатель школы русскаго „конкретнаго идеализма“ въ философіи.

Въ слѣдующемъ 1860 году Юркевичъ напечаталъ три трактата: „Материализмъ и задачи философіи“¹⁾, „Сердце и его значеніе въ духовной жизни человѣка по ученію Слова Божія“²⁾ и „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“³⁾. Всѣ они представляютъ собою дальнѣйшее развитіе и обоснованіе тѣхъ положеній, которыя П—ль Д—чъ высказалъ въ трактатѣ „Идея“.

На основаніи критической оцѣнки системъ абсолютнаго идеализма въ „Идеѣ“, Юркевичъ пришелъ къ мысли о необходимости для новѣйшей философіи „опыта, наблюденія и индукціи“. Въ своемъ трактатѣ: „Материализмъ и задачи философіи“, онъ развиваетъ мысли, что въ появленіи философскаго материализма XIX в. уже не теорія, а сама жизнь предъявляетъ философіи требованіе стать на почву опыта. Новѣйшій философскій материализмъ не есть явленіе новое въ исторіи человѣческой мысли: онъ существовалъ въ древнемъ мірѣ и въ XVIII в. Но у него есть существенное отличіе отъ прежнихъ системъ материализма. Въ то время, какъ древне-греческій материализмъ старался дать *успокоеніе* разочарованному въ бесплодныхъ поискахъ за истиной греческому духу, а материализмъ XVIII в. воплощалъ въ себѣ *протестъ* противъ какого-бы то ни было авторитета въ самомъ его принципѣ;—новѣйшій материализмъ выражаетъ собою стремленіе человѣка къ *абсолютному знанію* и пытается достигнуть этого знанія *инымъ* путемъ, чѣмъ современная ему философія. Исторія новой философіи свидѣтельствуетъ о большей или меньшей *связи* философіи съ успѣхами естествознанія. И вотъ, въ то время какъ естествознаніе въ новое время достигло могущественнаго развитія и огромныхъ результатовъ,—новая философія въ двухъ наиболѣе развитыхъ метафизическихъ системахъ: картезіанствѣ и гегельянствѣ, считаетъ это естествознаніе *внѣ области истины*. Что оставалось дѣлать наукѣ опыта, гордой своими силами и проникнутой чувствомъ реальности, какъ не попытаться построить метафи-

1) „Ж. М. Н. Пр.“ за 1860 г., ч. CVIII, кн. 10, отд. II, стр. 1—53.

2) Труды Кіевск. д. Акад.“ за 1860 г., кн. 1, стр. 63—118.

3) Труды Кіевск. д. Акад.“ за 1860 г., кн. 4, стр. 366—511.

зическое міросозерцаніе по тѣмъ методамъ и приемамъ, которыми она пользуется при изъясненіи явленій, какъ таковыхъ. Такимъ образомъ, философія своимъ игнорированіемъ успѣховъ естествознанія какъ бы намѣренно вызывала его на материалистическую дорогу.

Но матеріализмъ, отрицая метафизику, заимствуетъ, однако, отъ нея проблемы и рѣшаетъ ихъ средствами физики. Отсюда матеріализмъ превращается въ *абсолютную физику*. Это—первый, коренной грѣхъ матеріализма, изъ котораго съ логической необходимостью вытекаютъ всѣ остальные его погрѣшности. Далѣе Юркевичъ подвергаетъ остроумной критикѣ всѣ основные выводы матеріализма и показываетъ ихъ философскую несостоятельность.

Однако считать матеріализмъ признакомъ упадка философскаго духа новѣйшаго времени, какъ это дѣлаютъ многіе, по мнѣнію Юркевича,—несправедливо. Послѣднимъ словомъ о матеріализмѣ будетъ слѣдующее. Какъ система философіи, онъ имѣетъ ту заслугу предъ человѣческимъ знаніемъ, что обращаетъ вниманіе и оцѣниваетъ такіе факты, которые не могли быть ни найдены, ни оцѣнены философіей абсолютнаго идеализма. Свои изслѣдованія матеріализмъ всегда совершалъ на почвѣ физики. Отсюда *расширеніе физики, какъ науки*, далѣе тѣхъ узкихъ границъ, внутри которыхъ она была разрабатываема естествоиспытателями, составляетъ ту заслугу матеріализма, изъ которой легко могутъ быть выводимы и другія его заслуги. Идея же *абсолютной физики* составляетъ тотъ основной его недостатокъ, изъ котораго объяснимы всѣ остальные.

Новѣйшая философія становится *реалистической*: безусловное и реальное для нея не суть понятія тождественныя, но въ срединѣ между явленіемъ и его безусловнымъ содержаніемъ она признаетъ „вещь въ себѣ“, *признаетъ подлинное бытіе и тамъ, гдѣ еще нѣтъ бытія безусловнаго*. Въ этой философіи особое примѣненіе имѣетъ и законъ причинности, одинъ изъ основныхъ законовъ естествознанія. Въ причинахъ не заключается дѣйствіе аналитически, или непосредственно. Требуется *условіе*, которое-бы сообщило совершенно внѣшнимъ и для всякаго частнаго случая общимъ обстоятельствамъ *значеніе причины*, чтобы эти обстоятельства, подчиняясь общимъ законамъ, могли произвести это своеобраз-

ное съ неуловимыми для мышленія индивидуальными отличіями дѣйствіе. Такое условіе заключается въ понятіи *реальнаго*, которое полагается мышленіемъ постепенно и тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ выше поднимается наше наблюденіе отъ монотонныхъ движеній механической природы до явленій организма и душевной жизни. Когда даны причины, то приходится поджидать, пока они вызовутъ дѣйствіе въ опредѣленномъ предметѣ, который испытываетъ это вліяніе. Слѣдов., изъ разсмотрѣнія причинъ мы не можемъ построить *à priori* будущія ихъ дѣйствія или послѣдствія; но должны поступать *эмпирически*, наблюдая и открывая факты и явленія, какъ это дѣлаетъ естествознаніе. Вотъ въ какомъ смыслѣ новѣйшая философія принимаетъ принципъ причинности; въ этомъ смыслѣ онъ не могъ имѣть мѣста ни въ философіи картезіанской, ни въ философіи послѣдующаго идеализма. Поэтому нужно ожидать, что для новѣйшей философіи будутъ имѣть свое значеніе и тѣ факты, или вѣрнѣе говоря, тотъ методъ естествознанія, которымъ доселѣ пользовался матеріализмъ. Со своими логически необходимыми поправками и ограниченіями онъ входитъ въ новѣйшую философію, какъ положительный моментъ въ ея реалистическомъ развитіи ¹⁾.

„Сердце и его значеніе“... представляетъ собою трактатъ по библейской психологіи. Подвергнувши анализу множество мѣстъ Св. Писанія В. и Н. Завѣтовъ, Юркевичъ констатируетъ слѣдующій, общій всѣмъ священнымъ писателямъ, взглядъ на человѣческій духъ. Духовное существо человѣка не исчерпывается сознаніемъ и мышленіемъ, которыя являются только функціями его. Священные писатели, всѣ согласно,—усматриваютъ *въ сердцѣ* тотъ существеннѣйшій физическій органъ, черезъ который проявляются „всѣ силы, отправленія, движенія, желанія, чувствованія и мысли человѣка со всѣми ихъ оттѣнками и направленіями“. Богодуховеннымъ авторамъ извѣстно и высокое значеніе человѣческой „головы“ для духовной жизни; но *средоточіемъ* этой жизни они все же считаютъ *сердце*. „Голова“ по ихъ взгляду,—имѣетъ значеніе „посредствующаго органа между

¹⁾ См. „Матеріализмъ и задачи фил—фіи“ въ Ж. М. Н. Пр. за 1860 г., кн. 10, стр. 49—53.

цѣлостнымъ существомъ души и тѣми вліянiями, какія она испытываетъ *совнѣ* или *свыше*“. Этотъ библейскій взглядъ носитъ на себѣ печать опредѣленности, ясности и всѣ признаки сознательной убѣжденности въ немъ священныхъ авторовъ, по наблюденію П—ла Д—ча. Этотъ же взглядъ онъ принимаетъ въ качествѣ основного и въ свою онтологію и гносеологію. На этомъ взглядѣ покоятся и изъ него вытекаютъ надежды Юркевича на возможность примирить вѣру съ знаніемъ, науку съ религіей, указать всю ошибочность и односторонность гносеологической теоріи Канта (и новой философіи) и указать новые пути для философіи.

Такимъ образомъ, Юркевичъ въ этомъ трактатѣ прямо и опредѣленно призналъ за Божественнымъ Откровеніемъ значеніе правоспособнаго источника для философскаго познанія и философскихъ построеній ¹⁾).

Къ началу 1861 г. Юркевичъ закончилъ и передалъ въ редакцію академическаго журнала свой критическій разборъ двухъ томовъ (I и II) „Философскаго Лексикона“ проф. С. Гогоцкаго. Судя по обширности матеріала, подлежавашаго разбору, этотъ новый трудъ П—ла Д—ча долженъ былъ быть весьма обширныхъ размѣровъ. Но редакція „Трудовъ Кіевск. Акад.“ нашла возможнымъ напечатать, „сообразно съ назначеніемъ журнала, только тѣ *отрывки* изъ обширнаго сочиненія, которые, при своемъ философскомъ содержаніи, представляли еще и интересъ для богослова“. Такимъ образомъ, большая часть этого интереснаго труда П—ла Д—ча не увидѣла свѣта. Къ великому сожалѣнію, намъ не удалось найти ее и среди рукописей Юркевича, хранящихся въ библиотекѣ Академіи: вѣроятно, она пропала въ редакціи „Трудовъ“.

„Отрывки“ сведены въ двѣ статьи: „По поводу статей богословскаго содержанія, помѣщенныхъ въ философскомъ лексиконѣ“ ²⁾ и „Доказательства бытія Божія“ ³⁾. Они представляютъ высокій богословско-философскій интересъ.

¹⁾ О трактатѣ „Изъ науки о человѣческомъ духѣ“ рѣчь будетъ въ слѣдующей (3) главѣ очерка.

²⁾ „Труды Кіевск. д. Акад.“ за 1861 г., кн. 1—2, стр. 73—95; 195—228.

³⁾ „Труды Кіевск. д. Акад.“ за 1861 г., кн. 3—5, стр. 327—357; 467—496; 80—64.

Въ первую статью вошло три отрывка: „Аскетизмъ; „Богъ“ и „Вѣра“.

Дохристіанская религіозная исторія человѣчества знаетъ два вида аскетизма: восточный и греческій. На Востокѣ, говоритъ Юркевичъ,—аскетизмъ направлялся, да и теперь направляется, на уничтоженіе личности въ человѣкѣ, въ Греціи—на ея возстановленіе. И это понятно: для восточныхъ религій *личность*, личное, сознательное существованіе—зло и источникъ зла, а не матерія, какъ утверждаетъ авторъ Лексикона (проф. С. Гогоцкій). Матерія-же, по восточнымъ возрѣніямъ, есть призракъ, Майя, нѣчто несуществующее, призрачное, обязанное своимъ существованіемъ *обольщеніямъ* личности человѣческой. Уничтожьте эту личность, и на мѣстѣ матеріи будетъ одинъ невидимый, необозримый, вѣчный океанъ духа, въ который разрѣшается всякая жизнь, частная, отдѣльная, личная, сознательная. Но если личность—зло, то и рожденіе, какъ начало сознательнаго существованія, также есть зло. Отсюда восточный аскетизмъ есть борьба не только противъ тѣла, но и противъ *всецѣлаго* существованія человѣка. Такова философская основа этого вида аскетизма.—Въ прямую противоположность ученію браманизма Платонъ училъ, что „рожденіе есть дѣло Божіе“, что оно „есть вѣчное и божественное, доступное смертному“. Отсюда греческая мѣологія и философія сами собою вели къ аскетизму, какъ борьбѣ за возстановленіе и возвышеніе личности, за ея освобожденіе и независимость отъ всѣхъ внѣшнихъ силъ и вліяній. Здѣсь мы видимъ замѣчательный шагъ впередъ въ исторіи борьбы человѣка съ внѣшними силами за свои права, за свои личные убѣжденія, за свободу совѣсти и разума. Эта борьба продолжается и до настоящаго времени и составляетъ центральное явленіе въ жизни историческихъ народовъ. Но греческій аскетъ былъ убѣжденъ, что окружающій его міръ, какъ арена дѣятельности, способенъ состарѣваться, дряхлѣть, и что въ эту эпоху онъ уже не можетъ быть поприщемъ духа. Поэтому очень естественно, что греческій аскетизмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи слился съ аскетизмомъ восточнымъ въ неоплатонизмъ и въ гностическихъ сектахъ.

Христіанскій аскетъ, рассуждаетъ дальше П—ль Д—чь, сознавая свое призваніе, можетъ смотрѣть на свое дѣло и задачу человѣчества взоромъ яснымъ, исполненнымъ любви

и надежды. Онъ трудится для утвержденія Царства Божія на землѣ. Человѣческія отношенія, развивающіяся на землѣ, онъ не считаетъ чѣмъ-то, аномальнымъ, они способны принимать въ себя „Царство Божіе“. Его не оставляетъ надежда, что общество и человѣчество, при самыхъ крайнихъ уклоненіяхъ отъ пути правильнаго развитія, могутъ возрождаться божественной идеей, и что достиженію этой цѣли можетъ содѣйствовать энергическая воля аскета, какъ частнаго человѣка.—Христіанскій аскетизмъ есть необходимый моментъ вообще въ нравственномъ развитіи человѣческой личности. Какъ наши воззрѣнія не всѣ входятъ въ понятія, потому что многія изъ нихъ оказываются случайными, не выражающими существа предмета, какъ поэтому мышленію необходимо сопровождается отрицаніемъ; такъ и наши влеченія, привычки и наклонности не всѣ могутъ входить въ нравственную задачу человѣка. Какъ только мы рѣшаемся слѣдовать болѣе достойному и высшему правилу, чѣмъ правило: „повинуйся обстоятельствамъ“,—мы уже не можемъ уклониться отъ аскетизма, аскетической борьбы съ внѣшними и внутренними обстоятельствами, которыя противорѣчатъ этому правилу.—Если аскетизмъ называютъ „пустою абстракціей“, то это относится къ аскетизму; преслѣдующему отрицательныя задачи: бѣги отъ міра, стремись къ безстрастію, погашай желанія, чтобы достигнуть покоя (квіэтизмъ); это относится къ аскетизму, для котораго борьба съ чувственностью есть *цѣль* сама по себѣ, а не *средство* къ цѣли. Наконецъ, это относится къ мелочному самонаблюденію, которое мѣшаетъ человѣку направить свои силы на дѣло, на плодотворный подвигъ, и дѣлаетъ его мнительнымъ, нравственно-робкимъ, нравственнымъ скептикомъ.—Таковы разсужденія Юркевича въ защиту нравственнаго достоинства христіанскаго аскетизма.

Въ „отрывкахъ“: „Богъ“ и „Вѣра“,—Юркевичъ нападаетъ на тѣхъ философовъ, которые „обращаются съ этими вѣчными предметами, какъ съ трупомъ, разсѣкаютъ ихъ анатомическимъ ножомъ мысли, спорятъ, трактуютъ“, забывая, что въ этихъ вопросахъ „тѣсно сходятся и интересы жизни“ и что „живыя нужды сердца“ также имѣютъ свое значеніе и „права предъ выводами отвлеченной мысли“. Въ этомъ особенно повиненъ Гегель, которому слѣдуетъ и авторъ „Лексикона“ проф. Гогоцкій.

„Доказательства бытія Божія“ представляютъ собою непосредственное продолженіе только что разсмотрѣнныхъ нами отрывковъ, но отличаются *положительнымъ* характеромъ изложенія. Юркевичъ какъ-бы уставши слѣдить за рабскимъ подчиненіемъ Гогоцкаго въ его разсужденіяхъ Гегелю, ставитъ себѣ задачу—„коротко и ясно показать научное достоинство такъ наз. доказательствъ бытія Божія“.

Сначала П—ль Д—чь защищаетъ научное достоинство доказательствъ противъ Канта и высказываетъ свое въ высшей степени важное гносеологическое положеніе, что „человѣчскій духъ не есть машина, вырабатывающая умозаключенія, и только этимъ механическимъ приемомъ отдѣляющая истину отъ заблужденія“, и что „какъ личность живая и самосознательная, этотъ духъ *внутренно уловляетъ истину*“,—а потомъ излагаетъ самыя доказательства бытія Божія въ порядкѣ ихъ возрастающей логической значимости и религіозной цѣнности.

Логическая структура доказательствъ, говоритъ Юркевичъ,—такова, что они суть доказательства *непрямыхъ*, т. е. доказываютъ положеніе не иначе, какъ путемъ отверженія своей противоположности. При этомъ доказательства: космологическое, физико-телеологическое и нравственное (въ одномъ своемъ видѣ), развиваются по закону достаточнаго основанія, нравственное-же (въ другомъ своемъ видѣ) и онтологическое—по закону тождества¹⁾. Ни одно изъ доказательствъ, отдѣльно, само по себѣ взятое, не въ состояніи доказать бытіе Бога, какъ всесовершеннѣйшей Личности; этой цѣли они достигаютъ только взятыя *вмѣстѣ*.

Такъ, космологическое доказательство, смотря по тому, разсматриваетъ-ли оно міръ явленій, какъ систему *вещей, субстанцій*, или же какъ систему *измѣненій*,—заключаетъ, въ первомъ случаѣ, отъ случайнаго бытія вещей къ бытію безусловно-необходимому, во-второмъ,—отъ причинъ условныхъ къ причинѣ безусловной. Но есть-ли это безусловное бытіе, безусловная причина существо разумное, лично-свободное и самосознающее,—это вопросы, на которые отвѣта нужно искать въ другихъ доказательствахъ.—Физико-телеологическое доказательство отъ наличности въ мірѣ цѣлесообразности, стройности и красоты заключаетъ къ бытію бе-

¹⁾ Историческое доказательство игнорируется Юркевичемъ, какъ и Кантомъ, какъ не имѣющее никакого научнаго достоинства.

зусловной причины, какъ *разума*, мысли, того, по силѣ чего вещи не просто существуютъ, но еще и оправдываютъ свое существованіе.

Цѣлесообразное устройство міра, по убѣжденію Юркевича,—имѣетъ могущественную опору въ эстетическихъ и нравственныхъ идеяхъ человѣческаго духа. Вслѣдствіе наличности въ немъ этихъ идей человѣкъ навсегда останется нравственнымъ и эстетическимъ истолкователемъ механической природы. Если-бы природа была только мертвымъ механизмомъ, то эстетическія идеи должны были-бы исчезнуть изъ сознанія человѣка, какъ исчезаетъ призракъ при взглядѣ на самую вещь. То же должно сказать и о нравственныхъ идеяхъ. Онѣ потеряли-бы всякій смыслъ, еслибы міръ представлялъ систему вещей, не оправдывающую себя высшею мыслию и цѣлію.

Оставляя физ.-телеологическое доказательство, Юркевичъ рѣшаетъ весьма интересный вопросъ о такъ называемой естественной религіи. Разобравши критически теоріи, производящія религію изъ *страха* предъ грозными явленіями природы, изъ *самолюбія* человѣка, заставляющаго его почитать Бога изъ-за пользы или счастья, изъ чувства *зависимости* отъ окружающей природы,—П—ль Д—чь говоритъ, что всѣ перечисленные эмпирическіе мотивы играли роль въ развитіи религіознаго чувства, но что должна быть указана граница, дальше которой значеніе ихъ *не* простирается. Человѣкъ есть человѣкъ: въ его душѣ есть зачатки и предрасположенія къ вѣрѣ въ невидимое и вѣчное. Но разныя эмпирическія условія, которыя должны воспитывать эти зачатки и предрасположенія до ихъ естественнаго совершенства, въ силу нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ сочетаній вызываютъ болѣзненные уклоненія въ ростѣ религіознаго сознанія человѣка. Однако это не можетъ измѣнить истиннаго взгляда на происхожденіе религіи, какъ существованіе идіотовъ и кретинновъ нисколько не измѣняетъ нашихъ понятій о человѣкѣ и его естественномъ совершенствѣ. Однако и въ языческихъ религіяхъ мы находимъ богатство дѣйствительныхъ религіозныхъ переживаній и высокихъ созерцаній. Откуда-же они? Въ человѣкѣ живетъ неискоренимая потребность и стремленіе къ идеалу. Всѣ же идеалы тѣсно связаны съ цѣлесообразнымъ разсмотрѣніемъ этого міра. Итакъ, цѣлесообразность въ мірѣ есть ближайшее основаніе,

изъ котораго, по мнѣнію Юркевича, происходитъ естественная религія. Если, по ученію Канта, представленіе цѣлесообразности въ устройствѣ міра является вспомогательнымъ и руководящимъ понятіемъ въ наукѣ, то, по мнѣнію Юркевича, ту-же самую роль это понятіе играетъ и въ области религіи.

Переходя къ формулировкамъ нравственнаго доказательства, П—ль Д—чь прежде всего констатируетъ его тѣсную связь съ доказательствомъ физ.-телеологическимъ. Какъ всѣ міровыя вещи суть необходимые и безсознательные органы божественной воли и цѣлей, такъ человѣкъ есть органъ той-же воли и цѣлей—свободный и сознательный. Первая мысль лежитъ въ основаніи физ.-телеологическаго доказательства, послѣдняя—нравственнаго. Отъ наличности въ себѣ нравственнаго закона и совѣсти съ ея оправдывающими функціями, равно какъ отъ сознанія своихъ стремленій къ верховному благу, какъ единству нравственнаго совершенства и счастья,—человѣкъ одинаково умозаключаетъ къ бытію безусловной Личности, какъ верховнаго Законодателя и Судии. Такимъ образомъ, доказательства космологическое, физико-телеологическое и нравственное, дополняя одно другое, способны привести мысль человѣка къ признанію бытія Бога, какъ безусловной и всесовершеннѣйшей Личности, премудрой и святой.

Какую-же задачу преслѣдуетъ доказательство онтологическое?—спрашиваетъ, наконецъ, Юркевичъ. Оно хочетъ ни больше, ни меньше, какъ пресѣчь всякую возможность сомнѣваться въ бытіи Божіемъ, т. е. доказать бытіе Его съ такою-же несомнѣнностью, какъ несомнѣнны математическія положенія, что дважды—два = четыре, что сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ и т. д. Положеніе „Богъ существуетъ“,—въ онтологическомъ доказательствѣ признается *аналитическимъ*, т. е. такимъ, въ которомъ предикатъ: существуетъ, съ безусловной необходимостью и очевидностью вытекаетъ изъ субъекта: Богъ. Задача, поставленная себѣ этимъ доказательствомъ, говоритъ Юркевичъ,—*необыкновенная*. Въ самой простой формѣ оно впервые появилось у Анзельма Кентерберійскаго, у него же приняло два направленія и имѣло большое вліяніе на судьбу картезіанской и лейбниціанской философіи. По Анзельму всесовершеннѣйшее Существо не можетъ существовать только

въ мысли, потому что существующее въ мысли и въ дѣйствительности совершеннѣе того, что существуетъ только въ мысли. Итакъ, Богъ, какъ всесовершеннѣйшее Существо, существуетъ въ дѣйствительности: изъ идеи Бога, Существа всесовершеннѣйшаго, необходимо, непосредственно и аналитически вытекаетъ бытiе Его. „Essentia Dei involvit ejus existentiam“. Декартъ возражалъ Анзельму, что его доказательство не достигаетъ своей цѣли: изъ него не то слѣдуетъ, что Богъ *дѣйствительно* существуетъ, а только то, что я *долженъ представлять* Бога существующимъ, потому что одного этого достаточно, чтобы моя мысль о всесовершеннѣйшемъ существѣ была свободна отъ внутренняго противорѣчiя. Декартъ устраняетъ это затрудненiе тѣмъ, что поставляетъ процессы мысли въ рѣшительную зависимость отъ процессовъ бытiя: идея (idea) имѣетъ свою достаточную причину въ предметѣ, ей соотвѣтствующемъ (ideatum). Отсюда слѣдуетъ, что мышление, развивающееся въ ясныхъ и раздѣльныхъ формахъ, утверждаетъ нѣчто о предметѣ не по своей субъективной психической необходимости, а по природѣ самаго предмета, производящаго данную идею. Переходъ отъ мысли къ дѣйствительности, который такъ затруднялся найти Анзельмъ, казалось — былъ найденъ Декартомъ. Изъ этого положенiя, что бытiе Бога не отдѣлимо отъ Его сущности, Спиноза извлекъ ближайшее заключенiе, что мы не имѣемъ права приписывать бытiе конечнымъ вещамъ. Такимъ образомъ, онтологическое доказательство привело къ результатамъ, которыхъ не могъ предвидѣть благочестивый Анзельмъ: оно, доказывало слишкомъ много, не только то, что Богъ *есть*, но и то, что *есть только* Богъ.— Декартъ, сознавая, что его доказательство отличается отъ Анзельмова не столько по существу, сколько по тому значенiю, какое въ немъ придано мышленiю вообще,—внесъ въ послѣдствiи въ него представленiе о *causa sui* и вывелъ бытiе Бога не изъ идеи всесовершеннѣйшаго Существа, а изъ идеи Его всемогущества. Но Спиноза и эту мысль Декарта развилъ съ безстрашной послѣдовательностiю, до ея логическаго конца, что безконечное полагаетъ къ бытiю только безконечное и, что, слѣдовательно, творенiе Богомъ конечныхъ вещей не мыслимо и невозможно. Такъ простая мысль Анзельма легла въ основанiе самыхъ смѣлыхъ и глубокихъ теорiй метафизики. Легко видѣть также, что и *теорiя*

о совершенствѣ нашего богопознанія вытекла изъ онтологическаго доказательства.

Философы потратили много силъ и остроумія на развитіе онтологическаго доказательства, однако легко убѣдиться, что оно—плодъ искусственной католической мысли, не могущей выдержать суда строгой и здоровой логики. Что обозначаютъ выраженія: Богъ есть *causa sui, ejus à se, ipse se ipso prior*? Въ нихъ такъ-же мало смысла, какъ и въ выраженіяхъ: тяжесть тянетъ саму себя, вода поитъ саму себя и т. д.

Итакъ, заканчиваетъ Юркевичъ свои разсужденія,—бытіе не можетъ быть выводимо *аналитически* изъ понятія о томъ, какую сумму совершенствъ имѣетъ данный предметъ. Равнымъ образомъ и изъ чистой мысли о совершенствахъ предмета мы не можемъ удостовѣриться въ его дѣйствительномъ бытіи. Для достиженія этой цѣли необходимо перейти въ область опыта и воззрѣнія и удостовѣриться въ бытіи предмета или непосредственно или при посредствѣ соображеній и умозаключеній изъ *данныхъ опыта*. Всѣ доказательства, кромѣ онтологическаго, дѣйствительно и развиваются именно на этой свѣтлой почвѣ опытовъ и потому имѣютъ значеніе и достоинство не только для школы, но и *для жизни*. Недаромъ и изобрѣтены они не схоластическимъ докторомъ, а были извѣстны всегда и вездѣ, гдѣ только были люди, вѣрующіе въ Бога ¹⁾.

Въ томъ-же 1861 г. Юркевичъ напечаталъ еще небольшую церковную рѣчь подъ заглавіемъ: „Миръ съ ближними, какъ условіе христіанскаго общежитія“ ²⁾, представляющую собою небольшой трактатъ по христіанской социологіи и интересную для насъ, какъ показатель того, насколько П—лу Д—чу были близки и практическіе вопросы христіанскаго общежитія.

Мы намѣренно надолго остановились на воспроизведеніи основныхъ понятій и отдѣльных, наиболѣе характерныхъ, по нашему мнѣнію, мѣстъ изъ первыхъ философскихъ произведеній Юркевича. Хотѣлось дать возможно болѣе объективное представленіе о приемахъ и источникахъ философствованія П—ла Д—ча, а также обозначить направленіе и характеръ его. Это былъ религіозный философъ, идеалистъ—

¹⁾ См. Тр. К. д. Ак. за 1861 г., кн. 5, стр. 46—56; 61—64.

²⁾ Труды К. д. Ак. за 1861 г., кн. 3, стр. 316—326.

эмпирикъ, съ большимъ философскимъ діапазономъ, тонкій аналитикъ, выработывавшій свои основныя понятія на основѣ всѣхъ существенныхъ проявленій человѣческаго духа. Ему одинаково были дороги и религія, и философія, и наука, и повседневная жизнь; его интересовало и сознаніе научно-развитое, и сознаніе наивно-простое; вездѣ онъ находилъ опоры для своего идеализма.

Вполнѣ естественно, что вокругъ Юркевича въ академіи создавалась атмосфера любви и уваженія, какъ нельзя болѣе благопріятствовавшая дальнѣйшему раскрытію философскихъ силъ П—ла Д—ча. Можно утверждать, что если-бы Юркевичъ оставался и дальше въ созданной имъ обстановкѣ, мы обладали-бы его глубокимъ и оригинальнымъ міровоззрѣніемъ въ болѣе раскрытомъ и систематизированномъ видѣ.

Но въ жизни П—ла Д—ча совершилось въ это время событіе, кореннымъ образомъ измѣнившее ея обстановку. Изъ скромнаго профессора провинціальной академіи онъ дѣлается профессоромъ лучшаго въ Россіи столичнаго Университета. Его аудиторія, каждый слушатель которой былъ духовно близокъ и сроденъ ему, расширяется до предѣловъ чуть-ли не всей тогдашней образованной Россіи ¹⁾. И если въ той аудиторіи ему внимали съ сочувствіемъ, любовью и благоговѣніемъ; то здѣсь часто слушаютъ съ единственной цѣлью, чтобы выхватить изъ рѣчи одно слово, одну фразу, и, извративши ихъ, зло и грубо посмѣяться и оскорбить.

Причиной такой перемѣны въ жизни Юркевича было его выступленіе съ критикой матеріализма.

Свящ. Александръ Ходзицкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Впрочемъ, мы имѣемъ основаніе утверждать, что и въ Кіевской періодъ жизни Юркевича его вліяніе далеко выходило изъ рамокъ академической семьи. Одинъ доселѣ здравствующій почтенный сельскій протоіерей (Ае. Н. Недѣльскій, авторъ извѣстнаго въ свое время труда по Пасторологіи подъ заглавіемъ: „Братскій совѣтъ новорукположенію іерею“), современникъ славы Юркевича въ бытность его профессоромъ Кіевской Академіи,—свидѣтельствуетъ, что почитатели его изъ сельскаго духовенства неустанно слѣдили за его литературной дѣятельностью и нѣкоторыя мѣста изъ его философскихъ сочиненій даже *заучивали наизусть*.—Сообщено въ личной бесѣдѣ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

30 Сентября

№ 18

1914 года.

Содержаніе. Предложеніе Его Высокопреосвященства духовенству.—
Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Рапортъ Харь-
ковскаго Епархіальнаго миссіонера, протоіерея Константина Сели-
вановскаго.—Епархіальныя извѣщенія.

I.

Предложеніе Его Высокопреосвященства духо- венству.

„Предлагаю духовенству тѣхъ мѣстностей, гдѣ есть лазареты и раненые, непременно, хотя разъ въ седмицу, служить всенощную или вечерню или молебны для больных“.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семи- наріи.

Симъ доводится до свѣдѣнія родителей и опекуновъ воспитанниковъ Семинаріи, что Правленіемъ Харьковской Духовной Семинаріи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства, постановлено съ начала 1914—1915 уч. года взыскивать съ своекоштныхъ воспитанниковъ, пользующихся учебниками изъ фундаментальной бібліотеки, по *пяти* рублей въ годъ, въ видахъ обезпеченія воспитанниковъ по возможности всѣми учебными руководствами.

Рапортъ Харьковскаго Епархіальнаго миссіо- нера, протоіерея Константина Селивановскаго.

Въ началѣ сего Сентября мною, совмѣстно съ помощниками—о. Сулимою и о. Лядскимъ, были проведены курсы въ г. Старобѣльскѣ и слободѣ Бѣловодскѣ, Старобѣльскаго уѣзда. Курсовыя занятія происходили въ залѣ съѣзда земскихъ начальниковъ и одно собраніе было въ залѣ городской Управы. Слушателей на курсахъ было: 56 свящ., 14 діаконѣвъ и 21 псаломщикъ и, кромѣ того, предсѣдатель уѣзднаго отдѣленія, прот. Гавріилъ Поповъ и уѣздный наблюдатель, свящ.

Павелъ Мухинъ, всего 93 человекъ. Духовенство относилось къ курсовымъ занятіямъ съ полнымъ вниманіемъ и похвальнымъ усердіемъ, и это тѣмъ отраднѣе, что сектантство въ Старобѣльскомъ уѣздѣ не занимаетъ угрожающаго положенія. Лекціи сопровождались примѣрными собесѣдованіями между лекторами, такъ какъ сектанты на собесѣдованія не явились. Видно было, что духовенство вполне сознаетъ необходимости полученія миссіонерскихъ знаній и озадачено охраною своихъ приходовъ отъ возможной пропаганды сектантства. Въ виду того, что многіе пріѣхали на курсы за 70 и болѣе верстъ, необходимо было сократить время, такъ какъ въ противномъ случаѣ нѣкоторые изъ участвовавшихъ на курсахъ не успѣли бы пріѣхать домой къ воскресному дню (7 Сентября), тѣмъ болѣе, что начавшійся дождь угрожалъ окончательно испортить дорогу. Поэтому вмѣсто четырехъ лекцій, положенныхъ по программѣ, читалось 5 лекцій въ день и, такимъ образомъ, явилась возможность закончить курсы въ 3 дня, такъ какъ духовенство охотно и неумолимо занималось дѣломъ. По окончаніи занятій всѣми присутствовавшими на курсахъ была выражена душевная благодарность лекторамъ за сообщенныя знанія. Количество слушателей на курсахъ служитъ достаточнымъ показателемъ заботливости старобѣльскаго духовенства о религіозномъ просвѣщеніи прихожанъ, которые, по общему отзыву священниковъ, отличаются въ массѣ искреннею приверженностію къ православной церкви и послушаніемъ своимъ пастырямъ.

9-го Сентября утромъ были открыты курсы въ Бѣловодскѣ служеніемъ молебна Спасителю, Божіей Матери и Свят. Николаю при пѣніи всего собравшагося духовенства. Слушателей на курсахъ было 40 человекъ: 27 свящ., 7 діаконовъ и 6 псаломщиковъ. Слушатели на бесѣдахъ переполняли храмы и выражали намъ искреннюю благодарность за бесѣды. Присутствовали на бесѣдахъ и многіе изъ слушателей курсовъ. Такъ какъ слушатели курсовъ относились къ своему дѣлу внимательно и усердно, то явилась возможность закончить курсы 11-го Сентября. Въ этотъ день было получено нами приглашеніе свящ. сл. Даниловки, Григорія Кузнецова—пріѣхать на бесѣду съ сектантами, живущими на Даниловской мельницѣ. Въ виду того, что эта мельница служитъ мѣстомъ пропаганды сектантства, мы отправились по приглашенію, тѣмъ болѣе, что сектанты письменно уведомили насъ о своемъ согласіи бесѣдовать. На бесѣду собралось болѣе 1000 слушателей и были священники изъ Бѣловодска и ближайшихъ слободъ. Оппонентами выступали 3 сектанта съ Даниловской мельницы и возражали довольно искусно, но въ концѣ бесѣды

замолчали. По окончаніи бесѣды собесѣдники—сектанты просили насъ пріѣхать къ нимъ на домъ пить чай и бесѣдовать. Мы пріѣхали къ нимъ въ 7 ч. вечера и пробыли до 9, все время бесѣдуя по разнымъ вопросамъ, но результата никакого не добились. Интересно отмѣтить, что вопроса о храмахъ они уже не касались. Присутствовали здѣсь и православные, съ интересомъ и вниманіемъ слѣдившіе за бесѣдою. Видя, что ничего добраго изъ бесѣды не выйдетъ, кромѣ пустого словопренія, я, отказавшись отъ чая, въ 9 ч. уѣхалъ съ мельницы, а за мною вскорѣ то-же сдѣлали и мои помощники. Изъ бесѣды съ обитателями Даниловской мельницы видно, что они получили спеціальную сектантскую подготовку по собесѣдованіямъ и живутъ на мельницѣ со спеціальными пронагаторскими цѣлями. 16-го Сентября въ 7 ч. утра мы возвратились въ Харьковъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Бывшій воспитанникъ V-го класса Харьковской Духовной Семинаріи, *Данилъ Пономаревъ*, 13 сентября опредѣленъ на діаконское мѣсто при Покровской церкви с. Куньяго, Изюмскаго уѣзда.

2) Діаконъ-псаломщикъ Ново-Троицкой церкви г. Харькова, *Константинъ Шевчій*, 12 сентября опредѣленъ на штатное діаконское мѣсто при сей же церкви.

3) Бывшій священникъ *Іоаннъ Раевскій* 8 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Корбиныхъ Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда.

4) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи *Евлампій Федоровъ* 12 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при П.-Троицкой церкви гор. Харькова.

5) Кандидатъ богословія Духовной Академіи *Александръ Рудинскій* 13 сентября опредѣленъ псаломщикомъ къ Воскресенской ц. гор. Харькова.

6) Кандидатъ богословія Духовной Академіи *Святославъ Дьяковъ* 16 сентября опредѣленъ псаломщикомъ въ Харьковскую Александро-Невскую церковь.

7) Крестыанинъ *Іванъ Сокирка* 22 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Успенской церкви с. Старо-Покровскаго, Зміевского уѣзда.

8) Студентъ Духовной Семинаріи *Александръ Находкинъ* 22 сент. опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви с. Береки, Зміев. уѣзда.

9) Бывшій семинаристъ *Александръ Макаровскій* 22 сентября опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви с. Купьевахи, Богодуховскаго уѣзда.

10) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи *Алексій Трипольскій* 23 сентября опредѣленъ на діаконское мѣсто при церкви с. Мартыновки, Лебединскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священники церквей: с. Циркуновъ, Харьков. уѣзда, *Андрей Новомірскій* и с. Непокрытаго, того же уѣзда, *Василій Зеленскій*, 16 сентября взаимно перемѣщены.

2) Священникъ Алексіевской церкви с. Курульки, Изюмскаго у., *Петръ Прокоповичъ*, по прошенію, 23 сентября перемѣщенъ къ церкви с. Шандриголово, того же уѣзда.

3) Священникъ церкви с. Зарожной, Зміевскаго уѣзда, *Николай Инноковъ*, 23 сентября перемѣщенъ въ с. Курульку, Изюмскаго уѣзда.

4) Священникъ с. Шандриголово, Изюмскаго уѣзда, *Андрей Любарскій*, 23 сентября перемѣщенъ въ с. Зарожное, Зміевскаго у.

3) Объ увольненіи за штатъ.

1) Діаконъ Покровской церкви с. Куньяго, Изюмскаго уѣзда, *Николай Татаринъ*, 13 сентября уволенъ за штатъ.

2) Окончившій Полтавскую Духовную Семинарію *Симеонъ Ичанскій* 16 сентября отчисленъ отъ діаконскаго мѣста при церкви с. Б. Писаревки, Богодух. уѣзда.

3) Псаломщикъ с. Корбиныхъ Ивановъ, Богодуховскаго уѣзда, *Оеодосій Никитинъ*, 8 сентября уволенъ за штатъ.

4) И. д. псаломщика церкви с. Береки, Зміевскаго уѣзда, *Иванъ Култишъ*, по прошенію, 22 сентября уволенъ за штатъ.

4) Назначеніе благочиннаго.

Благочинный 3 округа Харьковскаго уѣзда протоіерей *Филаретъ Антоновъ*, согласно его прошенію, 19 августа уволенъ отъ должности благочиннаго, а на его мѣсто, резолюціей Его Высокопреосвященства отъ 22 сентября 1814 г. за № 5512, назначенъ священникъ церкви с. Казачка *Іоаннъ Андреевъ*.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ Соборно-Покровской церкви г. Ахтырки 10 сентября утвержденъ пот. поч. гражданинъ *Александръ Курило*.

2) Къ церкви с. Ивановки (Капустяновки), Изюмскаго уѣзда, 11 сентября—крест. *Викторъ Савеліевъ*.

3) Къ Рождество-Богородичной церкви с. Мерефы, Харьковскаго уѣзда, 11 сентября—крест. *Стефанъ Жило*.

4) Къ церкви с. Шубиной, того-же уѣзда, 11 сентября—крест. *Трофимъ Блудовъ*.

5) Къ Іоанно-Богословской ц. с. Ивановки, того-же уѣзда, 13 сентября—мѣщанинъ *Николай Середницкій*.

6) Къ церкви с. Ново-Росоши, Староб. уѣзда, 13 сентября—крест. *Захарій Золотаревъ*.

7) Къ церкви с. Ново-Пскова, того-же уѣзда, 13 сентября—крест. *Савва Одинцовъ*.

8) Къ Успенской церкви с. Краснополя, Ахтырскаго уѣзда, 13 сентября—крест. *Маркъ Сьверовъ*.

9) Къ Петро-Павловской церкви г. Бѣлополя 14 сентября—крест. *Петръ Пащенко*.

10) Къ церкви с. Ново-Георгіевска, Купянскаго уѣзда, 14 сентября—крест. *Николай Крикуновъ*.

11) Къ церкви с. Булацеловки, Зміевского уѣзда, 16 сентября—крест. *Алексій Мацакъ*.

12) Къ церкви с. Ракитнаго, Валковскаго уѣзда, 17 сентября—крест. *Стефанъ Ткаченко*.

6) Ванантныхъ мѣстъ

въ настоящее время не имѣется.

II.

Содержаніе. Какъ должно составлять описаніе храмовъ. *Святи. Павла Любковскаго.*—Епархіальная хроника.—Архіерейскія Богослуженія.—Чествованіе священника Рождество-Богородичной церкви, села Карповки, Изюмскаго уѣзда, о. Іоанна Кантеміра.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Приходское „сестричество“.—Новый способъ религіознаго просвѣщенія народа.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Страшное паденіе.—Объявленія.

Какъ должно составлять описаніе храмовъ.

Исторія Рождество-Богородичнаго храма и его древности. Слобода Дергачи, Харьковского уѣзда.

Слобода Дергачи основана въ 1630—40 годахъ первыми поселенцами слобожанъ; расположена она по обѣимъ берегамъ рѣки Лопани; съ востока и запада окружена горами. Горы эти служили Дергачамъ въ былые годы сѣдой старины естественнымъ укрѣпленіемъ отъ враговъ (татаръ). Еще и теперь, хотя едва замѣтно, сохранились слѣды насыпныхъ холмовъ вокругъ Дергачей. Дергачи были мѣстечкомъ сотеннымъ. У Квитки—Основяненко въ одномъ изъ его разсказовъ передается курьезный случай, въ которомъ фигурируютъ Дергачи. „Харьковъ, пишетъ Основяненко, однажды былъ встревоженъ сильнымъ гуломъ; всѣ думали, что стрѣляютъ изъ пушекъ и что, слѣдовательно, недалеко врагъ—татары. Въ городѣ паника! Впослѣдствіи оказалось, что это отъ сильнаго вѣтра гудѣли бочки, выставленныя по дергачевской оборонительной линіи“.

Названіе свое Дергачи получили по объясненію однихъ—отъ птицы „деркачъ“, во множествѣ водившейся въ болотахъ, а по объясненію другихъ—свое названіе Дергачи получили отъ разбойника „Деркача“, который, по преданію, со своей шайкой долгое время оперировалъ въ этой мѣстности, тогда сплошь покрытой роскошнымъ дубовымъ лѣсомъ и отъ котораго теперь одно пріятное воспоминаніе.

Вмѣстѣ съ первыми поселенцами въ Дергачахъ появились и св. храмы. По документамъ Рождество-Богородичной церкви видно, что самый древній храмъ Дергачей есть храмъ св. Николая, который построенъ, по замѣчанію Архіепископа Филарета, не позже 1660 года. Но объ этомъ храмѣ

не сохранилось никакихъ свѣдѣній, ни даже преданій, а также и того, кто былъ его строителемъ, и въ какомъ мѣстѣ онъ былъ построенъ.

Ясныя и довольно точныя указанія сохранились о храмѣ Рождество-Богородичномъ. Въ своемъ описаніи сл. Дергачей Архіепископъ Филаретъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „о построеніи Рождество-Богородичнаго храма *мы имѣемъ акты важныя не для одного сего храма*, и приводитъ самые акты. „Іюня 5-го 1691 г. Борисъ Шереметьевъ, бѣлогородскій воевода, писалъ харьковскому воеводѣ Семену Ивановичу Дурнову: „Села Деркачей попъ Яковъ съ причетники подалъ челобитную, а въ челобитной писано: въ прошлыхъ де годѣхъ былъ онъ въ Чигиринѣ у соборныя церкви чудотворца Николая въ верхнемъ замкѣ протопопомъ. И какъ Чигиринъ городъ разорился, и онъ послѣ того разоренья для прокормленія билъ челомъ въ Бѣлгородѣ преосвященному Мисаилу митрополиту, чтобъ отвелъ онъ мѣсто гдѣ построить церковь. И онъ вновь церковь построилъ во имя Рождества Пр. Богородицы. А ружнаго жалованья ему и по се число не давано. И въ прошломъ де 194 (1686) билъ челомъ вел. Государямъ онъ попъ Яковъ на Москвѣ о денежномъ и хлѣбномъ жалованьѣ, о ругѣ, и по ихъ вел. Государей указу велѣно ему вмѣсто денежнаго и хлѣбнаго жалованья дать на пашню земли 50 четвертей изъ порожней земли. И о томъ дана ему ихъ вел. Государей грамота въ Харьковъ къ воеводѣ Василю Сухотину“. По тому предписывается сдѣлать распоряженіе объ отводѣ земли по царской грамотѣ. Вотъ и самая царская грамота: „отъ велик. Государей Царей и В. К. Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича и велик. Государини Царевны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ въ Харьковъ воеводѣ Василю Ивановичу Сухотину. Пожаловали мы, вел. Государя, Харьковскаго уѣзда села Деркачей Рождественскаго попа Іякова съ причетники, велѣли имъ дать нашего, вел. Государей, жалованья, вмѣсто денежной и хлѣбной руги, на пашню земли 50 четвертей Харьковскаго уѣзда изъ порожнихъ земель. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ о дачѣ нашего вел. Государей жалованья пашенной земли попу Якову съ причетники учинить повелѣлъ по сему

нашему, вел. Государей, жалованью. Пис. на Москвѣ л. 7194 (1686) Юля 29. Скрѣпилъ Федько Замятинъ“.

По имѣющемуся у меня сейчасъ подъ рукой документу видно, что храмъ Рождества-Богородицы былъ построенъ въ 1682 г. протопопомъ Яковомъ Туранскимъ, который, по разореніи Чигирина въ 1677 г., вмѣстѣ со своей паствой прибылъ въ Дергачи и здѣсь устроилъ небольшой деревянный храмъ.

Ни размѣра, ни внутренняго и наружнаго вида перваго храма не сохранилось. О мѣстѣ построения его имѣется такая записъ, взятая изъ акта 198 г.: „бывшій священникъ мѣстечка Деркачей Рождество-Богородичной церкви, стоявшей тогда на Боряковкѣ по урочищу, подлѣ Филоновыхъ двора и жилаго дому и плотины съ водяной мельницею, жилъ въ сосѣдствѣ отъ восточныя стороны впереди церкви“... Эта замѣтка даетъ намъ право предположить, что первый храмъ былъ построенъ на „Куту“, такъ наз. часть Рождество-Богородичнаго прихода, расположенная на возвышенномъ лѣвомъ берегу рѣки.

Храмъ, построенный о. Яковомъ, существовалъ до 1765 г. Въ этомъ году священники о. Тимофѣй Туранскій и о. Филимонъ Полевской возбудили, въ виду крайней ветхости перваго храма, ходатайство предъ Порфиріемъ Епископомъ Бѣлоградскимъ и Обоянскимъ о позволеніи устроить новый храмъ. Въ томъ же году 29 апрѣля была получена храмозданная грамота съ благословеніемъ на постройку новаго деревяннаго храма.

Въ виду не малого интереса, который представляетъ изъ себя храмозданная грамота, я привожу ее:

„Храмозданная Грамота Вторая. Смиренный Порфѳурій Божією Милостію Епископъ Бѣлоградскій и Обоянскій. Дана сія храмозданная Граммата Епархіи нашей Харьковской протопоіи мѣстечка деркачей церкви Рождество-Богородицы

¹⁾ Подлинная грамота съ выписью хранится въ Куряжанскомъ монастырѣ, въ архивѣ № 61, 63 и 65. Достоинно примѣчанія. Священникъ о. Феодоръ Туранскій жалованную землю подарилъ Харьковскому Монастырю, гдѣ содержатся славяно-латинскія школы, куда и самъ поступилъ. А какъ монастыри были уничтожены въ 1786 г., то и недвижимость ихъ въ Деркачахъ продана казаку Василю Паставничему.

священникамъ Филимону, да Тимофѣю, и прихожанину Сотнику Ивану Бужвинскому; понеже сего апреля 29 дня намъ Преосвященному Епископу въ поданномъ отъ нихъ Священниковъ и прихожанина прошенія объявлено; Помянутая де церковь Божія Рождества-Богородицы крышкою и подвалинами весьма обветшала, и въ стѣнахъ попрогнила; чего для намѣрены они сообщаго всѣхъ приходскихъ людей согласія оную Церковь построить вновь; къ чему уже и лѣсъ заготовленъ; и просили чтобъ вмѣсто объявленной ветхой на удобномъ мѣстѣ вновь церковь построить Благословить; и о томъ дать имъ нашу Архипастырскую храмозданную Граммату; и мы Преосвященный Епископъ слушавъ того прошенія Благословили, воиномъ мѣстечкѣ Деркачахъ вмѣсто объявленной ветхой вновь деревяннаго зданія церковь онымъ просителямъ священникамъ и прихожанину на удобномъ мѣстѣ почину восточныя церкви построить и по построеніи тую церковь Иконостасомъ и Святыми Иконами и прочимъ церковнымъ благолѣпіемъ убрать, какъ святыя правила и церковныя уставы повелѣваютъ, поподобію другихъ Греко-російскихъ церквей, и святыя иконы кои ко прежнимъ имѣютъ быть въ прибавокъ, таковыя всѣ писаны были самымъ добрымъ искуснымъ изографомъ, по Греческому обыкновенію, и всложеніи перстовъ какъ Благословящихъ, такъ и молящихся все былобъ изображено по преданію Греческія церкви, а не по раскольнически, и сосудами церковными, серебрянными, а по нуждѣ изчистаго олова, и олтарными одеждами, и священно-служительскими облаченіями хотя шелковыя, такожь и книгами новоисправленными всего круга церковнаго сподписаніемъ по листамъ на имя тоя церкви удовольствовать, втомъ числѣ чтобъ были катихизисъ, или православное исповѣданіе, букварь, и уставъ церковный, и престолъ построить о указанной мѣрѣ пропорціальной, а именно: въ вышину неменьше аршина шести вершковъ, и содскою; въ длину неменьше аршина осми вершковъ, въ ширину аршина четырехъ вершковъ и жертвенникъ навостокъ; по совершеномъ же тоя церкви построеній и приготовленій всего приличествующаго ко освященію, и пообнесеніи тоя церкви и кладбища оградю, по надлежащему тую новозданную церковь Харьковскому протопопу освидѣтельствовать всели внеи всилу сея храмозданной

Грамматы устроено, и всѣмъ предписаннымъ воудовольствіи, и оградою обнесена, и пообнесеніи сообстоятельствомъ описать; и притомъ той церкви у священно и церковно служителей взять письменные обязательства, вся опредѣленная къ той церкви сначала строенія пашенная церковная земля и сѣнныя попасы въ неотемлемомъ у нихъ владѣніи; и коликое число, и сколько при той церкви вприходѣ какова званія дворовъ, и въ нихъ обоего пола душъ имѣется; и то обязательство сооною описью прислать къ намъ; и ежели та церковь всѣмъ выше писаннымъ явится воудовольствіи, то о освященіи той новосозидаемой церкви, которую по совершенномъ новой церкви построеніи и по выносѣ изъ нея всей церковной утвари по разобраніи употребить на печеніе просфоръ; а бывшій внутри самаго Святаго алтаря лѣсъ близъ рѣки сожещи, и пепель всыпать врѣчную быстрину, а окромѣ того ниначто нерасточать, и поразобраиіи оной обветшавшей церкви на престольномъ и кладезномъ мѣстахъ поставить столбищъ, и на нихъ для признанія водрузить крестъ, дабы оное, яко и прежде освященное мѣсто бе, ногами человѣческими, и скотомъ попираемо небыло. Писано въ Бѣлгородѣ въ Консистеріи нашей Апреля 29 д. 1765 г. Рука Благословляющая. Печать на мастикѣ.

Полную картину какъ наружнаго, такъ и внутренняго вида второго храма даетъ намъ церковная опись за 1817 г. Тамъ мы читаемъ: „Церковь деревянная, построена въ 1766 году объ одномъ престолѣ во имя Рождества-Богородицы, и трехъ главахъ, покрыта гонтою, а главы всѣ жестяныя, вышина до заломокъ, а отъ толи до верха десять аршинъ, алтарный и папертный столпы въ пропорціи противусредняго. Съ нутри ширина десять, длины съ олтаремъ и папертью двадцать пять аршинъ, въ церквѣ дверей трое, которые въ свѣту указанной высоты здѣланы, съ замками крѣпкими внутренними, придѣлокъ при церкви три, съ сѣверной, западной и южной стороны.

Оконъ въ церквѣ восемь: въ олтарѣ два, въ церкви три и въ паперти три указанной пропорціи съ остеклянными окнами.

На главахъ церкви—желѣзные четырехъ угольные кресты.

Иконостасъ устроенъ гладкій вылощенъ и выкрашенъ.

Престолъ святой безъ балдахина надъ коимъ устроено на шнурахъ небо съ иконой Богоотца. Икона сохранилась.

Жертвенникъ на подобіе шкафа подъ стекломъ.

Колокольня деревянная объ одномъ куполѣ; выстроена въ 1787 году, покрыта гонтою и вокругъ выбѣлена, вмѣсто креста здѣланъ Ангелъ съ листового желѣза съ живописью и позолотой.

Колоколовъ 4-ре. Ограда деревянная.

Мѣсто, гдѣ построенъ былъ второй храмъ, теперь обозначено крестомъ; оно саженьяхъ въ 300 отъ мѣста построения перваго храма.

Нынѣшній храмъ—третій—каменный, четырехпрестольный, имѣетъ форму креста. Заложень въ 1825 году, Іюля 5-го, а оконченъ въ 1838 году. Такимъ образомъ постройка продолжалась 13 л. и 1 м.

„И во все строеніе церкви, замѣчаетъ лѣтописецъ, времена были самыя смутныя: неурожай хлѣба, суши, скотскіе падежи, саранча, холера“.

До 1853 года храмъ былъ однопрестольный, а въ семь году ктиторъ—помѣщикъ Петръ Чунихинъ пристроилъ два придѣла. Южный въ честь Стрѣтенія Господня, а сѣверный въ честь Вознесенія Господня. Оба придѣла стоили Чунихину—610 рублей съ матеріаломъ и работой. 1000 кирпича стоила 4 р. 50 коп., а 1½ вершковая доска—50 к.

Устроивши придѣлы, Чунихинъ снабдилъ ихъ всѣми необходимыми свящ. предметами, на что издержалъ 1488 р. 91 к.

Кромѣ того, Чунихинъ устроилъ на хорахъ престолъ во имя ап. Петра и Павла—въ честь своего Ангела. Эта постройка обошлась Чунихину въ 3211 р. Такова исторія нашего храма.

Съ исторіей Рождество-Богородичной церкви, какъ видимъ, тѣсно связана фамилія священниковъ Туранскихъ. Они и строители и благодѣтели храма. Такъ всѣ три храма построены при ихъ ближайшемъ участіи; иконостасъ и всю внутреннюю отдѣлку второго храма произвелъ на свой счетъ ктиторъ Григорій Туранскій; много серебряныхъ иконъ пожертвовано ими въ третій храмъ. Родъ ихъ древній польскій и довольно знатный. Священствовали Туранскіе до 1850 года. Теперь изъ ихъ рода при храмѣ служитъ псаломщикъ Иванъ Григорьевичъ Туранскій.

Древности храма.

Икона „Распятіе І. Христа“ 1720 года, сохранилась прекрасно, живопись хорошая. Икона эта помѣщается въ придѣлѣ Стрѣтенія Господня надъ жертвенникомъ. Писана на деревѣ.

Икона Богоотца, которая висѣла на шнурахъ надъ престоломъ во второмъ храмѣ. Сохранилась довольно хорошо. Икона „Озерянской Б. Матери 1770 г. особо чтимая. Серебрянный крестъ—приношеніе Григорія Филевскаго въ 1743 г.

Потиръ серебрянный позлаченный, пожертвованный въ 1754 году сотникомъ Андреемъ Филоновымъ.

Изъ книгъ: Евангеліе изд. въ Львовѣ въ 1644 г., Апостолъ м. п. 1688 г. Октоихъ м. п. 1699 г. Общая Минея кiev. п. 1680 г. Бесѣды Златоуста на дѣянія кiev. п. 1624 г. съ гербомъ „зацной и шляхетной фамиліи пановъ Долматовъ“ и съ надписью: „Священноіерея Іоанна Святайлы пресвитера Святопреображенскаго Полтавскаго“—знаменитаго страдальца по дѣлу Мазепы.

Не лишено большого интереса „Предѣсловіе“ этой книги, написанное Іеромонахомъ Захаріемъ Коштенскимъ.

Въ началѣ „Предѣсловія“ авторъ развиваетъ ту мысль, что истинная вѣра возсіяла въ Іерусалимѣ и оттуда проникла въ наше отечество.

О началѣ печатанія книгъ свящ. замѣчаетъ: „Въ Лаврѣ Печерской книги тупарскимъ начашася дѣлати художествомъ; якоже убо древле на горѣ синайской Перстомъ Божиимъ на каменныхъ табляхъ Законъ Божій изображенъ бысть, такъ нынѣ въ Россіи въ тупографіяхъ изобразуются книги“. Далѣе приводится содержаніе кн. Дѣяній. О важномъ ея значеніи авторъ замѣчаетъ: „Прореченія бо яже въ Евангеліихъ Христовыхъ провъзлаша, сія въ дѣло произшедшая здѣ есть видѣти. Аще бы не сія была книга, никому же явѣ сице, знаемы были бы, но главизна спасенія нашего закрыта и не явлена была бы и житія и догмата ради и Евангелія убо иже Христосъ сътворилъ есть и глаголаше исторія есть нѣкая: Дѣянія же, ихже другій Утѣшитель глаголаше есть и сътворилъ. Книга Дѣяній Святыхъ ап. есть хроника христіанства перваго“.

Интересное приводитъ сказаніе о св. Іоаннѣ Златоустѣ авторъ „Предъсловія“. „Сей убо есть Святый Іоаннь Хрисостомъ Учитель Вселенскій и Богословъ крайній, иже книгу сію Духомъ Святымъ истолкова: и въ истину извѣстное его всякъ да вѣруеть быти толкованіе. Пріять бо даръ сей отъ Бога, о немъ-же и откровеніе сущу еще ему въ монастиру преподобный старецъ Исхій видѣ, яко явшася два мужіе въ бѣлыхъ ризахъ, и предсташа святому хрисостому глаголюще, мы прійдохомъ къ тебѣ посланни отъ Бога; и единъ убо отъ нихъ имѣя книгу, рече: азъ есмь Богословъ Іоаннь, пріими книгу сію южи ти даю, и отъ сего дне да отверзеться умъ твой въ оже разумѣти силу всего Божественнаго Писанія. Другій же простерши руку свою рече: „Пріими ключи сія, и елика свяжеша на земли, будутъ связано на небесѣхъ, и елика разрѣшиши на земли, будутъ разрѣшена и на небесѣхъ. И вѣруй яко Богъ даруетъ ти благодать сію, мною апостоломъ своимъ Петромъ, якоже и мнѣ дарова иногда“. Вонми убо како и Богословіе даровася святому хрисостому, и власти ключей якоже и Петру иногда, яже и до нынѣ въ Новомъ Римѣ Константинополи на вѣоспріемникахъ его пребываютъ и дѣйствуютъ. Извѣстенъ сей Святый Іоаннь хрисостомъ Богословъ и Учитель есть, и отъ указанія сего: „ради бо крайнея его добродѣтели и превосходящей чистоты Параклитова благодать съ небесъ явися, юже вси священницы и христіане чистотній въ время хіротоніи его видѣша. Очевиднѣ бо зряху Голуба бѣла прилетѣвша въ Святый Олтарь, и егда Патріархъ Флавіанъ вѣгласи; еже: Божествена благодать, и проч.: съшедша онаго Голуба, и сѣдша на главѣ Святого. Въ огненныхъ убо языцехъ съшедый на апостолу Параклиту Духъ Пресвятый. Сѣй же сниде и на сего Вселеннаго Учителя Павла втораго, краснаго дѣянній апостольскихъ истолкователя Божественнаго хрисостома“.

Инициатива перевода труда св. Іоанна Златоуста, какъ видно изъ Предъсловія, принадлежитъ Архимандриту Лавры Печерскія Елиссею Плетенецкому, а трудъ перевода „дидакалу въ еллиногреческомъ любомудрѣйшомъ и художномъ языкѣ“ Гавріилу Дорофеевичу Приммікірію. Свѣрять „словенское превожденіе съ греческимъ архитѣпомъ“ священномонахъ Іосифъ Святогорець, а печаталъ іеромонахъ Берында.

Далѣе въ Предѣсловіи выясняется роль поповъ Долматовыхъ, изъ которыхъ особенной благотворительностью къ Церкви Божіей отличался Константинъ. Онъ устроилъ нѣсколько монастырей и далъ средства на изданіе сей книги.

Заканчиваетъ авторъ Предѣсловіе свое такимъ патетическимъ воззваніемъ: „Пріемлѣте его Іафетово племя Россове, и Славяне и Македоное: стяжите и Болгарое, Сербове и Босняне: облобызайте и Истрое, Іллирикое и Далматове: срящѣте и Молдавяне, Мултяне и Унговлаховые: въспріймѣте и Чехове Моравляне Гарватове, и вся широковластна Сарматія възлюби и притяжи и, и всѣ Православніи сію Святую якоже нѣкое Евхарізиригѣ любезнѣ пріемлѣте книгу и вмѣсто многоцѣннаго сѣкровища имѣйте ю“.

Объ устроителѣ придѣловъ: Срѣтенія и Вознесенія и придѣла св. ап. Петра и Павла—Петрѣ Потаповичѣ Чунихинѣ намъ нужно сказать нѣсколько словъ, чтобы получить объясненія нѣкоторымъ аллегорическимъ иконамъ въ придѣлѣ св. ап. Петра и Павла, а именно: „изверженію китомъ Іоны“ и иконѣ „Архангела Гавріила“.

Номѣщикъ Петрѣ Потаповичѣ Чунихинѣ, по своему религіозному складу, былъ нѣсколько склоненъ къ мистицизму; отличался высокою религіозностью и христіанскимъ смиреніемъ. Такъ, чувствуя приближеніе смерти, онъ возбудилъ ходатайство предъ Владыкою Архіепископомъ Иннокентіемъ въ томъ, чтобы ему разрѣшено было устроить для себя и жены склепъ подъ церковью. На возбужденное ходатайство послѣдовала такая резолюція: „въ свое время не будетъ отказано“. „Истинно утѣшительно“, пишетъ во второмъ своемъ ходатайствѣ Чунихинѣ, но и праотецъ нашъ по вѣрѣ Авраамъ, покупая поля у Ефрона Хаттеанина, заблаговременно заботился о мѣстѣ погребенія, и Іаковъ, умирая въ Египтѣ, дѣтямъ своимъ повелѣлъ погребсти себя въ устроенной уже Авраамомъ пещерѣ, и Іосифъ заклиналъ потомство взять его тѣло и поставить тамъ, гдѣ отцы его почивали. Почему бы и мнѣ, Ваше Преосвященство, не позаботиться заблаговременно о устройствѣ каменнаго склепа въ ровнѣ съ землею для погребенія меня и жены моей, благослови, Преосвященнѣйшій Владыко, къ начатію столь важнаго для меня дѣла, да съ миромъ лягу, усну и почию. Благословляя память Вашего Преосвященства въ вѣкъ и

вѣкъ вѣка. Петръ Чунихинъ 1843 г. Юня 6 д. Столь горячее желаніе почить тѣломъ у св. храма вылилось у Чунихина въ изображеніи иконы: „изверженіе китомъ Іоны“. Китъ извергаетъ Іону на берегъ; на берегу съ одной стороны изображеніе горы Свона, а съ другой—правой св. горы Аѳона; къ горѣ Аѳону приближается старикъ-путникъ съ посохомъ въ рукѣ. На лѣвой сторонѣ иконы написанъ 4-й ирмосъ пасхальнаго канона, а сверху иконы имѣется такая надпись: „съ юныхъ лѣтъ желаніе имѣлъ быть во святой Аѳонской горѣ, и нынѣ сей предметъ 80 лѣтняго старца воную гору ведетъ поклониться святымъ обителямъ сердце-вѣдцу и Господу; духъ раба своего Петра упокой въ обители сей благой. И прахъ мой удостой земли предать, при Храмѣ небесной царицы Матери Своей яко благословено Имя Твое во вѣки вѣковъ Аминь. Надѣющіеся на Господа, яко гора сія во вѣкъ не подвинется“.

Икона эта написана въ промежутокъ между вторымъ ходатайствомъ объ устройствѣ склепа и проѣздомъ Архіепископа Иннокентія съ ревизіей по Харьковскому уѣзду. Проѣзжая въ 1843 году сл. Дергачи, Архіепископъ Иннокентій видѣлъ и икону, и проникнутый уваженіемъ къ столь яркому чувству, самъ лично указалъ мѣсто для постройки склепа.

Кромѣ ясно выраженнаго надписью, такъ сказать интимнаго значенія иконы, она имѣетъ и общую идею. Въ ней, т. е. въ изображеніи иконы, Чунихинъ проводитъ ту мысль, что истинное, сердечное покаяніе, покаяніе Іоны, приводитъ человѣка во дворъ св. Церкви. Икона эта помѣщается на стѣнѣ храма при выходѣ изъ хоръ.

Икона Архангела Гавріила помѣщается при входѣ въ храмъ св. ап. Петра и Павла и изображена такъ. Архангелъ Гавріилъ—въ полный ростъ—держитъ въ правой рукѣ зажженный фонарь, а въ лѣвой зеркало. Идея иконы, очевидно, такова: „ангелы показываютъ (освѣщаютъ) путь жизни людей; путь этотъ истиненъ, какъ истинно наше изображеніе въ зеркалѣ“.

Священникъ Павелъ Лобковскій.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія Богослуженія.

26 августа Божественную литургію въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ совершилъ Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній.

28 августа всенощное бдѣніе было совершено Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященнѣйшимъ Епископомъ, Теодоромъ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ.

29 августа, въ день Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, Божественную литургію совершали: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній въ церкви Харьк. городского Усѣкновенскаго кладбища, а Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ.

30 августа, въ день св. Алексѣя-Невскаго, Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Харьк. Александро-Невской церкви.

30 августа, въ субботу, всенощное бдѣніе было совершено Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Теодоромъ въ Харьк. Благовѣщенскомъ соборѣ.

31 августа, въ воскресеніе, Божественную литургію совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ въ Харьк. Благовѣщенскомъ соборѣ.

5 сентября всенощное бдѣніе и 6 сентября, въ день св. Архангела Михаила, Божественную литургію Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ совершилъ въ Архангело-Михайловской церкви Хорошевскаго женскаго монастыря.

7, 8 и 9 сентября Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ Богослуженіе въ Святогорскомъ Успенскомъ монастырѣ, а Преосвященнѣйшій Теодоръ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ и Харьк. Рождество-Богородичной церкви.

Наканунѣ 14 сентября Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ всенощное бдѣніе въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ, а 14 сентября, въ день Воздвиженія Креста Господня, Божественную литургію въ Харьк. Кресто-Воздвиженской церкви, а Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ всенощное бдѣніе и литургію совершилъ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ.

20 сентября, въ субботу, всенощное бдѣніе Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ въ Харьк. кафедральномъ соборѣ и 21 сентября, въ воскресеніе, Божественную литургію въ Харьк. Преображенской церкви, а Преосвященнѣйшій Теодоръ всенощное бдѣніе и Божественную литургію совершилъ въ Сумскомъ Преображенскомъ соборѣ.

Ключарь Харьк. кафедр. собора, *Протоіерей Л. Твердохльбовъ.*

Чествованіе священника Рождество-Богородичной церкви, села Карповки, Изюмскаго уѣзда, о. Іоанна Кантеміра

8 Сентября с. г., съ разрѣшенія Высокопреосвященнѣйшаго Владыки Архіепископа Антонія, прихожане Рождество-Богородичной церкви села Карповки, Изюмскаго уѣзда, въ день своего храмоваго праздника, скромно чествовали своего приходскаго пастыря, священника о. Іоанна Кантеміра поднесеніемъ ему иконы Казанской Божіей Матери и адреса.

Не безъ причины было совершено это чествованіе. Несмотря на то, что о. Іоаннъ прослужилъ въ с. Карповкѣ всего около трехъ лѣтъ, но за это короткое время успѣлъ расположить своихъ прихожанъ къ себѣ, такъ какъ за это время благоукрасилъ храмъ какъ внутри, такъ и снаружи, и своими ревностными заботами о благолѣпнн храма Божія и усерднымъ проповѣданіемъ слова Божія и привлекъ любовь къ себѣ своихъ пасомыхъ, особенно-же расположилъ онъ ихъ къ себѣ совершеннымъ имъ паломничествомъ въ г. Бѣлгородъ въ концѣ апрѣля с. г., для поклоненія мощамъ св. Іоасафа. Послѣ литургіи и молебна, совершеннаго соборомъ сосѣднихъ священниковъ, къ стоящему на соли о. Іоанну подошли три уполномоченныхъ отъ общества, изъ коихъ первый, церковный староста, съ образомъ Казанской Божіей Матери въ серебряной ризѣ, второй, сельскій староста съ хлѣбомъ-солью и третій съ адресомъ, который и прочелъ. Адресъ слѣдующаго содержанія: „Дорогой нашъ пастырь, о. Іоаннъ! Въ настоящій день храмоваго праздника, мы, Ваши духовныя чада, собрались принести Вамъ благодарность за заботы о благолѣпнн храма и за труды, понесенные Вами во время паломничества въ городъ Бѣлгородъ. Мы чествуемъ Васъ, какъ служителя Божія, съ особою любовью относящагося къ своимъ пастырскимъ обязанностямъ. За недолгое время Вашей службы у насъ, мы всегда видимъ Васъ неустанно трудящимся и собирающимъ средства на украшеніе храма.

Во время паломничества въ г. Бѣлгородѣ Вы, не снимая священнаго облаченія, въ теченіе недѣли поучали насъ истинамъ христіанства, неустанно сопровождая путь пѣснопѣніями церковными, чтѣмъ и воодушевляли насъ на подвигъ паломничества. Время съ 23-го по 30-е апрѣля, проведенное нами въ паломничествѣ, мы можемъ сравнить съ пребываніемъ въ Царствѣ Небесномъ. Памятуя заповѣдь Апостола: «воздадите всѣмъ должное», мы, Ваши духовныя чада, въ настоящій торжественный для всѣхъ насъ день подносимъ Вамъ въ благодарность и въ молитвенное воспоминаніе образъ Казанской Божіей Матери и просимъ предъ этимъ образомъ поминать насъ въ своихъ молитвахъ». (Слѣдуютъ подписи). Въ свою очередь о. Іоаннъ отвѣтилъ рѣчью, въ которой благодарилъ Господа-Бога, давшего ему силы водительства во время паломничества, благодарилъ прихожанъ за драгоценный даръ, предъ которымъ, молясь, будетъ вспоминать о счастливо въ духовномъ единеніи проведенныхъ дняхъ паломничества съ своею паствою.

По случаю храмоваго праздника въ этотъ день много было молящихся изъ окрестныхъ селъ и деревень, изъ которыхъ многіе участвовали въ паломничествѣ и радовались, что удостоились быть свидѣтелями достойно чтимаго батюшки, для остальныхъ же было назиданіемъ, какъ нужно относиться къ своимъ труженикамъ пастырямъ.

Священникъ Александръ Черняевъ.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Приходское „сестричество“.

Уже 2 года дѣйствуетъ «сестричество» при Срѣтенской церкви Пермскаго уѣзда.

Главная цѣль сестричества, заключающаяся въ томъ, чтобы содѣйствовать своими средствами и трудами благоуукрашенію приходскаго храма, неуклонно и ревностно преслѣдовалась за все время существованія общества.

Интеллигентныя и простыя сестры находили здѣсь полное объединеніе. Каждая старалась принести посильную пользу и такъ или иначе послужить благолѣпію своего храма: украшали храмъ къ великимъ праздникамъ, мыли, чистили, обтирали еженедѣльно пыль съ

иконъ и иконостаса, шили одежды и пелены на аналои, чинили поносившуюся ризницу, пріобрѣтали и шили новые ризы, стихари и подризники.

Достаточно сказать, что за эти два года церковью не истрчено ни одной копейки ни на мытье половъ, ни на чистку утвари, ни на починку ризницы: все сдѣлано безвозмездно трудами членовъ общества.

Но, не ограничиваясь одними личными трудами, сестры изыскивали и денжныя средства на благоукрашеніе храма, для чего нѣкоторые ходили по деревнямъ прихода для сбора добровольныхъ пожертвованій въ пользу общества, обносили кружку во время церковныхъ богослуженій, иные жертвовали сами, кто деньгами, кто холстомъ, шерстью и т. п.; изысканныя средства употребляли на нужды храма, на то, въ чемъ чувствовался большой недостатокъ. Такъ, за время существованія общества имъ пріобрѣтены двѣ перемѣны одеждъ и пеленъ на всѣ церковные аналои, два подризника, куплена бархатная ковровая дорожка на амвонъ и черныя для Страстной седмицы облаченія, и на все это истрчено около 120 рублей. Кромѣ сего, сестричество пріобрѣло икону свв. Женъ-мироносицъ, покровительницъ общества, художественнаго шитья по золотому чеканному фону, въ хорошемъ кіотѣ. Икона стоитъ болѣе 60 руб.

Ревнуя о благоукрашеніи храма и благолѣпнн службъ церковныхъ, многія изъ сестеръ, преимущественно дѣвицы, стали принимать дѣятельное участіе въ клиросномъ пѣніи при богослуженіяхъ и положили начало церковному хору.

Ихъ усердіе въ этомъ дѣлѣ поистинѣ изумительно: ни тяжелыя крестьянскія работы, ни дальность разстоянія отъ храма—верстѣ 5—8—не мѣшаютъ имъ являться аккуратно не только ко всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ богослуженіямъ, но и на спѣвки, нерѣдко раза по два въ недѣлю.

Всѣхъ членовъ общества въ настоящее время 53 человекъ.

Общихъ собраній общества было за истекшіе два года десять.

Сестричество за два года своего существованія успѣло завоевать симпатіи среди всѣхъ прихожанъ Срѣтенскаго приходскаго храма. Даже мужчины, сначала недружелюбно и съ насмѣшкой относившіеся къ сестрамъ, видя ихъ труды на пользу храма и добрые плоды ихъ трудовъ, не только примирились съ этимъ новшествомъ, но и щедрою рукою сыплютъ свои трудовыя лепты въ кружку общества, твердо зная, что каждая копейка, опущенная туда, уйдетъ на доброе и святое дѣло благоукрашенія храма Божія.

Новый способъ религіознаго просвѣщенія народа.

Въ Курской епархіи началъ распространяться новый способъ просвѣщенія народа въ духѣ религіи и церкви. Онъ заключается въ установкѣ у церковной ограды, на видномъ мѣстѣ, особыхъ витринъ, куда вставляются напечатанные жирнымъ шрифтомъ листки религіозно-нравственнаго содержанія. Конечно, лучше всего, если листки будутъ соотвѣтствовать, во-первыхъ, времени года, а во-вторыхъ, религіозно-нравственному состоянію и духовнымъ недугамъ прихожанъ. Такъ, Великимъ постомъ слѣдуетъ выставлять листки о соблюденіи и значеніи поста, о говѣніи, исповѣди, причащеніи Св. Таинъ. Въ праздники—о воспоминаемомъ событіи, о христіанскомъ провозженіи праздничныхъ и воскресныхъ дней; въ родительскія субботы—о молитвѣ за умершихъ, о загробной жизни и состояніи душъ умершихъ людей и т. д. Если въ селѣ особенно развиты какіе-нибудь пороки, напр. пьянство, воровство, грабежи, сквернословіе, то время отъ времени полезно выставлять листки, направленные противъ этихъ духовныхъ недуговъ прихожанъ.

Одинъ пастырь Курской епархіи, примѣнившій въ своемъ приходѣ этотъ дешевый и весьма удобный способъ просвѣщенія народа, говоритъ: «Мнѣ нерѣдко приходилось переживать отрадное чувство, наблюдая, съ какимъ благоговѣніемъ грамотный людъ подходитъ къ витринамъ и, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, начинаетъ читать громко поучительные листки, собирая вокругъ себя внимательныхъ слушателей. Несомнѣнно, что съ такимъ усердіемъ читаемое и слушаемое Слово Божіе не можетъ остаться безплоднымъ: рано или поздно оно прозябнетъ въ душѣ христіанина и принесетъ пользу ему, а равно награду и тому, кто тѣмъ или инымъ способомъ сѣетъ доброе, святое сѣмя».

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Страшное паденіе.

Погибели предшествуетъ гордость, а паденію надменность.

Притчи Соломона, XVI, 18.

Онъ палъ въ самый моментъ объявленія войны, когда еще не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Онъ палъ, сраженный собственною гордостію. Кто читалъ книгу Рейха о «Германіи», тотъ знаетъ, до

какихъ чудовищныхъ размѣровъ достигала германская надменность. Германецъ утверждалъ, что только люди германскаго племени одни достойны названія «человѣкъ» (Mann) въ истинномъ смыслѣ слова, и что имъ принадлежитъ все великое въ человѣчествѣ, кѣмъ бы оно ни было совершено, пусть италянцами или французами. Поэтому «для достиженія полнаго благополучія всѣ народы должны отречься отъ самостоятельности и слиться въ одну всемірную Германію (Alldeutschland)». Особенно ненавидѣлъ германецъ славянъ: самые ученые люди германскіе считали ихъ просто «навозомъ» для удобренія нѣмецкихъ успѣховъ, всегерманской культуры.

И вотъ, чтобы обнаружить этотъ «сверхчеловѣчскій» германскій духъ во всемъ его величіи, германскій императоръ объявилъ самую безчеловѣчную истребительную войну, въ которой онъ совершенно сознательно рѣшилъ попрасть всѣ требованія образованности, всѣ законы человѣческіе и Божескіе. Тотъ, кто въ третій день своего царствованія (18 іюня 1888 г.) заявлялъ своему народу, что онъ предъ лицомъ Царя царствующихъ будетъ стоять на стражѣ мира (den Frieden zu schirmen), 40 лѣтъ готовился къ войнѣ и рѣшилъ, наконецъ, потопить Европу въ морѣ крови безъ всякаго серьезнаго повода. Онъ зналъ, что его оскорбительныя требованія, предъявленныя Россіи, не могутъ быть выполнены уважающимъ себя народомъ, и зналъ также, что ужасы кровопролитія совершенно не будутъ соотвѣтствовать выставляемому имъ поводу. Но вопреки разуму и совѣсти онъ рѣшилъ стереть съ лица земли славянъ и французовъ и двинулъ свои полчища на западъ и востокъ вмѣстѣ съ австріяцами.

И что же обнаружилось? Во-первыхъ, ложь, ибо народу было объявлено, что не Германія начала войну, но Россія напала на Германію; во-вторыхъ, насиліе и вѣроломство въ нарушеніи нейтралитета Бельгіи, обезпеченнаго договорами и собственною подписью Германскаго императора; въ-третьихъ, звѣрство и жестокость въ способѣ веденія войны, въ добиваніи раненыхъ и закапываніи ихъ живыми, въ разстрѣлахъ мирныхъ жителей, стариковъ и дѣтей; въ-четвертыхъ, нарушеніе обычаевъ и долга гостепріимства въ отношеніи къ подданнымъ воюющихъ странъ, внезапно захваченнымъ войною въ предѣлахъ Германіи; въ-пятыхъ, грабежъ и разбой при всякой возможности, особенно въ занятыхъ непріятельскихъ городахъ, облагаемыхъ непосильными контрибуціями и реквизиціями; въ-шестыхъ, варварство и вандализмъ въ разрушеніи и истребленіи цѣлыхъ городовъ, музеевъ, дворцовъ, библіотекъ и произведеній искусства; въ-седьмыхъ, глубокую безнравственность въ насиліяхъ надъ женщинами

и дѣвushками въ самую страшную минуту предъ лицомъ смерти; въ осьмыхъ, кощунство и богохульство, выразившееся въ поруганіи святыхъ храмовъ Божіихъ, обращаемыхъ въ конюшни, иконъ, пронзаемыхъ штыками и пробиваемыхъ (въ глаза) гвоздями, въ оскорбленіи и казняхъ священниковъ... Словомъ, нѣтъ ничего великаго и священнаго, что не было бы оскорблено германцемъ въ настоящей войнѣ: истина, право, совѣсть, религія—все попрано совершенно сознательно. Тотъ, кто горделиво заявлялъ, что нѣмцы боятся только Бога, солгалъ, ибо сознательно попралъ въ сердцѣ своемъ страхъ Божій. Но тотъ, кто сознательно попираетъ законы Божескіе и человѣческіе, есть преступникъ и злодѣй. Гдѣ же пресловутый сверхчеловѣкъ, когда на мѣстѣ его оказывается звѣрь?

Онъ поднялъ горделиво свой «бронированный кулакъ» къ небу и упалъ, упалъ самымъ ужаснымъ паденіемъ, какое только знаетъ человѣчество,—паденіемъ нравственнымъ. Онъ палъ въ бездну нечестія, откуда нѣтъ возврата; ибо безчестіе этого паденія останется съ нимъ на вѣки, и память о немъ черными буквами будетъ начертана на скрижаляхъ исторіи. Господь собралъ всѣ народы земные видѣть позоръ этого паденія. Возмущенная совѣсть всего міра уже произнесла свой судъ надъ этимъ злодѣйствомъ. Самые образованные народы Европы съ негодованіемъ взяли за оружіе, чтобы сокрушить германскую тиранию. И если даже одолѣетъ онъ теперь въ своемъ звѣрствѣ всѣхъ союзниковъ и побѣдитъ весь міръ, то онъ не встанетъ и не оправится отъ нравственнаго пораженія. Нравственно онъ сраженъ на вѣки. Это мертвецъ въ нравственномъ міропорядкѣ, и онъ долженъ совсѣмъ умереть, чтобы ожить.

Невольно припоминается слово пророка: «Городъ шумный, волнующійся, городъ ликующій! Пораженные твои не мечемъ убиты и не въ битвѣ умерли!» (Исаи, XXII, 2). М. О.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА

проф.-прот. Н. СТЕЛЛЕЦКАГО:

„Опытъ нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи“.

Т. I. Ц. 2 р. 80 к. съ перес., съ требованіемъ обращаться: Харьковъ, Царицынская ул. д. № 27.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ХАРЬКОВСКАГО РЕЛИГИОЗНО - ПРОСВѢТИТЕЛЬНОГО
ЕПАРХІАЛЬНОГО БРАТСТВА

Озерянской иконы Божіей Матери

ЗА ВРЕМЯ

съ 1-го октября 1912 г. по 1-е октября 1913 г.

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.
1914.

Отдѣльное приложеніе къ № 18 ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1914 г.

О Т Ч Е Т Ъ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

Харьковскаго религіозно-просвѣтительнаго епархіальнаго Братства Озерянской иконы Божіей Матери

за время съ 1-го октября 1912 года по 1-е октября 1913 года.

Составъ Братства.

Въ отчетномъ году Братство Озерянской иконы Божіей Матери, находясь подъ покровительствомъ и руководствомъ Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, состояло: 1) изъ обязательныхъ членовъ, каковыми состояли всѣ священно-и церковно-служители, церковные старосты, учителя и учительницы церковныхъ школъ, настоятели и настоятельницы монастырей, все монашествующее духовенство епархіи, преподаватели и другія должностныя лица всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній епархіи и штатныя чиновники Консисторіи. Духовенство и церковные старосты, а также учащіе въ церковныхъ школахъ Старобѣльскаго уѣзда, согласно распоряженію Архіепископа, состоятъ членами необязательными, 2) изъ членовъ необязательныхъ—лицъ свѣтскаго званія, православнаго вѣроисповѣданія, изъявившихъ желаніе вступить въ члены Братства.

Обязательные и необязательные члены Братства дѣлились на 1) членовъ почетныхъ, 2) пожизненныхъ, 3) дѣйствительныхъ, 4) членовъ сотрудниковъ и 5) членовъ соревнователей. Общее количество членовъ всѣхъ разрядовъ во всей епархіи было 3496 чловѣкъ. Почетными членами состояли: Высокопреосвященнѣйшій Флавіанъ, митрополитъ Кіевскій и Галицкій, Преосвященный Стефанъ, Архіепископъ Курскій, Преосвященный Евгеній, епископъ Благовѣщенскій, Преосвященный Алексій, епископъ Саратовскій, Преосвященный Теодоръ, епископъ Сумскій, Протоіерей Стефанъ Любицкій (нынѣ умершій). Членами пожизненными были: Протоіерей о. Павелъ Солнцева,

Протоіерей Василій Встуховъ, Протоіерей Петръ Полтавцевъ, Священникъ Іоаннъ Мантулинъ, Генераль-лейтенантъ Н. И. Мау, Тайный Совѣтникъ М. М. Алексѣенко, Д. Ст. Сов. А. А. Іозефовичъ, Н. М. Филонова, М. А. Шнуркова, П. К. Баженовъ, А. Я. Жмудскій, И. Г. Безчетвертновъ.

Составъ Совѣта Братства.

Составъ Совѣта Братства въ отчетномъ году былъ слѣдующій. Предсѣдателемъ Совѣта состоялъ Преосвященный Теодоръ, епископъ Сумскій. Товарищемъ Предсѣдателя состоялъ Протоіерей І. Пичета, членами: Ректоръ Семинаріи Протоіерей А. Юшковъ, Протоіереи: Іоаннъ Гончаревскій, Николай Любарскій (казначей), Петръ Фоминъ, Петръ Полтавцевъ, Василій Добровольскій, Владиміръ Александровъ, Священникъ Николай Липскій, Священникъ Петръ Вишняковъ, Секретарь Консисторіи И. О. Самойловичъ, Епархіальный Наблюдатель В. Ф. Давыденко, Епархіальный Миссіонеръ Архимандритъ Арсеній и членъ-дѣлопроизводитель Священникъ Михаилъ Клячновъ. Кандидатами къ членамъ состояли: Архимандритъ Афанасій и Протоіерей Василій Встуховъ. Ревизіонная комиссія состояла изъ Протоіерея Василя Встухова, Смотрителя Духовнаго Училища А. А. Снегирева и Священника І. Горайна. Кандидатъ Священникъ І. Дмитревскій.

Отдѣленія Братства состояли въ городахъ:

Ахтыркѣ, Богодуховѣ, Валкахъ, Волчанскѣ, Зміевѣ, Изюмѣ, Купянскѣ, Лебединѣ, Сумахъ, Старобѣльскѣ, Славянскѣ, въ слоб. Бѣловодскѣ. Кромѣ того въ вѣдѣніи Центрального Братства находились частныя Братства: Шаровское, Мурафское, Бѣлопольское и Ольшанское Харьковскаго уѣзда.

9-го октября 1913 года по произведенной въ засѣданіи Совѣта баллотировкой выбывшими изъ состава Центрального Братства оказались Протоіерей І. Пичета и Протоіерей В. Добровольскій. На мѣсто выбывшихъ общее собраніе имѣетъ избрать новыхъ членовъ.

Дѣятельность Совѣта Центрального Братства.

Въ теченіе истекшаго года Совѣтъ Центрального Братства имѣлъ девять очередныхъ засѣданій, на которыхъ разсматривались журнальныя постановленія и отчеты уѣздныхъ отдѣленій и частныхъ братствъ, давались руководственныя указанія по тѣмъ или инымъ вопросамъ Совѣтамъ Уѣздныхъ Отдѣленій, обсуждались мѣры къ распространенію и утвержденію въ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Цѣркви. Въ отчетномъ году Центральный

Совѣтъ Братства оказывалъ матеріальную помощь на содержаніе помощника миссіонера въ епархіи, на выписку листовъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія для бесплатной раздачи народу, на веденіе чтеній съ туманными картинами, комитету по устройству Крестнаго хода съ иконой Песчанской Божіей Матери изъ Харькова въ Бѣлгородъ, на постройку сгорѣвшаго зданія Огульчанской церковно-приходской школы и др.

Распространеніе и утвержденіе въ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви, согласно § 1 Устава Братства, является главной задачей Братства. Къ этой именно цѣли и направлена была дѣятельность Совѣта Братства и его Отдѣленій.

Подъ руководствомъ Совѣта Центрального Братства во всѣхъ церквахъ г. Харькова приходскимъ духовенствомъ велись внѣ-богослужебныя собесѣдованія послѣ торжественныхъ вечеренъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, съ 1-го октября 1912 года до праздника Св. Троицы. На внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ было прочитано:

Въ Скорбященской церкви при Харьковской мѣщанской богадѣльнѣ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ велись религіозно-нравственныя чтенія съ туманными картинами. Всѣхъ чтеній было 26. Всѣ эти чтенія не были расположены по опредѣленной программѣ, а зависѣли отъ той потребности, какая вызывалась посѣтителемъ этихъ чтеній. Статьи для религіозно-нравственныхъ чтеній выбирались изъ журналовъ: «Кормчій», «Воскресный Благовѣсть», «Трезвая Жизнь», «Отдыхъ Христіанина», «Русскій Паломникъ» и др. Руководилъ чтеніями свящ. Михайлъ Сѣкирскій. Дѣятельное участіе въ этихъ чтеніяхъ принимали: діаконъ Александръ Базилевичъ, учительница Евдокія Базилевичъ и воспитанники старшихъ классовъ духовной семинаріи. Посѣтителей являлось на чтенія 200—500 человекъ. Въ Харьковской Рождество-Богородичной церкви на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ читались статьи изъ различныхъ духовныхъ журналовъ. Вслѣдствіе того, что приходъ Рождество-Богородичной церкви по своему составу интеллигентный, внѣбогослужебныя собесѣдованія посѣщались только единацами.

Въ Николаевской церкви велись собесѣдованія: Протоіереемъ П. Ивановымъ было предложено объясненіе 6, 7, 8 и 9 членовъ символа вѣры. Прот. В. Ветуховымъ подробно сообщено о святителяхъ Іоасафѣ Бѣлгородскомъ и Гермогенѣ, патріархѣ Московскомъ.

Въ Свято-Духовской церкви Прот. П. Тимофеевъ велъ бесѣды о жизни Іисуса Христа со дня рожденія до вознесенія на небо. Свящ.

А. Жадановскій—о храмѣ, его устройствѣ и раздѣленіи, о священ. сосудахъ и вещахъ, употребляемыхъ при Богослуженіяхъ, о жертвоприношеніяхъ Богу. Свящ. С. Перцевъ—о милосердіи Богоматери къ роду человѣческому, явленное чрезъ чудотворныя Ея иконы.

Въ Ново-Троицкой церкви свящ. А. Василевскій объяснялъ десять заповѣдей Закона Божія, а также воскресныя евангельскія чтенія.

Въ с. Основѣ религіозно-нравственныя чтенія велись въ Основянскомъ народномъ театрѣ, сопровождавшіяся туманными картинами. Чтенія велъ свящ. М. Пстровъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, прочитывалось о празднуемыхъ событіяхъ, объяснялись апостольскія чтенія, притчи и таинства.

Въ Пантелеимоновской церкви свящ. А. Вертеловскимъ велись чтенія, на которыхъ предложено: апостольскія и евангельскія чтенія, поученія о истинно-христіанской жизни. Свящ. Приходинъ велъ собесѣдованія о жизни Богоматери, о Палестинѣ, о почитаніи Государя и его значеніи.

Въ Казанской церкви свящ. Н. Ястремскимъ велись чтенія о жизни нѣкоторыхъ святыхъ, о христіанскомъ вѣроученіи Православной Церкви въ параллель лжеученію сектантовъ раціоналистическаго характера (глав. образ. евангелистовъ). На собесѣдованіяхъ введено общенародное пѣніе.

Въ Воскресенской церкви Прот. Н. Соколовскій предлагалъ бесѣды о евангельскихъ блаженствахъ. Свящ. Г. Рудинскій о символахъ вѣры. Свящ. І. Горайнъ велъ бесѣды о заповѣдяхъ Закона Божія. На собесѣдованіяхъ общенародно исполнялись нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія. По окончаніи бесѣдъ нерѣдко раздавали религіозно-нравственнаго содержанія листки, приобретаемые церковнымъ старостою за его личный счетъ. Число слушателей зависѣло отъ погоды и было отъ 50 до 200 человѣкъ.

Въ Вознесенской церкви внѣбогослужебныя чтенія велись Протоіереями Г. Чеботаревымъ и Д. Поповымъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ во время вечерень, объяснялись евангельскія и апостольскія чтенія или излагалась исторія праздника, иногда читались житія святыхъ и предлагались другія соотвѣтствующія чтенія. Чтенія сопровождались пѣніемъ разныхъ молитвъ со стороны причта и церковниковъ. Слушателей было разное количество отъ 10 до 40 чел.

Въ Всѣхсвятской церкви на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ объяснялись: символъ вѣры, десять заповѣдей синайскаго законодательства, а въ великій постъ въ послѣднія воскресенія были пред-

лагаемы слушателямъ подробныя бесѣды о Палестинѣ. Слушателей бывало отъ 20 до 50 человекъ, а въ великій постъ и болѣе.

Въ Дмитріевской церкви послѣ торжественныхъ вечеренъ въ воскресные дни свящ. Луценковъ предлагалъ житія святыхъ съ нравственными приложеніями. Свящ. М. Клячновъ объяснялъ дневное евангеліе. Свящ. Крохатскій велъ бесѣды на разныя темы христіанской жизни. Кромѣ бесѣдъ и чтеній каждый воскресный день было чтеніе акафиста предъ чтимымъ образомъ Смоленской Божіей Матери.

Въ с. Ивановкѣ религіозно-нравственныя чтенія велись свящ. Доброславскимъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, предложены были бесѣды о Св. Таинствахъ, о страданіяхъ Господа І. Христа и о Св. Гробѣ Господнемъ. Свящ. Поповымъ объяснялись символы вѣры онъ же велъ собесѣдованія о Св. Землѣ.

Въ Петро-Павловской церкви свящ. Н. Смирновымъ проведены 7-мь бесѣдъ о предметахъ вѣры и нравственности и 5-ть чтеній о Святой Землѣ. Бесѣды и чтенія велись во время внѣбогослужебное, о нихъ предварительно объявлялось послѣ литургіи въ тотъ день, когда они велись. Бесѣды и чтенія предварялись, перемежались и заканчивались пѣніемъ молитвъ и другихъ пѣснопѣній всѣми слушателями, коихъ собиралось отъ 40 до 100 человекъ, преимущественно лицъ женскаго пола.

Въ Христорождественской церкви на внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ читались катехизическія поученія, объяснялась молитва Господня и велись бесѣды о заповѣдяхъ блаженства.

Въ Троицкой церкви г. Харькова нравственно-религіозныхъ чтеній и бесѣдъ съ октября 1912 года по іюнь 1913 года было 41. На чтеніяхъ и бесѣдахъ преимущественно читалось о предметахъ вѣры и нравственности.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ отчетномъ году въ залѣ харьковскихъ думскихъ засѣданій устраивались Братствомъ научно-богословскія чтенія, привлекавшія въ думскій залъ довольно значительное количество слушателей. Къ участію въ чтеніяхъ привлечены были лучшія силы духовенства г. Харькова и преподавателей дух. семинаріи. Помѣщеніе для чтеній съ электрическимъ освѣщеніемъ бесплатно было предоставлено Братству Харьковскимъ городскимъ головою А. К. Погорѣлко. Успѣху чтеній въ значительной степени содѣйствовало участіе въ нихъ церковныхъ хоровъ, которые въ промежуткахъ чтеній и въ концѣ ихъ исполняли церковныя пѣснопѣнія, чѣмъ доставляли слушателямъ высокое художественное наслажденіе. Участіе принимали слѣдующіе хоры: Архіерейскій подъ управленіемъ Ведринскаго, хоръ

И. М. Туровърова, воспитанниковъ Духовной Семинаріи и Основянскій подъ управленіемъ регента М. Орленка.

Опытъ предшествующихъ годовъ показалъ неудобство бесплатной раздачи билетовъ на чтенія; въ залъ чтеній часто являлись люди и не интересующіеся чтеніемъ и не достаточно подготовленные къ пониманію серьезныхъ чтеній. Поэтому Совѣтъ Братства еще въ 1911-мъ году рѣшилъ ввести платные билеты на чтенія, назначивъ цѣну мѣстамъ отъ 10-ти коп. до 25 коп. представляя, однако, всякій разъ нѣсколько бесплатныхъ билетовъ для учащихся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, для учащихся въ церковныхъ школахъ и для нѣкоторыхъ изъ духовенства. Составъ слушателей со введеніемъ платныхъ билетовъ нѣсколько улучшился въ томъ смыслѣ, что на чтенія стали являться лишь люди интересующіеся ими и достаточно подготовленные къ пониманію серьезнаго матеріала, предлагаемаго лекторами.

Первое чтеніе было 17-го февраля, незадолго до празднованія 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ, предложено было Протоіереемъ о. Д. Поповымъ на тему: «Россія и Домъ Романовыхъ».

Второе чтеніе 3-го марта предложено было законоучителемъ 4-й Харьковской мужской гимназіи Протоіереемъ о. Н. Красовскимъ на тему: «Образованіе и Церковь». 1) Великое и отвѣтственное дѣло образованія и воспитанія молодого поколѣнія должно представлять изъ себя строго обдуманную напередъ систему, имѣющую своею цѣлю, кромѣ развитія ума (цѣль формальная) всеми возможными средствами передать воспитывающемуся молодому поколѣнію вѣками и тысячелѣтіями собранный духовный капиталъ, все наиболѣе дорогое и цѣнное въ области умственной, нравственной, религіозной и т. п. (цѣль матеріальная). 2) И по общечеловѣческому сознанію и по сознанію христіанскому, въ особенности, такой системы образованія и воспитанія человѣка, какъ разумнаго, религіозно-нравственнаго существа, къ тому же научнаго и религіею Господа І. Христа возстановляемаго въ своемъ природномъ достоинствѣ, можетъ быть прочно обоснована только на религіи. 3) Сознвая дѣло образованія и воспитанія человѣка на такомъ фундаментѣ, христіанство ничѣго не имѣетъ и противъ занятій и т. п. науками свѣтскими, коль скоро и онѣ содѣйствуютъ человѣку въ осуществленіи завѣтныхъ идеаловъ-всеобщаго мира, счастья, торжества свѣта надъ тьмой, добра надъ зломъ и т. п., о которыхъ говоритъ религія Господа І. Христа. 4) Наука и философія будучи сама по себѣ не въ состояніи рѣшить выходящихъ изъ предѣловъ положительнаго знанія «вѣчно старыхъ

и вѣчно новыхъ» проблемъ о послѣднихъ причинахъ всего существующаго, не могутъ дать прочно обоснованныхъ и соответствующихъ истинѣ высшихъ руководящихъ принциповъ въ пониманіи міра, существа природы человѣка и смысла его жизни, а слѣдовательно и въ дѣлѣ образованія и воспитанія его, именно какъ человѣка. 5) Всѣ попытки построить учебно воспитательное дѣло на данныхъ науки, отрицающей Бога и все Божественное, неизбежно ведутъ къ отрицанію религіи въ жизни, къ отрицанію руководящаго значенія идеаловъ христіанской нравственности, мѣсто которыхъ должны занять низменные, грубо-чувственные идеалы эвдемонизма и утилитаризма, вращающіеся исключительно въ области земной и чувственной. 6) Признаніе такихъ принциповъ руководящими началами нравственной дѣятельности и ограниченіе цѣли жизни земными благами, понимаемыми каждымъ по своему, субъективно, приводитъ къ отождествленію добра и зла съ «пріятнымъ», «полезнымъ», «непріятнымъ», «вреднымъ», т. е. къ извѣстному извращенію нравственныхъ понятій и къ оправданію того, что принято называть нравственной распущенностію. 7) Возвышенный нравственный идеаль возможенъ лишь при наличности вѣры въ Бога, Божественнаго закона, бессмертіе души и т. п., вообще при наличности образованія и воспитанія молодого поколѣнія, созидаемаго на принципахъ христіанства, которое указываетъ міру такіе идеалы, черезъ осуществленіе коихъ въ жизни и можетъ водвориться царство Божіе на землѣ—царство любви, правды и добра.

Третье чтеніе въ воскресеніе 17-го марта предложено было Священникомъ Николаемъ Липскимъ на тему: «По ту сторону религіи и нравственности». Въ своемъ докладѣ авторъ излагаетъ сперва основы современнаго научно-механическаго міропониманія: Канто-Лапласовскую теорію мірозданія, эволюціонную теорію Дарвина, философію Ницше; затѣмъ указываетъ, какъ эти теоретическія основы отражаются на нравственныхъ выводахъ и поясняетъ свои положенія примѣрами изъ современной художественной литературы и жизни.

Четвертое чтеніе въ воскресеніе 31-го марта предложено было законоучителемъ 2-й мужской гимназіи Священникомъ о. І. Артинскимъ на тему: «Жизнь или Смерть» (современная семья при свѣтѣ Христіанскаго ученія о ней).

І. Общій характеръ жизни и литературы нашего времени въ отношеніи къ вопросамъ религіи и морали. Черты духовной смерти современнаго человѣка въ произведеніяхъ литературы. Семья—интимная основа общественности—въ изображеніи Л. Андреева («Про-

фессоръ Сторицынъ» и «Екатерина Ивановна») и П. Боборыкина («Грядущее»). Грозный моментъ переживаемаго времени въ перспективѣ сравнительно-историческихъ явленій.

II. Основоположное значеніе семьи въ общей исторіи культуры и прогресса человѣческаго. Семья съ психологической, социологической и христіанской точки зрѣнія. Идея семьи по христіанскому ученію, какъ самому возвышенному. Христіанство не отвергаетъ семьи, а одухотворяетъ естественный фактъ семейной жизни, указывая ей религіозно-нравственныя задачи. Супружество—форма подвига, мученичества, аскетизма. Выраженіе этого взгляда въ чинѣ и психологій таинства брака. Дѣти въ нормальной, христіанской семьѣ и ихъ воспитаніе, цѣль котораго въ консервативномъ прогрессѣ, связующемъ прошлое съ настоящимъ и подготовляющемъ творческую способность созиданія правдивнаго блага, общаго для всѣхъ поколѣній. Отраженіе христіанскаго ученія о семьѣ въ лучшихъ типахъ русскихъ классиковъ (Пушкинъ, Толстой, Некрасовъ, Тургеневъ).

Заключеніе: въ современной семьѣ, какъ она изображается въ русской литературѣ, потускнѣлъ Ликъ Христовъ или Его и совсѣмъ нѣтъ, оттого настоящее мрачно, а грядущее опасно.

Кромѣ организациі научно-богослужебныхъ собесѣдованій, Совѣтъ Братства руководилъ дѣятельностью уѣздныхъ отдѣленій, выдавалъ пособія нѣкоторымъ священникамъ и миссіонерскимъ кружкамъ на приобрѣтеніе противосектантскихъ брошюръ, волшебныхъ фонарей и т. д., продолжалъ также изданіе «Южно-русскаго церковно-народнаго календаря» съ литературно-паучными приложеніями противосектантскаго и патріотическаго характера.

Дѣятельность Отдѣленій Братства.

1) Въ отчетномъ году Ахтырское отдѣленіе состояло изъ 275-ти лицъ. Изъ нихъ 70-были дѣйствительными членами, 83-членами сотрудниками, а остальные 122-членами соревнователями. Въ составъ Совѣта входили лица: Предсѣдатель, Настоятель Ахтырскаго Покровскаго Собора, Протоіерей Гавріилъ Бѣлоусовъ, товарищъ предсѣдателя—почетный мировой судья, дворянинъ Е. Л. Бразоля, члены: Священники: Д. Владыковъ, А. Поповъ, Н. Сперанскій, В. Загурскій (казначей) І. Петровича и П. Попова (дѣлопроизводитель), Уѣздный наблюдатель церковныхъ школъ, Свящ. П. Федоровъ, Благочинные: Свящ. Ф. Юшковъ, А. Гончаревскій и Г. Шебатинскій. Ревизионную комиссію составляли: Свящ. Н. Федоровъ, діаконъ І. Роменскій и псаломщикъ А. Исиченковъ. Дѣятельность Отдѣленія выразилась въ

слѣдующемъ: а) пополнена была братская библіотека, б) выписаны были брошюры и листки религіозно-нравственнаго и противосектантскаго характера для бесплатной раздачи народу по церквамъ, в) члены Ахтырскаго миссіонерскаго кружка въ годовщину открытія его, послѣ нарочитаго торжественнаго молебна, поощрены были поднесеніемъ св. иконъ и просфоръ, а два изъ нихъ (Пупъ и Василенко) во вниманіе къ особо полезной ихъ дѣятельности по миссіонерству, сопряженной съ издержками на переѣзды, вознаграждены были 50 рублями, г) Совѣтъ, ясно сознавая тотъ великій вредъ для религіозно-нравственной жизни населенія, который неминуемо приносится воскресными базарами, отвлекающими народъ отъ храма, вошелъ съ ходатайствомъ въ Ахтырскую Городскую Думу о закрытіи въ городѣ воскресной и праздничной торговли и особенно воскресныхъ базаровъ, д) Совѣтъ ассигновалъ изъ своихъ средствъ 65-ть рублей на пополненіе миссіонерской библіотеки 1-го Ахтыр. округа. Денежныя средства отдѣленія: поступило на приходъ съ остаткомъ отъ предшествующаго года 1071 руб. 82 коп. Израсходовано 426 руб. 54 коп., остается къ слѣдующему году 645 руб. 28 коп., наличными 152 руб. 53 коп., въ сберегательной кассѣ 492 руб. 75 коп.

2) Валковское отдѣленіе имѣло въ своемъ составѣ 45 дѣйствительныхъ членовъ, 58-членовъ-сотрудниковъ и 87 членовъ-соревнователей, всего 190 ч. умерло 1 ч. Въ составъ Совѣта отдѣленія входили: Предсѣдатель Прот. А. Новскій, Товарищъ его Д. С. Сов. А. Н. Яхонтовъ и члены священники: И. Слюсаревъ (дѣлопроизводитель), А. Ястремскій, С. А. Синявскій (казначей), Г. Е. Кловацкій, В. И. Бондаревъ и А. Я. Груба. Члены по должности Благодѣтельный,—Свящ. І. Николаевскій и Предсѣдатель Шаровскаго Братства Свящ. М. Николаевскій. Въ составъ ревизіонной комиссіи входили Свящ. П. Курской и члены свящ. Ф. Ивановъ и М. Бѣляевъ. Дѣятельность отдѣленія главнымъ образомъ выразилась въ заботѣ о защитѣ Церкви Христовой отъ современнаго сектантства, которое особенно проявляется въ Валковскомъ уѣздѣ, для этого Братство изыскивало средства на содержаніе уѣзднаго о. миссіонера, выписывало листки и брошюры религіозно-нравственнаго и противосектантскаго содержанія для бесплатной раздачи народу по всему уѣзду, устраивало народныя чтенія и собесѣдованія, нерѣдко съ туманными картинами, приняло на себя хлопоты по поднятію въ г. Валки чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери, съ каковою цѣлью членами-братчиками были изысканы потребныя средства, въ виду исполненія 100-лѣтія Отечественной войны выписало на свои средства свѣтлыя картины и

брошюры «въ память 1812-года», и устраивало соотвѣтствующія народныя чтенія. Денежныя средства отдѣленія: поступило на приходъ съ остаточными 604 руб. 81 коп., израсходовано 493 руб. 70 коп. въ остаткѣ къ слѣдующему году 111 руб. 11 коп.

3) Волчанское отдѣленіе въ отчетномъ году имѣло 65 дѣйствительныхъ, 45-членовъ-сотрудниковъ и 152 членовъ-сореvнователей. Всего 252 члена. Совѣтъ отдѣленія состоялъ изъ Предсѣдателя Протоіерея А. Павлова, Товарища его А. Я. Самарскій, членовъ: Священниковъ: П. Фомина, Прот. І. Попова, Прот. П. Булгакова, Свящ. П. Лукашева, В. Насѣдкина, С. Прокофьева, В. А. Тудиновъ, В. И. Эйманъ, Свящ. П. Феневъ (казначей) и І. Власовскій (дѣлопроизводитель). Членами ревизіонной комиссіи состояли: Свящ. В. Мстремскій, В. Поповъ и С. Дмитріевъ. Въ отчетномъ году приходскіе священники, члены Волчанскаго Братства, въ виду упадка вѣры и нравственности особенно среди молодого поколѣнія, а также въ виду распространенія въ уѣздѣ сектантства, проявили особенную ревность къ проповѣданію слова Божія какъ въ храмѣ за богослуженіями, такъ и внѣ храма при требованіяхъ. Въ цѣляхъ борьбы съ сектантствомъ были устраиваемы религіозно-нравственныя чтенія съ свѣтовыми картинами, внѣбогослужебныя собесѣдованія съ народомъ, раздавались брошюры и листки, выписанные на средства отдѣленія Братства, а въ приходяхъ, зараженныхъ сектантствомъ, велись собесѣдованія на миссіонерскія темы. Члены Братства заботились также о возможно болѣе истовомъ совершеніи богослуженія и уясненіи дѣтямъ истинъ христіанскаго вѣроученія при изученіи Закона Божія въ школахъ. Денежныя средства отдѣленія: поступило на приходъ съ остаточными 1093 руб. 58 коп., израсходовано 427 руб. 49 коп., остатокъ къ слѣдующему году 666 руб. 9 коп.

4) Зміевское отдѣленіе состояло: изъ 90 членовъ дѣйствительныхъ, 114-членовъ сотрудниковъ и 131-членовъ-сореvнователей, всего 335 человекъ. Предсѣдателемъ отдѣленія состоялъ Прот. П. Мухинъ, Товарищемъ его Ген.-маіоръ А. Д. Печковскій, членами: Прот. В. Антоновскій, Священники: І. Стеллецкій, Н. Щепинскій, И. Жуковъ, Ф. Сильванскій, В. Соколовъ (дѣлопроизводитель), А. Виноградскій (казначей), Н. Красинъ, Н. Сергѣевъ, Ф. Дейниховскій и П. Стаховскій. Кандидатами въ члены Совѣта состояли Священники: А. Полтавцевъ и С. Павловскій. Члены ревизіонной комиссіи: Священники: В. Ладенковъ, М. Любицкій и А. Котляровъ. Кандидатомъ къ нимъ Священникъ М. Крутьевъ. Въ цѣляхъ борьбы съ сектантствомъ отдѣленіе заботилось и о развитіи дѣла церковнаго учительства-проповѣди

и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, о возможно болѣе истовомъ и торжественномъ совершеніи богослуженія въ храмахъ, объ уяненіи законоучителями въ школахъ истинъ христіанскаго вѣроученія, отвергаемыхъ сектантами, заботилось также отдѣленіе объ улучшеніи пѣнія въ церквахъ. Въ отчетномъ году отдѣленіе выписало для раздачи населенію 17 тысячъ книжекъ, составленныхъ Никольскимъ, также выдано окончившимъ курсъ ученія въ церковно-приходскихъ школахъ уѣзда 600 экземпляровъ св. Евангелія. Денежныя средства отдѣленія: всего поступило за отчетный годъ 664 руб. 89 коп. израсходовано 274 руб., 80 коп., остатокъ въ наличности 390 руб. 9 коп.

5) Въ Изюмскомъ отдѣленіи обязательныхъ членовъ состояло: протоіеревъ и священниковъ 115, діаконовъ 42, псаломщиковъ 115, учителей церковно-приходскихъ школъ 63, учительницъ 26, церковныхъ старостъ 96. Нисобязательныхъ членовъ было 3. Члены дѣлились на дѣйствительныхъ (126), сотрудниковъ (130), соревнователей (204). А всего 460 человекъ. Совѣтъ отдѣленія составляли: Предсѣдатель Священникъ Н. Лозинскій, Товарищъ его А. Т. Жевержеевъ, члены Благочинные: Прот. М. Сѣкирскій, Свящ. М. Воскобойниковъ, Д. Навродскій и М. Пономаревъ, Свящ. А. Навродскій, С. Жуковъ, А. Поповъ, А. Яковлевъ (казначей), В. Жуковъ (дѣлопроизводитель), А. Рубинскій, В. Оружинскій и купецъ В. С. Свиридовъ. Въ составъ ревизіонной комиссіи входили: Священники: В. Григоровичъ, А. Мухинъ и Е. Линицкій. Дѣятельность отдѣленія, по примѣру прежнихъ лѣтъ, была направлена къ распространенію и утвержденію въ народѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія, въ духѣ Православной Церкви. Отдѣленіе содержитъ двѣ библіотеки: въ сл. Пескахъ и Бѣлянскомъ. Въ отчетномъ году выписано было журналовъ для библіотекъ на 42 руб. Въ цѣляхъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на народъ и борьбы съ разнаго рода лжеученіями и сектантствомъ, практиковалась также широкая раздача народу по праздникамъ разныхъ листовъ и брошюръ религіозно-нравственнаго, противосектантскаго и патріотическаго содержанія, въ особенности примѣнявшаяся въ мѣстахъ большого стеченія народа по случаю какихъ-либо общественныхъ моленій, въ большинствѣ случаевъ тогда и въ тѣхъ мѣстахъ, когда и гдѣ велъ свои миссіонерскія бесѣды Епархіальный миссіонеръ Архимандритъ Арсеній. Денежныя средства отдѣленія: оставалось отъ предшествующаго года наличными 242 р. 34 к., $\frac{0}{100}$ бумагами 1500 р., всего съ остаточными было наличныхъ 903 руб. 84 коп., израсходовано 322 руб. 22 коп., остатокъ къ будущему году наличными 581 р. 62 к. $\frac{0}{100}$ бумагами 1500 руб. Суммъ, поступившихъ на со-

держаніе миссіонера-книгоноши: отъ 1911-года оставалось наличными 576 руб. Въ 1912-году поступило 335 руб. а всего съ остаточными 911 руб., израсходовано 386 руб. 76 коп., остается къ 1913 году 524 руб. 24 коп.

6) Лебединское отдѣленіе состояло изъ 250 человекъ, изъ которыхъ было: 1 прот. и 66 священниковъ, 33 діакона, 66-псаломщиковъ, учителей церковныхъ школъ 14-ть, 34 учительницы и церковныхъ старостъ 42 человека. Въ составъ Совѣта отдѣленія входили лица: Предсѣдатель, Прот. С. Прокоповичъ, Товарищъ его А. Н. Николаевъ, члсны: Благочинный священникъ В. Лихницкій, благочинный Свящ. І. Браиловскій, благочин. свящ. А. Дикаревъ, наблюдатель церковныхъ школъ А. Быковъ, священники: П. Рубинскій, А. Эннатскій, С. Могилянскій (казначей), В. Сушковъ (дѣлопроизводитель), М. Сулима, П. Браиловскій и І. Федоровскій. Составъ ревизионной комиссіи: священники А. Червонецкій, І. Исиченковъ и Н. Полянскій. Дѣятельность Совѣта отдѣленія и членовъ онаго состояла въ слѣдующемъ: повсемѣстно священники заботились о религіозно-нравственномъ просвѣщеніи своихъ прихожанъ путемъ церковной проповѣди и внѣбогослужебныхъ собесѣдованій, особенно въ дни Великаго поста, законоучители въ школахъ старались особенно выяснить тѣ пункты православно-христіанскаго вѣроученія, какіе извращаются сектантами. Совѣтъ отдѣленія снабжалъ приходскихъ священниковъ листками и брошюрами религіозно-нравственнаго и патріотическаго содержанія для раздачи населенію, а также для выставленія въ витринахъ, кромѣ того, для чтенія народу выдавались книги изъ библіотекъ нѣкоторыхъ церковныхъ школъ. Пріятно памятно для отдѣленія Братства святыя дни съ 23-го мая по 10-е іюня, когда въ г. Лебединѣ пребывала великая Святыня Чудотворный Образъ Озерянской Божіей Матери, когда замѣчался особенный подъемъ религіознаго настроенія въ г. Лебединѣ, когда храмы были наполнены не только жителями г. Лебедина, но и богомольцами, явившимися поклониться Святынѣ изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ уѣзда. Денежныя средства отдѣленія: поступило на приходъ съ остаткомъ отъ предшествующаго года 1282 руб. 39 коп., израсходовано 351 руб. 20 коп., остатокъ къ будущему году 931 руб. 19 коп.

7) Въ Сумскомъ отдѣленіи было членовъ: 47 священниковъ, 19 діаконъ, 37 псаломщиковъ, 39 церковныхъ старостъ, 14-учителей и 22-учительницы церковно-приходскихъ школъ. Въ составъ Совѣта входили: Предсѣдатель, Протоіерей І. Дмитріевъ, Товарищъ его, Н. И. Скубенко, члены: Прот. В. Петровскій (умеръ), Свящ. М. Добрецькій

(на мѣсто Петровскаго), Священникъ С. Недѣлька, А. Бѣляевъ, А. Мигулинъ, А. Флоринскій, Н. Калужный, Н. Мощенко, Прот. П. Сорочинскій (казначей) и свящ. А. Церковницкій (дѣлопроизводитель). Въ отчетномъ году Совѣтъ по мѣрѣ возможности поддерживалъ религіозно-просвѣтительную дѣятельность въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она достигла въ предшествующіе годы, оказывая матеріальную и нравственную поддержку служащимъ его дѣлу лицамъ и учрежденіямъ. Для братской бібліотеки выписаны на 1913-годъ газ. «Колоколъ» и журналы: «Миссіонерское Обозрѣніе», «Голосъ истины» «Русскій Паломникъ» «Кормчій» «Голосъ Церкви» и «Ревнитель». Хотя въ самомъ маломъ количествѣ, по ограниченности средствъ, но все же были розданы листки противосектантскіе и противъ пьянства. Приходскіе священники не упускали случая касаться этихъ вопросовъ въ своихъ проповѣдяхъ и внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ. А въ витринахъ подвижной бібліотеки по преимуществу выставлялись листки противосектантскіе и противоалкогольныя. Денежныя средства отдѣленія: въ отчетномъ году вмѣстѣ съ остаточными поступило 733 руб. 6 коп., израсходовано 433 руб. 95 коп., осталось 299 р. 11 к.

8) Старобѣльское отдѣленіе состояло изъ 371 добровольныхъ членовъ. Предсѣдателемъ отдѣленія состоитъ Протоіерей В. Аристовъ, товарищемъ его, священникъ Д. Баженовъ, членами: священники П. Литкевичъ, С. Наумовъ, М. Мантулинъ, І. Касьяновъ, Н. Мищенко, благочинные: М. Согинъ, І. Кузнецовъ, М. Торанскій, Предсѣдатель отдѣленія училищнаго Совѣта Прот. Г. Поповъ и наблюдатель церковныхъ школъ свящ. П. Мухинъ. Дѣятельность Совѣта отдѣленія выразилась въ слѣдующемъ: священники уѣзда по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ вели внѣбогослужебныя собесѣдованія въ храмахъ, а также въ школьныхъ зданіяхъ, при чемъ нѣкоторыя собесѣдованія сопровождались туманными картинами. Какъ способъ воздѣйствія на народъ,—распространенія среди него здравыхъ религіозныхъ и государственныхъ понятій практиковалась раздача листовъ содержанія религіозно-просвѣтительнаго, миссіонерскаго, историческаго и патріотическаго. За неимѣніемъ въ распоряженіи Совѣта отдѣленія свободныхъ средствъ, кои, главнымъ образомъ, употреблялись на оборудованіе книжной и иконной торговли по братской лавочкѣ, средствами для выписи листовъ служили личныя жертвы братчиковъ, такъ: Прот. В. Аристовъ выписалъ 3000 экземпляровъ изданій Кіево-Печерской лавры, которые и самъ раздавалъ въ базарные дни, и снабжалъ ими священниковъ, наиболѣе нуждавшихся, а также передавалъ въ братскую лавочку для бесплатной раздачи покупателямъ,

особенно ополченцамъ и призываемымъ для отбытія воинской повинности въ арміи. То же дѣлали и нѣкоторые изъ священниковъ, выписывая листы для раздачи народу, частью на свои, частью на церковныя средства. Денежныя средства отдѣленія: оставалось отъ прошедшаго года съ остаточными 992 руб. 94 коп., израсходовано 959 руб. 85 коп., осталось къ будущему году 33 руб. 09 коп.

9) Совѣтъ Бѣлопольскаго отдѣленія составляли слѣдующія лица: Предсѣдатель священникъ І. Ведринскій, Товарищъ его А. К. Петровскій (умеръ), на его мѣсто вступилъ въ отправление обязанностей Товарища Предсѣдателя священникъ А. Люминарскій, Членами Совѣта были: священники К. Илларіоновъ (казначей), М. Рогальскій и П. Еварницкій. Ревизіонную комиссію составляли: А. Клементьевъ, П. Ставровскій и С. Крыжановскій. Дѣятельность отдѣленія имѣла двѣ главныя цѣли: религіозно-просвѣтительную и благотворительную. Достиженію первой способствовало улучшеніе хоровъ въ нѣкоторыхъ приходяхъ, пополненіе братской бібліотеки приобрѣтеніемъ новыхъ книгъ, для удовлетворенія духовной потребности читающей публики, распространеніе книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, облегченіе учащихся въ приобрѣтеніи по возможно дешевымъ цѣнамъ учебниковъ и учебныхъ пособій. Братская бібліотека также съ пользою продолжала свое существованіе. Идя на встрѣчу читателямъ, Совѣтъ отдѣленія заботился о пополненіи бібліотеки новыми книгами, каковыхъ приобрѣтено 104 экземпляра. Кромѣ братской лавочки въ г. Бѣлопольѣ, были ея отдѣленія въ селахъ: Ворожба, Рѣчки и Павловка. Поддерживая патріотическія чувства въ народѣ, Совѣтъ отдѣленія выписалъ 1500 экземпляровъ книги «Къ трехсотлѣтію Царствующаго Дома», которые и разослалъ во 2-й благочиннической округъ Сумскаго уѣзда для бесплатной раздачи народу, въ день же празднованія онаго юбилея въ г. Бѣлопольѣ послѣ торжественнаго богослуженія было роздано 1000 экземпляровъ книгъ того же содержанія. Для достиженія же другой цѣли—благотворительности бѣднымъ братство не жалѣло своихъ средствъ, всѣми силами стараясь помочь нуждающимся. Денежныя средства отдѣленія: въ теченіе 1910—1911 и 1912 годовъ поступило на приходъ съ остаточными 8593 руб. 24 коп., израсходовано 7919 руб. 58 коп., остается къ будущему году 673 р. 66 к.

10) Купянское отдѣленіе состояло изъ 282-хъ членовъ, изъ которыхъ 94 дѣйствительныхъ, 74 членовъ-сотрудниковъ и 114 членовъ-соревнователей.

Совѣтъ отдѣленія состоялъ изъ Предсѣдателя Протоіерея Іоанна Левандовскаго, Товарища Предсѣдателя дѣйств. ст. сов. С. Е. Фенева,

членовъ по должности: Предсѣд. Купян. отдѣленія училищнаго Совѣта свящ. А. Субботина, уѣздн. наблюд. церк. школъ свящ. В. Маслова, о.о. благочинныхъ протоіереевъ: В. Попова и Ф. Навродскаго и свящ. П. Самойлова, и членовъ по избраніи: помощн. смотр. Купян. Духовнаго Училища Н. Я. Александрова, отставнаго полковника В. Е. Макухина, коллеж. сов. В. К. Лазаревскаго, священниковъ: М. Лядскаго, І. Нечаева и Г. Попова. Казначеемъ отдѣленія состоялъ свящ. І. Нечаевъ и дѣлопроизводителемъ Совѣта свящ. М. Лядекій.

Ревизіонная комиссія состояла изъ: надвор. сов. И. Т. Бугуцкаго и свящ. С. Дубровина и И. Шишлова.

Дѣятельность Совѣта отдѣленія выразилась въ слѣдующемъ: Совѣтъ отдѣленія въ отчетномъ году выписывалъ религіозно-нравственные, противо-сектантскіе и противо-алкогольные журналы, книги, брошюры и листки. Съ той же цѣлью въ отчетномъ году, въ залѣ соборной церковно-приходской школы устраивались религіозно-нравственныя чтенія съ свѣтовыми картинами. Всѣхъ чтеній было 32.

Денежныя средства отдѣленія: поступило на приходъ съ остаткомъ отъ предшествующаго года 1088 руб. 35 коп., израсходовано 610 руб. 20 коп., остается къ слѣдующему году 478 руб. 15 коп.

11) Славянское отдѣленіе состояло изъ 70-ти членовъ, въ числѣ коихъ почетныхъ 4. пожизненныхъ 4, и дѣйствительныхъ 62 чел.

Почетными членами состоятъ: Высокопреосвященный Арсеній, Преосвященный Феодоръ, Архимандритъ Арсеній и вдова почет. граж. Марфа Андреевна Шнуркова.

Пожизненные члены: славян. купецъ А. І. Котляровъ, жена д. ст. сов. К. И. Семянника, славян. купецъ Т. В. Рѣзниченко и его жена М. С. Рѣзниченко.

Въ составъ Совѣта славянскаго отдѣленія входили: Предсѣдатель Совѣта свящ. М. Попомаревъ, Товарищъ Предсѣдателя славянскій городской голова П. М. Ламзинъ, директоръ слав. город. банка Н. А. Полоцкій (казначей), свящ. А. Панкратьевъ (секретарь) и 12 членовъ.

Дѣятельность Совѣта славянскаго отдѣленія въ отчетномъ году выразилась главнымъ образомъ, въ заботахъ о религіозно-нравственномъ воспитаніи и матеріальномъ содержаніи прирѣваемыхъ въ сиротскомъ приютѣ дѣтей. Въ приютѣ, учрежденномъ М. А. Шнурковой, находящемся въ вѣдѣніи Славянскаго отдѣленія Братства Озерянской иконы Вожіей Матери, въ отчетномъ году прирѣвалось 20 сиротъ, а именно: 10 мальчиковъ и 10 дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 4-хъ до 12-ти лѣтъ. Дѣти школьнаго возраста, въ числѣ 11-ти, посѣщали школу. Въ свободное отъ занятій время, дѣвочки подъ руководствомъ

смотрительницы, занимались рукодѣліемъ. Но главное вниманіе было обращено на воспитаніе дѣтей въ духѣ православной вѣры и христіанской нравственности. Ежедневно подъ руководствомъ смотрительницы, въ зданіи пріюта совершалась общая молитва. Каждый поступокъ дѣтей освѣщался съ религіозно-нравственной стороны.

Денежныя средства отдѣленія: поступило на приходъ съ остаткомъ отъ предшествующаго года 1532 руб. 1 коп., израсходовано 1532 руб. 1 коп.

12) Бѣловодское отдѣленіе имѣло въ своемъ составѣ 140 лицъ, изъ которыхъ 35 дѣйствительныхъ, 42 членовъ-сотрудниковъ и 64 членовъ-сорежиссеровъ.

Предсѣдателемъ Совѣта отдѣленія состоялъ свящ. Л. Пономаревъ, Товарищемъ его свящ. С. Косьминъ и члены: священники М. Быковцевъ, Д. Шишловъ, Д. Люминарскій, Г. Кузнецовъ, І. Иноковъ, Г. Макаровскій, Ф. Войтовъ (казначей) и Г. Карповъ (дѣлопроизводитель).

Ревизионная комиссія имѣла Предсѣдателя свящ. Г. Александрова и членовъ священниковъ: І. Любарскаго и И. Полтавцева.

Дѣятельность отдѣленія направлена была на то, чтобы дать населенію здоровую, умственную пищу путемъ распространенія соответствующей литературы. Въ этихъ видахъ Совѣтъ отдѣленія распространилъ среди населенія 10000 листовъ миссіонерскаго, религіозно-нравственнаго и противо-алкогольнаго содержанія. Было распространено въ народѣ 250 экземпляровъ «Южно-Русскаго календаря». Въ цѣляхъ улучшенія постановки чтеній Совѣтомъ пріобрѣтенъ волшебный фонарь. Для чтеній были избираемы статьи изъ священной и отечественной исторіи и статьи религіозно-нравственнаго и бытового характера.

Денежныя средства отдѣленія: поступило на приходъ съ остаткомъ отъ предшествующаго года 224 руб. 13 коп., израсходовано 130 руб. 27 коп., остается на будущій годъ 93 руб. 86 коп.

Предсѣдатель Совѣта Братства,

Теодоръ, Епископъ Сумскій.

Протоіерей Іоаннъ Пичета.

Ректоръ Семинаріи Протоіерей А. Юшковъ.

Епархіальный Наблюдатель, В. Давыденко.

Протоіерей Петръ Полтавцевъ.

Протоіерей Николай Любарскій.

Членъ-дѣлопроизводитель

Священникъ Михаилъ Клячновъ.

ПРОТОКОЛЬ

Общаго Собранія членовъ Братства Озерянской иконы Божіей Матери.

1913 года. Ноября 3 дня.

Въ 7 часовъ вечера 3-го ноября 1913 года въ крестовую церковь Покровскаго монастыря собрались члены Совѣта Озерянскаго Братства, городское духовенство—монашествующее и бѣлое, нѣкоторые изъ преподавателей духовно-учебныхъ заведеній г. Харькова и служащихъ въ Консистоіи и нѣкоторые изъ пріѣзжаго духовенства.

При входѣ въ храмъ Высокопреосвященнѣйшаго Покровителя Братства Архіепископа Арсенія и Предсѣдателя Совѣта Преосвященнаго Θεодора, собравшіеся пропѣли молитву Св. Духу и Его Высокопреосвященство объявилъ собраніе открытымъ.

Согласно памѣченной и утвержденной Его Высокопреосвященствомъ программѣ, дѣлопроизводитель священникъ М. Клячновъ доложилъ собранію выдержки изъ отчета о дѣятельности Братства за истекшій годъ. По выслушаніи отчета Его Высокопреосвященство обратилъ вниманіе собранія на то, что Уѣздныя отдѣленія Братства не равномерно проявляютъ свою дѣятельность на пользу Братства, такъ, на примѣръ, въ однихъ отдѣленіяхъ члены насчитываются сотнями, а въ другихъ только десятками, на это нужно обратить вниманіе Центральному Совѣту Братства. Затѣмъ часто слышатся жалобы Уѣздныхъ отдѣленій на то, что Центральный Совѣтъ забираетъ третью часть членскихъ взносов, отдѣленія тяготеютъ этимъ и нерѣдко обращаются съ просьбой освободить ихъ отъ этихъ взносов. Нужно выяснитъ, что цѣли Братства многочисленны и въ высшей степени разнообразны: нужно прибавитъ жалованье Епархіальному миссіонеру и его помощникамъ, выписка брошюръ и листовъ для раздачи народу является насущною потребностью и приноситъ великую пользу простому народу. Нужно выяснитъ, чтобы отдѣленія по мѣстамъ сознавали важность своей дѣятельности и симпатичныя цѣли Братства. Въ епархіи болѣе 1000 чел. священниковъ, около 400 чел. діаконовъ, затѣмъ много псаломщиковъ и учителей церковныхъ школъ, если равномерно производить между ними членскіе взносы, то получится достаточная сумма, необходимая для осуществленія цѣлей Братства.

Затѣмъ членъ Совѣта Братства священникъ о. Петръ Вишняковъ прочиталъ докладъ на тему; „Святый Равноапостольный Царь Константинъ и его Миланскій Эдиктъ». Въ этой рѣчи о. Петръ Вишняковъ выяснилъ громадное значеніе этого Эдикта для христіанскаго міра.

Далѣе казначей Братства Протоіерей о. Николай Любарскій доложилъ собранію отчетъ о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ, а Протоіерей о. Василій Ветуховъ актъ ревизіонной комиссіи о провѣркѣ денежныхъ суммъ Братства.

Согласно Уставу Братства, въ послѣднемъ засѣданіи Совѣта по жребію выбыли два члена его: Протоіерей о. І. Пичета и о. В. Добровольскій. Собраніе единогласно просило выбывшихъ продолжать оставаться въ ихъ должностяхъ и на будущее время; равно какъ Собраніе просило также Предсѣдателя ревизіонной комиссіи Протоіерея В. Ветухова и членовъ А. А. Снегирева и Священника І. Горайна и кандидатовъ въ члены Совѣта Братства Архимандрита Афанасія и Протоіерея о. В. Ветухова, а также кандидата въ члены ревизіонной комиссіи Священника о. І. Дмитревскаго оставаться въ ихъ должностяхъ, на что послѣдніе изъявили свое согласіе.

По предложенію Его Высокопреосвященства собраніе, принимая во вниманіе труды Протоіерея о. І. Пичеты по должности товарища Предсѣдателя Братства, единогласно избрало его почетнымъ членомъ Братства.

Во время выборовъ архіерейскимъ хоромъ пѣвчихъ подъ управленіемъ М. С. Ведринскаго исполненъ былъ концертъ: «Богородице, Дѣво, Радуйся»!

Въ заключеніе Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній выразилъ благодарность собравшимся членамъ Братства, пожалѣвъ о тѣхъ, которые не явились; просилъ передать и имъ, чтобы не ослабѣвала въ членахъ Братства энергія, чтобы просвѣтительная и миссіонерская дѣятельность членовъ Братства была дружна и благоуспѣшна, чтобы и на будущее время дѣятельность эта не ослабѣвала, а напротивъ расширялась и укрѣплялась и приносила бы плоды, осуществляя задачи, намѣченныя Уставомъ Братства—распространеніе и утвержденіе въ обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ Православной Церкви.

Послѣ пѣнія молитвы «Достойно есть» собраніе Его Высокопреосвященствомъ было закрыто.

Предсѣдатель Собранія *Архіепископъ Арсеній.*

Дѣлопроизводитель *Священникъ Михаилъ Клячновъ.*

О Т Ч Е Т Ъ

О ПРИХОДѢ И РАСХОДѢ ДЕНЕЖНЫХЪ СУММЪ

ХАРЬКОВСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО

ОЗЕРЯНСКАГО БРАТСТВА

съ 1 октября 1912 г. по 1 октября 1913 года.

1913 года, октября 22 дня Ревизіонная Коммиссія провѣрила сей отчетъ и нашла его согласнымъ съ приходо-расходною книгою и оправдательными документами. О по-вѣркѣ наличности суммъ составленъ отдѣльный актъ.

Предсѣдатель Ревизіонной Коммиссіи

Протоіерей Василій Ветуховъ.

Члены: { *Смотритель училища Александръ Снегиревъ.*
Священникъ Іоаннъ Горайнъ.

О Т

о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ Харьковскаго Епархі

П Р И Х О Д Ъ

Оставалось отъ 1912 года:

а) расходнаго капитала

Наличн.		Билет.	
РУБ.	К.	РУБ.	К.

2335 41 — —

б) запаснаго капитала

100 — 11500 —

Поступило на приходъ съ 1 окт. 1912 г.

1 Членскихъ взносовъ 865 35 — —

2 Отъ Уѣздныхъ Отдѣленій $\frac{1}{3}$ прихода . . . 1177 83 — —

3 Отъ богословскихъ чтеній въ городскомъ домѣ 96 80 — —

4 Получено % на капиталъ 555 86 — —

5 Получено отъ продажи календаря на 1913 г. 896 51 — —

6 Получено за напечатаніе объявленій въ календарѣ 43 65 — —

7 Приобрѣтено процентныхъ бумагъ за наличный запасной капиталъ (846 р. 53 к.) на номинальн. сумму — — 900 —

8 Получено за разсланные чрезъ благочинныхъ брошюры „Фельдмаршалъ Вел. Кн. Ник. Ник. Старшій 25 85 — —

9 Поступило отъ Совѣта Волчанскаго Уѣздн. Отдѣленія на содержаніе 4-го помощн. Епарх. Миссіонера 150 — — —

Итого поступило на приходъ. . . 3811 35 900 —

Всего состояло на приходѣ съ остаткомъ. 6246 76 12400 —

Предсѣдатель Совѣта

Члены: {

Членъ-Казначей

Ч Е Т Ъ

ального Озерянского Братства съ 1 окт. 1912 г. по 1 окт. 1913 г.

РАСХОДЪ		Наличн.		Билет.	
		РУВ.	К.	РУВ.	К.
1	На покупку брошюръ для бесплатной раздачи	231	—	—	—
2	На богословскія чтенія въ городскомъ домѣ.	124	15	—	—
3	Отослано въ Миссіон. Совѣтъ на миссіонер. расходы	550	—	—	—
4	Выдано жалованье разсылному и письмоводителю	91	—	—	—
5	На канцелярскіе и мелочные расходы	20	55	—	—
6	Израсходовано на составленіе, печатаніе и разсылку „календаря на 1913 годъ“	1231	67	—	—
7	Уплочено за купленныя процентныя бумаги (900 р.) изъ запаснаго капитала наличными	846	53	—	—
8	Отосланы въ Харьк. Миссіонерскій Совѣтъ присланные Совѣт. Волчанскаго Уѣзднаго Отдѣленія на содержаніе 4-го пом. Епарх. Миссіонера	150	—	—	—
9	Выдано заимообразно Совѣту Старобѣльскаго Уѣзднаго Отдѣленія Братства	200	—	—	—
Итого израсходовано.		3444	90	—	—
Остается на 1 окт. 1914 г.					
	а) расходнаго капитала	2794	25	—	—
	б) запаснаго капитала	7	61	12400	—
Всего расхода съ остаткомъ.		3246	76	12400	—

Феодоръ Епископъ Сумскій.

Протоіерей Іоаннъ Пичета.

Протоіерей Петръ Полтавцевъ.

Священникъ Михаилъ Клячновъ.

Протоіерей Николай Любарскій.

А К Т Ъ.

1913 года, октября 22 дня Ревизионная Коммиссія свидѣтельствовала денежныя суммы Харьковскаго Епархіального Озерянской иконы Божіей Матери Братства, и оказалось: 1) билетами разныхъ наименованій двѣнадцать тысячъ четырехста (12400) рублей; 2) наличными двѣ тысячи пятьсотъ восемь (2508) рублей 98 копѣекъ, каковая сумма хранится по книжкѣ № 3484 Харьковской Государственной Сберегательной Кассы при Конторѣ Государственнаго Банка. А всего билетами и наличными четырнадцать тысячъ девятьсотъ восемь (14908) рублей 98 копѣекъ, именно та сумма, какая значится по прихода-расходной книгѣ по день ревизіи.

Предсѣдатель Ревизионной Коммиссіи

Протоіерей Василій Ветуховъ.

Члены: { *Смотритель Училища Александръ Снегиревъ.*
Священникъ Іоаннъ Гораинъ.

Съ подлиннымъ вѣрно. Членъ-Казначей Братства

Протоіерей Николай Любарскій.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналъ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-правственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“— В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. П. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“ Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. П. Глубоковскаго.— „Основное или Аюлогетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— Статьи объ антихриствѣ. Проф. А. Д. Бѣляева.— „Книга Руфъ“. Преосвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. С. С. Глаголева.— „Философія монизма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философій“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философій“.— Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философій“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философій“. П. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— Чтеніе по космологіи. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и **съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы** о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи **не позже**, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, депъги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: **въ г. Харьковь, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.**

Контора редакціи открыта ежедневно, отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминонъ.